

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи



АБДРАХМАНОВ ДЕНИС ВАДИМОВИЧ

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент,
Кузьмин Андрей Георгиевич

Челябинск – 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Информационное общество в Российской Федерации как объект конституционно-правового регулирования.....	23
§ 1. Понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования.....	23
§ 2. Пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе.....	49
§ 3. Понятие и теоретическая характеристика конституционно-правовых основ информационного общества.....	64
Глава 2. Содержание и проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации.....	74
§ 1. Конституционно-правовые основы информационной сферы и проблемы их реализации в информационном обществе.....	74
§ 2. Конституционно-правовые основы политической, социально-экономической и духовной сфер и проблемы их реализации в информационном обществе.....	157
§ 3. Оценка правовой эффективности и направления совершенствования конституционно-правовых основ информационного общества.....	183
Заключение.....	197
Библиографический список	205

Введение

Актуальность темы исследования. Одним из приоритетных стратегических направлений в Российской Федерации является развитие информационного общества. Данному вопросу государство уделяет большое внимание, выделяются значительные финансовые ресурсы. Так, объём финансирования государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011 – 2024 годы) составляет 2,6 трлн руб., что значительно превосходит объём государственного финансирования в других областях¹. Информационные технологии основательно вошли в повседневную жизнь граждан Российской Федерации. «Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян» – отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы². Роль информационной сферы

¹ Для сравнения объём финансирования государственной программы «Воспроизводство и использование природных ресурсов» составляет 0,65 трлн руб., государственной программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» – 0,14 трлн руб., государственной программы «Развитие энергетики» – 0,16 трлн руб. См.: Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159; Государственная программа Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов», утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 322 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2168; Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 305 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть I). – Ст. 2152; Государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики», утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 321 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2167.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

общества будет возрастать и все больше становиться важнейшим фактором общественной жизни.

Изменениями в общественных отношениях, вызванными развитием информационного общества, обусловлено пристальное внимание философов, социологов, экономистов, политологов, а также представителей правовой науки к данному феномену. Правовые основы формирования и развития информационного общества в Российской Федерации отмечены в качестве самостоятельного направления для научных исследований в области информационного права и прямо упомянуты в паспорте данной научной специальности. Однако указанное обстоятельство не исключает насущной необходимости исследовать информационное общество с точки зрения конституционно-правовой науки.

Конституционное право России не может не реагировать на изменения в общественных отношениях, связанных с развитием информационного общества. Именно конституционное право как системообразующая отрасль права должно задавать методологическую рамку для разрешения различных правовых проблем, связанных с информатизацией общественной жизни. Анализ конституционно-правовой литературы, в том числе и современной, позволяет выделить несколько аспектов, отражающих вызовы информационного общества, актуальные непосредственно для конституционного права России. Во-первых, необходимо обеспечить использование достижений информатизации во благо человека и общества, обеспечить баланс между публичными и частными интересами в эпоху тотальной цифровизации. Во-вторых, необходимо обеспечить защиту суверенитета государства от возрастающих угроз информационной безопасности. В-третьих, именно конституционное право должно ответить на вопросы, связанные с развитием прав и свобод человека и гражданина в условиях развития информационного общества, в частности предложить публично-правовые механизмы защиты чести и достоинства (в дополнение к гражданско-правовым). В-четвертых, с учетом возможностей современных информационных технологий

должны расширяться способы осуществления населением публичной власти, что безусловно относится к предмету конституционного права России.

В последнее время учёные и практики всё чаще обращают внимание на проблемы правового регулирования отношений в современном информационном обществе именно конституционно-правового характера. В основном, эти проблемы связаны с реализацией конституционных прав и свобод в информационной сфере. В условиях развития информационного общества и, соответственно, в условиях возникающих угроз информационной безопасности федеральный законодатель всё чаще вынужден инициировать изменения, которые не находят поддержки в обществе и даже подвергаются критике как нарушающие конституционные права и свободы³. Неоднозначность некоторых правоограничивающих положений информационного законодательства, оцениваемых на соответствие Конституции Российской Федерации⁴, иногда приводит к разногласиям среди судей Конституционного Суда Российской Федерации⁵.

Изложенное демонстрирует, что существующее правовое регулирование отношений в информационном обществе в Российской Федерации заслуживает пристального внимания не только информационного права, но и права конституционного. Рассмотреть информационное законодательство сквозь призму

³ Среди недавних изменений в федеральное законодательство, которые вызвали крайне неоднозначное отношение, можно отметить: 1. «Закон о суверенном интернете», призванный обеспечить возможность функционирования сети Интернет в национально-территориальных границах. См.: Федеральный закон от 01 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2214. 2. Закон о «фейкньюс», предусматривающий административную ответственность за распространение в информационных сетях информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу и государству. См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1218.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398 (далее – Конституция РФ).

⁵ В качестве примера можно привести особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19¹ Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 359.

конституционно-правовой науки и практики представляется возможным в рамках комплексного исследования конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации.

Еще одной не менее важной причиной, которой обуславливается актуальность темы диссертационного исследования, является вопрос о релевантности отдельных положений Конституции РФ условиям современного информационного общества в России. Ученые-конституционалисты оправданно ставят вопросы об актуальности Конституции РФ информационным реалиям, о необходимости создания «цифровой конституции» и т.д.⁶. Изменение социального уклада общественной жизни, обусловленное развитием информационного общества, требует постоянного совершенствования механизмов правового регулирования. Когда была принята Конституция РФ, информатизация общественной жизнедеятельности находилась на низком уровне в развитии. Сейчас дело обстоит совсем иначе. Такая тенденция очевидно прослеживается и в развитии информационного законодательства: большинство законов, образующих систему современного информационного законодательства, были приняты после 1993 года, то есть на основании действующей Конституции РФ. Информационные технологии стремительно развиваются, меняется общество, меняется в связи с этим и законодательство⁷. Всё это происходит в рамках конституционно-правовой парадигмы прошлого века. Насколько Конституция РФ сохраняет свою актуальность в XXI веке – веке информационного общества – это вопрос, который может быть исследован исключительно в рамках конституционно-правового знания. В этом контексте особый научный интерес представляет анализ результатов конституционной реформы в 2020 году и анализ некоторых новых

⁶ См., например, Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex russica*. – 2016. – № 3 – С. 164–182, Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // *Вестник Российской академии наук*. – 2018. – № 12. – Т. 88. – С. 1075–1082.

⁷ Только в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с момента принятия было внесено более 50 изменений (в среднем, это больше, чем три изменения в один год).

положений Конституции РФ в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее также – Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ)⁸.

Актуальность выбранной темы диссертационного исследования подтверждается также и тем, что в последнее время чаще стали встречаться научные работы, посвященные отдельным вопросам конституционно-правового регулирования отношений, складывающихся в информационном обществе⁹. Иногда этой проблематике посвящаются отдельные научные мероприятия¹⁰. Несмотря на усиливающееся внимание к отдельным аспектам проблематики

⁸ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁹ См.: Швабауэр А.В. Кардинальное изменение правил оказания госуслуг и конституционные права граждан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 10. – С. 3–7; Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // *Lex russica* (Русский закон). – 2021. (9). – С. 119–130; Бурла В.М. Цифровизация как фактор влияния на развитие конституционной аксиологии // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 84–91; Лунгу Е.В. Тенденции развития конституционных правоотношений в свете перехода к Digital State // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 61–63; Васильева Л.Н., Григорьев А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 40–58; Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. № 10. – С. 41–45; Бачило И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 95–108.; Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex russica*. – 2016. – № 3 – С. 164–182; Гриценко Е.В., Бабелюк Е.Г., Проскуракова М.И. Развитие права на доступ к информации в сфере публичного управления в российском и германском конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5 – С. 10–27.; Гриб В.В. Право на получение информации и проблемы его реализации субъектами общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом // Российская юстиция. – 2015. – № 10 – С. 16–19. и др.

¹⁰ Например, международная конференция «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право», состоявшаяся на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 18 – 20 апреля 2019 г., IV Международный Конституционный Форум, посвященного 95-летию юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и др.

конституционно-правового регулирования информационного общества России, эта тема не получила комплексного конституционно-правового исследования.

Изложенные выше обстоятельства и доводы легли в основу выбора темы настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Обзор научной литературы, связанной с различными проблемами конституционно-правового регулирования общественных отношений в информационном обществе, позволяет констатировать отсутствие комплексных научных исследований конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации. На сегодняшний день имеется определенное количество научных работ по конституционному праву, посвященных лишь отдельным аспектам, связанным с конституционно-правовым регулированием отношений в информационном обществе.

В числе научных работ по конституционному праву, посвященных анализу конституционно-правового регулирования информационных отношений в целом, можно отметить диссертационные исследования С.Н. Шевердяева «Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации» и М.И. Савинцевой «Конституционно-правовые проблемы регулирования информационных отношений в Японии: история и современность». В указанных работах поднимаются вопросы, касающиеся специфики конституционно-правового регулирования отношений, складывающихся именно в информационной сфере общественной жизни, анализируются проблемы данного регулирования.

Наиболее подробное конституционно-правовое освещение получили отдельные вопросы, связанные с информационными правами и свободами человека и гражданина. Можно обратить внимание на диссертационные исследования Р.Г. Вахрамеева «Право на информацию в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование»; Т.Ш. Иззатова «Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации»;

Е.С. Лисицыной «Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты»; А.Н. Давыдова «Конституционно-правовые основы реализации права на массовую информацию в России и за рубежом»; А.В. Пресняковой «Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт»; А.А. Одринского «Конституционно-правовые основы реализации права каждого на информацию в Российской Федерации»; Л.Г. Лапо «Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации»; Ю.Е. Жиронкиной «Соотношение права на информацию и права на охрану тайны личной жизни по Конституции Российской Федерации»; З.Р. Гаджиевой «Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации» и Р.И. Шайхиева «Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации». В указанных работах анализируются такие вопросы как понятие, содержание права на информацию, механизм, гарантии и проблемы его реализации, вопросы ограничения права на информацию, а также отдельные аспекты реализации права на информацию в отношении различных сведений.

Конституционно-правовые аспекты деятельности средств массовой информации получили рассмотрение в диссертационных исследованиях М.А. Федотова «Средства массовой информации как институт социалистической демократии: государственно-правовые проблемы»; Г.А. Алхутовой «Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности», М.А. Тульнева «Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации», а также в других работах по конституционному праву. В данных работах исследованы вопросы конституционно-правового статуса и деятельности средств массовой информации, вопросы свободы массовой

информации, а также отдельные аспекты взаимодействия средств массовой информации с государством и различными институтами гражданского общества.

В рамках некоторых научных работ конституционно-правовой направленности были исследованы вопросы информационной безопасности. В их числе диссертации А.Г. Саидова «Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации», А.С. Жарова «Конституционно-правовое регулирование информационной безопасности личности в Российской Федерации» и иных авторов. В данных работах поднимаются вопросы о понятии информационной безопасности, правового регулирования системы информационной безопасности, а также различные конституционно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности.

Как следует из проведенного обзора, указанные выше диссертационные исследования посвящены рассмотрению отдельных аспектов конституционно-правового регулирования общественных отношений в информационной сфере общества. Вместе с тем комплексное исследование конституционно-правового регулирования информационного общества не должно ограничиваться анализом исключительно информационной сферы общественной жизни. Отдельного внимания также заслуживают вопросы конституционно-правового регулирования отношений в иных сферах современного информационного общества.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере конституционно-правового регулирования информационных, политических, социально-экономических и духовных общественных отношений, складывающихся в информационном обществе Российской Федерации.

Предметом исследования являются положения и правоприменение законодательства Российской Федерации, образующее конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации, доктринальные взгляды на данные основы, в том числе их понятие, классификация, содержание и проблемы реализации, а также оценка их эффективности в регулировании

информационных, политических, социально-экономических и духовных общественных отношений, складывающихся в информационном обществе Российской Федерации, направления их совершенствования.

Цель исследования заключается в комплексном изучении нового для конституционного права объекта правового регулирования – информационного общества в Российской Федерации, определении роли конституционного права России в правовом регулировании общественных отношений в эпоху их информатизации, выявлении проблем конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе и направлений его совершенствования. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования;
- установить пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе и провести разграничение между конституционно-правовым и информационно-правовым регулированием отношений в информационном обществе;
- дать понятие, провести классификацию и охарактеризовать конституционно-правовые основы на теоретическом уровне;
- выявить содержание конституционно-правовых основ информационного общества Российской Федерации в основных сферах общественной жизни;
- проанализировать проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации, а также предложить пути их решения;
- оценить эффективность конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации и предложить направления по их совершенствованию.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания. В числе общенаучных методов,

использованных в диссертационном исследовании, можно отметить методы анализа и синтеза, методы сравнений и аналогий, системный метод, метод кейсов, метод индукции, а также некоторые другие методы. В число частнонаучных (специально-юридических) методов вошли формально-юридический метод, методы толкования норм права, а также сравнительно-правовой метод.

Применение *методов анализа и синтеза* позволило диссертанту проанализировать различные доктринальные источники и программные документы об информационном обществе и сделать обобщающие выводы, определив тем самым понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования.

Применение *методов сравнения и аналогии* позволило определить пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе, которые аналогичны пределам конституционно-правового регулирования общества, в том числе общества другого типа.

Системный метод позволил провести классификацию конституционно-правовых основ информационного общества, а также рассмотреть отдельные конституционно-правовые основы информационного общества с точки зрения их внутренней системой взаимосвязи.

Метод кейсов позволил рассмотреть конкретные существующие или возможные ситуации (кейсы), связанные с реализацией конституционно-правовых основ информационного общества в России и выявить реально-существующие или возможные проблемы. Метод *индукции*, в свою очередь, позволил выявленные проблемы обобщить.

Применение *формально-юридического метода* дало возможность исследовать положения отраслевого законодательства, конкретизирующего конституционно-правовые основы информационного общества в России. *Методы толкования норм права* позволили установить конституционно-правовой смысл отдельных положений Конституции РФ. При толковании Конституции РФ, а также

положений отраслевого законодательства, диссертант ориентировался на способы толкования, используемые Конституционным Судом Российской Федерации в своей практике (грамматическое толкование, системное толкование, телеологическое толкование, историческое толкование).

Сравнительно-правовой метод позволил провести сравнение положений Конституции РФ, образующих конституционно-правовые основы информационного общества в России, с аналогичными положениями конституций зарубежных стран, в которых информационное общество находится на другом уровне развития. В результате проведенного сравнения удалось констатировать то, что рассмотренные конституции зарубежных государств (США, Швейцария, Южная Корея, Япония, Сингапур и другие), так же как и Конституция РФ, не делают ни каких уточнений относительно использования сети Интернет или иных информационно-коммуникационных сетей при реализации тех или иных конституционных прав и свобод. Этот факт подтверждает отсутствие необходимости вносить какие-либо изменения в Конституцию РФ на данном этапе общественного развития в целях её «информатизации и цифровизации».

Теоретическую основу исследования составили труды учёных в области права, в том числе конституционно-правовой науки. Помимо этого, с учётом задач диссертационного исследования в работе были использованы теоретические наработки социально-философской направленности и труды, посвященные информационному обществу.

В рамках определения сути и специфики информационного общества для целей конституционно-правового исследования были использованы наработки зарубежных философов и социологов, таких как Дэниел Белл, Жан Бодрийяр, Мануэль Кастельс, Марк Постер, Фрэнк Уэбстер, Герберт Шиллер и других. Для этих целей также использовались работы отечественных философов и социологов, таких как И.Ю. Алексеева, Т.В. Ершова, И.С. Мелюхин, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракитов, Г.Л. Смолян, А.Д. Урсул, Ю.Е. Хохлов, Д.С. Черешкин и других.

Теоретической основой для определения пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе послужили работы конституционно-правовой и теоретической направленности таких учёных как С.А. Авакьян, Е.И. Козлова, В.Ф. Коток, М.И. Кукушкин, О.Е. Кутафин, С.М. Равин, Т.Н. Радько, И.П. Трайнин и других.

Основу для анализа теоретических и практических вопросов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе составили работы учёных-конституционалистов, таких как С.А. Авакьян, Г.А. Алхутова, Я.В. Антонов, Н.С. Бондарь, Р.Г. Вахрамеев, З.Р. Гаджиева, А.Н. Давыдов, А.С. Жаров, Ю.Е. Жиронкина, Т.Ш. Иззатов, И.А. Кравец, Л.Г. Лапо, В.А. Лебедев, Е.С. Лисицына, А.А. Одринский, А.В. Преснякова, М.И. Савинцева, А.Г. Саидов, М.А. Тульнев, М.А. Федотов, Р.И. Шайхиев, С.М. Шахрай, С.Н. Шeverдяев и других.

Помимо этого, в диссертационном исследовании были использованы отдельные работы учёных в области информационного права. В их числе можно отметить работы И.Л. Бачило, А.В. Минбалеева, Т.А. Поляковой, И.М. Рассолова, Э.В. Талапиной, А.И. Химченко и других авторов.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты федерального уровня, законы и подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, регулирующие отношения в различных сферах современного информационного общества в России.

Эмпирическая основа исследования. В диссертационном исследовании использовалась практика Европейского Суда по правам человека, практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Особое значение для данного исследования имела практика Конституционного Суда Российской Федерации, анализ которой позволил установить конституционно-правовой смысл отдельных положений Конституции РФ. Помимо перечисленного, в диссертационном

исследовании были использованы аналитические и статистические материалы, а также материалы новостного характера.

Научная новизна исследования обусловлена новым для конституционно-правовой доктрины объектом диссертационного исследования – информационным обществом в Российской Федерации. Впервые в науке конституционного права России определены пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе, выявлены содержание и проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества (в том числе некоторых новых положений Конституции РФ в редакции Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ), дана оценка правовой эффективности и обозначены направления совершенствования конституционно-правовых основ информационного общества.

Автором диссертационного исследования при анализе проблем реализации конституционно-правовых основ информационного общества в России были предложены теоретические конструкции, на основе которых могут быть разработаны предложения по изменению отдельных положений законодательства Российской Федерации, регулирующих отношения в различных сферах современного информационного общества.

Основные положения, выносимые на защиту. Проведённое комплексное исследование конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы, образующие положения, выносимые на защиту и являющиеся новыми или содержащими элементы научной новизны:

1. Пределы конституционно-правового регулирования информационного общества обусловлены двуединой природой предмета конституционного права. Конституционное право России как отрасль определяет *основы* существования и развития всех сфер информационного общества, а также *детально* регулирует отношения в информационном обществе, складывающиеся в областях,

составляющих основные элементы государства. Исходя из данных пределов следует разграничение между конституционно-правовым и информационно-правовым регулированием отношений в информационном обществе. Информационное право России как отрасль регулирует общественные отношения в информационной сфере информационного общества. Данное регулирование должно осуществляться в соответствии с определенными в конституционном праве основами информационной сферы.

2. Было дано авторское понятие конституционно-правовым основам информационного общества и осуществлена их классификация. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации – это нормы конституционного права, имеющие основополагающее значение для регулирования взаимосвязанных и взаимозависимых отношений в разных сферах общественной жизнедеятельности, находящихся в состоянии постоянного развития и преобразования, обусловленном возрастающей ролью информационных технологий, информации и знаний. По критерию сфер, в отношении которых Конституцией РФ установлены основополагающие положения, а также по критерию объекта правоотношений данные основы можно классифицировать на две группы. Первая – это конституционно-правовые основы информационной сферы. Вторая – это конституционно-правовые основы политической, социально-экономической и духовной сфер. Приведенная классификация является магистральной, и в рамках каждой группы возможна классификация по иным критериям.

3. Среди конституционно-правовых основ информационного общества в России особое положение занимает государственный суверенитет, призванный обеспечивать информационную безопасность государства в информационной сфере общества, а также осуществлять охранительную функцию – в политической. Средства обеспечения государственного суверенитета по-разному влияют на развитие национального и глобального информационного общества. В первом случае обеспечение государственного суверенитета не вступает в явный конфликт

с развитием национального информационного общества: защита от внешних информационных угроз не оказывает существенного влияния на возможность развития информационного общества внутри страны. Во втором случае обеспечение государственного суверенитета и развитие глобального информационного общества – конкурирующие между собой задачи. Вместе с этим, отдельные меры по обеспечению государственного суверенитета сдерживают развитие информационного общества в Российской Федерации.

4. С учетом вызовов информационного общества и нарастающих угроз информационной безопасности своевременной является поправка в пункт «м» ст. 71 Конституции РФ, согласно которой обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных находятся в ведении Российской Федерации. В этом плане личность, общество и государство являются объектами охраны от возможных угроз информационной безопасности. Было установлено, что на данный момент в правовой защите, в том числе конституционно-правовой, преобладают публичные интересы (общества и государства).

5. В современном информационном обществе в Российской Федерации наблюдается тенденция усугубления проблем в регулировании общественных отношений конституционно-правового характера. Анализ содержания конституционно-правовых основ информационного общества с учётом их конституционно-правового смысла и положений отраслевого законодательства позволил выявить следующие проблемы в их реализации: дисбаланс между публичными и частными интересами в пользу публичных интересов, проблема конкуренции между различными информационными правами и свободами человека и гражданина, а также проблема неконституционности ограничений информационных прав и свобод различными положениями законодательства. При этом была выявлена общая закономерность в проявлении данных проблем, которая заключается в нарушении федеральным законодателем принципа правовой определенности, что является причиной произвольного толкования, приводящего

к возможности различных злоупотреблений со стороны государственных органов или частных лиц.

6. Выявлен потенциал ст. 75¹ Конституции РФ для дальнейшего развития информационного общества и формирования общества знаний, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Во-первых, вектор на оптимальное соотношение индивидуальной свободы и общественной солидарности может обеспечить баланс между личными, общественными и государственными интересами в регулировании отношений в информационном обществе. Во-вторых, обеспечение социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности может стать ответом на актуальные проблемы информатизации общественных отношений, в том числе проблему цифрового неравенства. В-третьих, положение о том, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества может стать фундаментальным основанием для дальнейшего развития принципа достоверности информации в реализации конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом в целях создания благоприятных правовых условий для формирования общества знаний. Помимо этого, вектор на повышение уровня доверия между государством и обществом может стать стимулом для дальнейшего развития цифровых решений и их внедрения, в том числе в сферу взаимоотношений граждан и государства.

7. В целях устранения выявленных проблем в реализации конституционно-правовых основ информационного общества в России были предложены теоретические конструкции, на основе которых могут быть разработаны предложения по изменению отдельных положений законодательства Российской

Федерации: 1) предложено конкретизировать понятие персональных данных в целях недопущения ограничений в свободном распространении информации; 2) в целях недопущения цензуры на практике предложено предусмотреть понятие запрета цензуры не только в отношении средств массовой информации, а также и в отношении иных субъектов, распространяющих массовую информацию, расширив при этом понятие запрета цензуры; 3) в целях соблюдения баланса между правом на свободный поиск информации и правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну предложено расширить перечень ограничений «права быть забытым»; 4) в целях недопущения нарушения права на неприкосновенность частной жизни предложено уточнить и максимально конкретизировать законодательные основания, позволяющие осуществлять сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина без его согласия; 5) в целях недопущения необоснованного ограничения конституционного права на свободное распространение информации предложено законодательно определить содержание понятия общественно значимых сведений (информации), фальсификация или распространение недостоверной информации о которых запрещены; 6) в целях реализации принципа пропорциональности при ограничении конституционных прав и свобод предложено изменить меру ответственности организаторов распространения информации в сети Интернет, заменив *ограничение доступа* к информационному ресурсу на *запрет осуществления деятельности* по организации распространения информации.

8. Оценка эффективности конституционно-правовых основ информационного общества в России позволила прийти к выводу о том, что действующая Конституция РФ на данном этапе развития информационного общества не нуждается в изменениях. Все проблемы правового регулирования, обусловленные вызовами современного информационного общества, могут быть решены посредством модернизации отраслевого законодательства. Вместе с этим был выработан подход, который позволяет определить необходимость внесения

изменений в Конституцию РФ в связи с развитием информационного общества в будущем. Индикатором данной необходимости являются изменения в основах существования информационного общества, обусловленные его эволюционным развитием и дальнейшей цифровизацией.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования обусловлена отсутствием комплексных научных работ, посвящённых анализу конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации. В диссертационном исследовании представлено авторское видение вопросов конституционно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в современном информационном обществе России. Полученные выводы имеют определённую теоретическую ценность для развития информационного и цифрового конституционализма и могут быть использованы в других научных исследованиях конституционно-правовой, а также информационно-правовой направленности.

Результаты определения содержания конституционно-правовых основ информационного общества в России могут быть использованы в рамках правоприменительной деятельности, в том числе судами при рассмотрении спорных ситуаций, обусловленных несовершенством отраслевого законодательства. Выявленные проблемы в реализации конституционно-правовых основ информационного общества в России, а также предложенные теоретические конструкции, направленные на их решение, могут быть использованы в правотворческой деятельности, в том числе при кодификации информационного законодательства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность и обоснованность выводов, полученных в результате диссертационного исследования, подтверждается использованием соответствующей методологии, изучением достаточного объема научной литературы, нормативных правовых актов и судебной практики.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 14 публикациях автора, в том числе в научных журналах, коллективной монографии, а также в сборниках докладов на конференциях. Из указанных публикаций 10 научных статей были опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки России.

Отдельные вопросы, рассмотренные в рамках диссертационного исследования, нашли отражение в докладах автора на 11 научных конференциях, а именно: на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» в 2013, 2015, 2016 и 2017 годах в г. Москве; Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Эволюция права» в 2016 году в г. Москве; совместной XVII Ежегодной международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ и XI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в 2016 году в г. Москве; Международной научной конференции «Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы» в 2017 году в г. Москве; Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Современные проблемы юридической науки» в 2013 и в 2015 годах в г. Челябинске; XIX Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2017» в 2017 году в г. Челябинске; Форуме молодых законодателей «Стратегия развития: вызов молодым» в 2018 году в г. Москве.

Помимо этого, результаты диссертационного исследования использовались автором в рамках отдельных направлений деятельности Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству (2017 – 2019 годы). Использование результатов работы автором заключалось: во-первых, в проведении систематической экспертной оценки проектов нормативно-правовых актов информационно- и конституционно-правовой направленности, рассматриваемых

Советом Федерации и его профильными комитетами; во-вторых, в систематическом участии в работе временной комиссии Совета Федерации по развитию информационного общества; в-третьих, в работе рабочей группы по вопросу законодательного обеспечения развития цифровой экономики Российской Федерации.

Диссертационное исследование прошло обсуждение на кафедре конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета.

Структура исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и библиографии из 338 наименований.

Глава 1. Информационное общество в Российской Федерации как объект конституционно-правового регулирования

§ 1. Понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования

Необходимость исследования конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации ставит перед автором несколько задач теоретического характера.

Во-первых, информационное общество в Российской Федерации как объект правового регулирования комплексно не исследовалось в конституционном праве России. При этом известно, что общество как социальное явление подлежит конституционно-правовому регулированию и входит в предмет конституционного права России наряду с государством и его институтами. Этим обуславливается актуальность вопроса о специфике отношений в информационном обществе, подлежащих конституционно-правовому регулированию. Иными словами, если информационное общество, как и общество в принципе, является объектом конституционно-правового регулирования, то для конституционного права России важна определённость в понятии и сущности информационного общества в Российской Федерации. В отсутствие представления о понятии и сущности информационного общества, его конституционно-правовое регулирование будет беспредметно.

Во-вторых, конституционное право России как фундаментальная отрасль национального права не может и не должно обладать монополией на регулирование всего спектра общественных отношений, складывающихся в информационном обществе. Решение этой задачи под силу только нескольким отраслям национального права, которые должны слаженно взаимодействовать и

взаимодополнять друг друга. Следовательно, необходимо определить пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе. Определение указанных пределов позволит провести разграничение между конституционно-правовым и отраслевым регулированием отношений в информационном обществе, что, в свою очередь, позволит точно определить границы настоящего диссертационного исследования.

В-третьих, рассмотрение информационного общества в Российской Федерации как объекта конституционно-правового регулирования предполагает анализ механизма данного регулирования, его составных элементов и их теоретическую характеристику.

Таким образом, в рамках первой главы диссертационного исследования будут даны ответы на теоретические вопросы о том, что представляет из себя информационное общество в Российской Федерации как объект конституционно-правового регулирования, а также в каком объёме и каким образом конституционное право России регулирует отношения в информационном обществе. Анализ указанных вопросов позволит сформировать понятийно-категориальный аппарат и теоретическую основу для рассмотрения информационного общества в русле конституционно-правового знания.

Непосредственно в данном параграфе речь пойдет о понятии и сущности информационного общества в Российской Федерации для целей конституционно-правового регулирования.

Информационное общество как явление достаточно подробно исследовано отечественными и зарубежными представителями разных отраслей научного знания: философами, социологами, экономистами, политологами, а также представителями правовой науки. На наш взгляд, исследование понятия и сущности информационного общества учеными-правоведами неслучайно. Дело в том, что информационное общество является целевым ориентиром для развития как отдельных государств, так всего человечества. Это следует из положения

основополагающих международных документов, посвященных информационному обществу¹¹. Развитие информационного общества требует качественного правового обеспечения. Это требование ставит перед правовой наукой задачу понимания сущности информационного общества и выработки научно-обоснованных подходов к правовому регулированию общественных отношений, возникающих в различных сферах информационного общества. Справедливо мнение Т.А. Поляковой, что «Определение этого понятия (информационного общества – примечание моё – Д.А.) с точки зрения теории права, конституционного права, административного и информационного права важно для исследования правовых вопросов развития системы информационной безопасности в Российской Федерации, новых вызовов и угроз информационной безопасности, а также определения основных направлений развития правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности при построении информационного общества»¹². При этом, на наш взгляд, понятие и сущность информационного общества должны рассматриваться в рамках нескольких правовых отраслей, одной из которых является конституционное право, как фундаментальная отрасль права России. Это отнюдь не означает, что для каждой отрасли права существует своё собственное информационное общество. Речь в данном случае идет о рассмотрении одного единственного объекта, но через призму предмета правового регулирования, который, как известно, отличается у разных отраслей права. Для конституционного права России важно уяснение понятия и сущности информационного общества, так как без него будет невозможно аргументировать

¹¹ См.: Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8; Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022); Тунисская программа для информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R от 15 ноября 2005 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022); План действий. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

¹² Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Полякова Татьяна Анатольевна. – Москва, 2008. – С. 156.

вхождение информационного общества в предмет конституционного права и определить пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе.

Определение понятия и сущности информационного общества для целей конституционно-правового регулирования должно быть сопряжено как с анализом доктринальных взглядов на информационное общество, так и с анализом содержания наиболее значимых программных документов, направленных на его развитие. Представляется, что такой подход позволит подойти к рассмотрению информационного общества не только с академической, но и практической точки зрения.

Доктринальные взгляды на информационное общество могут быть рассмотрены в рамках анализа основных теорий, которые удачно систематизировал британский социолог Ф. Уэбстер. Всех авторов, критически осмысленных им теорий информационного общества, он поделил на тех, кто провозглашал информационное общество обществом нового типа и на тех, кто придерживался идей социальной преемственности. В рамках первой группы он выделял следующий теоретиков:

- постиндустриализма (Дэниел Белл и легион его последователей);
- постмодернизма (Жан Бодрийяр, Марк Постер);
- гибкой специализации (Майкл Пайор и Чарльз Сейбл, Лари Хиршхорн);
- информационного способа развития (Мануэль Кастельс).

В рамках второй группы (сторонники идей социальной преемственности) он называл следующие теории:

- неомарксизма (Герберт Шиллер);
- регуляционной теории (Мишель Альетта, Ален Липиц);
- гибкой аккумуляции (Дэвид Харви);
- рефлексивной модернизации (Энтони Гидденс);

– публичной сферы (Юрген Хабермас, Николас Гарнэм)¹³.

В развитие теории информационного общества существенный вклад внесла конвергенция идеологий информационного общества и постиндустриализма. Суть и специфику информационного общества в контексте социально-философских взглядов об аграрном, индустриальном и постиндустриальном обществе обозначил американский социолог Д. Белл. Взгляды Д. Белла на постиндустриальное общество нашли свое отражение на страницах работы «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». В этой работе он приходит к выводу о том, что отличительной особенностью постиндустриального общества от индустриального является то, что в основе общества лежит не производство вещей, а производство знания. При этом, речь идет не просто о знаниях, которые играют определённую роль в любом обществе, а о теоретических знаниях. Он пишет следующее: «Конечно, знание необходимо для функционирования любого общества. Но отличительной чертой постиндустриального общества является характер знания. Определяющее значение для организации решений и направления изменений приобретает центральное положение теоретического знания, предполагающего первенство теории над эмпиризмом и кодификацию знаний в абстрактных системах символов, которые могут использоваться в различных изменяющихся сферах опыта. Любое современное общество живет за счёт инноваций и социального контроля за изменениями, оно пытается предвидеть будущее и осуществлять планирование. Именно изменение в осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание¹⁴. Информационное общество в трактовке Д. Белла представляет собой не следующую за постиндустриальным обществом ступень развития человеческой цивилизации, а рассматривается как его стадия. То есть, в использовании понятия «информационное общество» акцент делается не на том,

¹³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхина / под. ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 13.

¹⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., – Basic Books, Inc., 1973. – P. 20.

что это общество следует за индустриальным (так как является постиндустриальным), а на том, что лежит в основе этого общества – на информации. Квинтэссенция взглядов Д. Белла на информационное общество представлена в работе «Социальные рамки информационного общества»¹⁵. В этой работе Д. Белл пишет: «В наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества. Три аспекта постиндустриального общества особенно важны для понимания телекоммуникационной революции:

- переход от постиндустриального общества к сервисному обществу;
- решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций;
- превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений»¹⁶.

В контексте взглядов на информационное общество через призму постиндустриализма нельзя не отметить выводы другого американского философа Э. Тоффлера¹⁷. Рассматривая эволюцию общества как волнообразный процесс, он выделил три волны развития общества. Первая волна называлась «сельскохозяйственной цивилизацией», вторая волна – «индустриальной цивилизацией», на третьей волне общество захлестывает информатизация, а цивилизация становится информационной. Этап третьей волны рассматривается как новый этап развития постиндустриального общества. Он характеризуется тем,

¹⁵ См.: Bell D. The Social Framework of the Information Society. – Oxford, 1980. – 211 pp.

¹⁶ Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П. С. Гуревича. – М., 1988. – С. 300.

¹⁷ См.: Toffler A. The Third Wave. – New York: Morrow, 1980. – 544 p.

что в постиндустриальном обществе главными источниками общественного производства становятся информация, творчество и интеллектуальная технология. Технологические преобразования третьей волны определяют кардинальные преобразования социума:

- трансформация процесса производства, выход на первый план знания и информации как ведущей производственной силы;
- изменение факторов социальной власти (насилия, богатства, знания) в обществе в пользу знания;
- виртуализация структуры общественных отношений, например, изменение бюрократии в направлении формирования антибюрократических властных форм знания¹⁸.

Альтернативной постиндустриальному взгляду на информационное общество является концепция, разработанная французскими исследователями. Так, С. Нора и А. Минк в своей книге «Компьютеризация общества. Доклад Президенту Франции» предпринимают попытку расширения понимания информационного общества. Они пишут о том, что постиндустриальный подход «продуктивен в отношении информации, управляющей поведением производителей и покупателей», но он «бесполезен при столкновении с проблемами, выходящими за сферу коммерческой деятельности и зависящими от культурной модели». Они приходят к выводу о том, что информационное общество представляет собой «совершенное рыночное общество, в котором образование и информация сделают каждого человека осознающим коллективные ограничения, и общество совершенного планирования, где центр получает от каждой единицы базиса верные сообщения о её целях и предпочтениях и в соответствии с этим формирует собственную структуру и позицию. Информация и участие в управлении

¹⁸ Бутенко Е.В. Эволюция теорий информационного общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Бутенко Елена Владимировна. – Томск, 2004. – С. 59.

развиваются в едином процессе. В информационном обществе групповые планы в большей мере, чем ранее, выражают социальные и культурные устремления»¹⁹.

В этом же направлении представителей постиндустриальных взглядов на информационное общество критиковал М. Постер. Например, М. Постер критиковал Д. Белла за то, что он, выдвигая идею информационной экономики, неправомерно сводит коммуникацию к экономической метафоре, отодвигая при этом в сторону вопросы культуры. «Теоретики постиндустриализма не видят последних трансформаций, потому что смотрят на них сквозь «социально-экономические» очки. Конечно, новые тенденции в экономике, отмечаемые Беллом и другими авторами, имеют место. Но их заявления, что эти изменения ведут к фундаментальному переустройству общества, к возникновению постиндустриального мира, уязвимы для критики с позиций марксизма и других направлений, поскольку это изменения количественные, но не качественные»²⁰.

Интересных взглядов на информационное общество придерживаются авторы теории гибкой специализации. Так, М. Пайор и Ч. Сейбл полагают, что «мы переживаем второй индустриальный разрыв»²¹. Суть теории гибкой специализации заключается в том, что в новом веке благодаря развитию информационных технологий кардинальным образом меняется формат труда. Эти изменения заключаются в том, что происходит отказ от монопольного и неквалифицированного труда. Информация пронизывает все элементы экономической жизни: начиная от производства товаров, работ, услуг и заканчивая их потреблением. Информация обеспечивает гибкость трудового процесса, постольку поскольку для выполнения трудовых обязанностей требуется постоянная адаптация навыков к постоянно меняющимся технологиям.

¹⁹ Nora S., Minc A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. – Cambridge, L., 1980. – P. 122.

²⁰ Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. – Cambridge: Polity Press, 1990. – P. 22.

²¹ См.: Piore, M. J. The Second Industrial Divide / Michael J. Piore, Charles F. Sabel. – N.-Y.: Basic books, 1984. – 343 p.

Особое значение информации в общественном развитии придавал также испанский социолог М. Кастельс. Написанная им фундаментальная трёхтомная работа «Информационная эпоха»²² легла в основу теории информационного способа развития. Примечательно отметить, что в этой работе М. Кастельс намеренно не употребляет термин информационное общество, он оперирует понятием «информациональное общество». Суть этого отличия заключается в том, что информация и информационный обмен, по мнению М. Кастельса, были присущи всем этапам общественного развития, и поэтому термин «информационное общество» не отражает специфики общества нового типа. Более корректным термином является «информациональное общество», суть которого заключается в том, что в определенный момент общественного развития обработка необходимой информации становится «фундаментальным источником производительности и власти». Экономическая сфера общества нового типа является информационной и глобальной. «Информационная – так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Глобальная – потому, что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И, наконец, информационная и глобальная – потому, что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри

²² См.: Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. – Vol. I.; Castells M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997. – Vol. II.; Castells M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998. – Vol. III.

глобальной взаимосвязанной сети»²³. В качестве обоснования того, что «информационное общество» представляет собой общество нового типа, М. Кастельс обращает внимание на принципиальное отличие информационно-технологической революции от иных революций. Это отличие заключается в том, что революция в области информационно-коммуникационных технологий практически накрыла всю планету, а её предшественницы в целом оставались на ограниченных территориях.

В рамках другой группы доктринальных взглядов на информационное общество целесообразно рассмотреть теории, в которых информационное общество не рассматривается как общество нового типа.

Одним из явных критиков информационного общества как общества нового типа выступил американский социолог, представитель неомарксизма Г. Шиллер²⁴. Основой информационного общества он считает капитализм, а информацию и информационные технологии – средством, служащим капитализму. Иными словами, информационная революция выполняет задачу укрепления капиталистических отношений, распространяя их на новые сферы. По мнению Г. Шиллера, информационная сфера устроена таким образом, что она соответствует интересам корпоративного капитала. Достаточно наглядный пример он приводит с телевизионными каналами, отмечая, что они создаются и функционируют сугубо по экономическим причинам. При помощи информации и информационных технологий в данном случае происходит зарабатывание денег. Именно по этой причине информационное общество нельзя считать обществом нового типа, так как в основе этого общества лежат все те же законы экономики.

²³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 81.

²⁴ См.: Schiller H. Critical Research in the Information Age. *Journal of Communication*, 1983, 33 (3); Schiller H. The Communication Revolution: Who Benefits. *Media Development*, 1983, 3 (4); Schiller H. The World Crisis and the New Information Technologies. *Columbia Journal of World Business*, 1983, 18 (1).

Похожими по своей основной идее являются теория школы регулирования (М. Альетта, А. Липиц) и теория гибкой аккумуляции (Д. Харви). Авторы указанных теорий исходят из того, что в основе эволюционных преобразований в обществе лежит вовсе не информация как таковая, а изменение в способе накопления капитала. При этом приверженцы школы регулирования большое значение придают такому явлению как глобализация. По их мнению, примерно с середины 1970-х годов постоянный кризис (рецессия, безработица, банкротства, нарушения в сфере труда и т.д.) был преодолен установлением нового режима накопления капитала, сменив собой, так называемый, фордистский режим. Самым важным фактором в этой смене является глобализация. Именно глобализация обеспечила рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений наряду с ростом интеграции социально-экономической жизни²⁵. Суть теории гибкой аккумуляции, в свою очередь, заключается в том, что современному капитализму свойственна гибкость, которая выражается в способности работников наёмного труда быстро адаптироваться в потоках инноваций. Также Д. Харви обращает внимание на то, что одним из важных факторов происходящих культурных изменений является феномен «сжатия пространства-времени», который был им описан в работе «Условие постсовременности»²⁶.

Достаточно любопытной представляется теория британского социолога Э. Гидденса – теория рефлексивной модернизации²⁷. Он, как в прочем и другие сторонники идей социальной преемственности, обращает внимание на то, что информация имела особое значение и в прошлом, и, несмотря на то, что сегодня она приобретает ещё большее значение, нельзя говорить о возникновении общества нового типа. По его мнению, можно говорить о том, что в современный период произошла информатизация социальных связей. При этом, эта информатизация

²⁵ Ершова Т.В. Информационное общество – это мы! / Т. В. Ершова. – М.: Институт развития информационного общества, 2008. – С. 57.

²⁶ См.: Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change – Cambridge, MA: Blackwell, 1990.

²⁷ См.: Giddens A. Social Theory and Modern Sociology – Cambridge: Polity, 1987.; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age – Cambridge: Polity, 1991.

произошла не случайно: она обусловлена необходимостью администрирования усложнившейся с точки зрения своей организации социальной жизни. Для этого администрирования необходим систематический сбор информации об индивидах и их деятельности. Он неизбежно приводит к повышению уровня организации общественной жизни и способен повысить его прозрачность и управляемость.

Достаточно интересной представляется ещё одна зарубежная теория информационного общества. Речь идет о теории публичной сферы. Её автор – немецкий философ Ю. Хабермас²⁸ рассматривает публичную сферу как определённую площадку, на которой возможно проведение публичных и рациональных обсуждений. Вообще теория публичной сферы достаточно сильно привлекала сторонников демократического политического режима. Суть заключается в том, что именно в демократическом обществе и государстве значительно усиливается роль информации, которая обеспечивает открытость различных государственных институтов и расширяет возможность различных демократических механизмов.

Выше были проанализированы основные взгляды на информационное общество представителей зарубежной научной мысли. Стоит отметить, что они внесли существенный вклад в формирование представлений о сути и специфике информационного общества. Отечественные учёные, в свою очередь, о таком явлении как информационное общество начали задумываться позднее своих зарубежных коллег: как будет продемонстрировано ниже, основные исследования начали появляться только в 1990-х годах. Несмотря на это обстоятельство, к сегодняшнему моменту в отечественной доктрине сформировалось комплексное и разностороннее представление об информационном обществе. Как и в зарубежной научной литературе, очевидно прослеживается тенденция преобладания исследований информационного общества философской направленности. Естественно, что анализированием сугубо философских аспектов достаточно

²⁸ См.: Habermas J. Erkenntnis und Interesse, 1968.; Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft, Neuwied, 1962.

многогранного явления дело не ограничилось. Так можно выделить пять основных направлений в исследованиях информационного общества в России:

- философские аспекты (А.И. Ракитов²⁹, И.С. Мелюхин³⁰, Н.Н. Моисеев³¹, И.Ю. Алексеева³², А.Д. Урсул³³, Г.Л. Смолян³⁴, Р.Ф. Абдеев³⁵ и др.);
- социально-экономические аспекты (Е.Л. Вартанова³⁶, Ю.Е. Хохлов³⁷, С.Б. Шапошник³⁸, Т.В. Ершова³⁹, О.Н. Вершинская⁴⁰ и др.);

²⁹ См.: Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991.; Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу. Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 1989; Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях. – М.: Директ-Медиа, 2014.

³⁰ См.: Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: Издательство МГУ, 1999.; Мелюхин И.С. Информационные технологии и бизнес. – М.: Гарант-парк, 1997.

³¹ См.: Моисеев Н.Н. Информационное общество: Возможность и реальность // Информационное общество: Сб. М.: АСТ, 2004.

³² См.: Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. – М.: ИФРАН, 1993.; Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. Вып. 1.

³³ См.: Урсул А.Д. Информатизация общества: введ. в социал. информатику: учеб пособие. – М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1990.; Урсул А.Д. Информационная глобалистика как основание глобального мировоззрения // Информация и научное мировоззрение: сборник статей. – М.: Русская школьная библиотечная ассоц., 2013.

³⁴ См.: Смолян Г.Л. Человек и компьютер: социально-философские аспекты автоматизации управления и обработки информации. – М.: Политиздат, 1981.

³⁵ См.: Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации: Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века. – М.: ВЛАДОС, 1994.

³⁶ См.: Вартанова Е.Л. Информационное общество в стратегии Европейского союза // Законодательство и практика средств массовой информации, 1998. – № 3 (43).

³⁷ См.: Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2004-2005; под ред. Т. В. Ершовой, Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошника. М.: Институт развития информационного общества, 2005.

³⁸ См.: Шапошник С.Б. Готовность России к информационному обществу: оценка ключевых направлений и факторов электронного развития: аналит. доклад. – М.: Институт развития информационного общества, 2004.

³⁹ См.: Ершова Т.В. Информационное общество – это мы! / Т. В. Ершова. – М.: Институт развития информационного общества, 2008.

⁴⁰ См.: Вершинская О.Н. Социально-экономические предпосылки и последствия информатизации: дис. ... док. соц. наук: 05.13.10 / Вершинская Ольга Николаевна. – Москва, 1994. – 70 с.

- правовые вопросы (И.Л. Бачило⁴¹, А.В. Морозов⁴², Т.А. Полякова⁴³, М.А. Федотов⁴⁴, А.В. Минбалеев⁴⁵, А.И. Химченко⁴⁶ и др.);
- аспекты информационной политики (А.Н. Райков⁴⁷, Д.С. Черешкин⁴⁸, Ю.А. Нисневич⁴⁹ и др.);
- аспекты информационной безопасности (В.Н. Цыгичко⁵⁰, А.А. Стрельцов⁵¹).

С учётом того, что по объективным причинам отечественные исследователи не являлись первопроходцами в исследовании информационного общества, их исследования основывались на уже сформировавшихся эмпирической и теоретической базе зарубежных научных исследований. Возможно по этой причине в отечественной литературе можно наблюдать комплексный подход к исследованию информационного общества. Приведем несколько примеров.

Одним из первых отечественных учёных понятие и признаки информационного общества сформулировал А.И. Ракитов. Он охарактеризовал

⁴¹ См.: Бачило И.Л. Информационное право РФ. 2-е изд. Учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт. 2011.

⁴² См.: Морозов, А.В. Методологические и организационные основы развития системы правовой информации Минюста России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13 / Морозов Андрей Витальевич. – Москва, 2000. – 470 с.

⁴³ См.: Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Полякова Татьяна Анатольевна. – Москва, 2008. – 438 с.

⁴⁴ См.: Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 2002.

⁴⁵ См.: Минбалеев А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества. – Челябинск: Цицера, 2012.

⁴⁶ См.: Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Химченко Алексей Игоревич. – Москва, 2014. – 174 с.

⁴⁷ См.: Райков А.Н. Интеллектуальные информационные технологии: учеб. пособие. – М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000.

⁴⁸ См.: Черешкин Д.С., Смолян Г.Л. Сетевая информационная революция // Информационные ресурсы России. 1997. № 4.; Черешкин Д.С. Нелегкая судьба российской информатизации // Информационное общество, 2008. – № 1.

⁴⁹ См.: Нисневич Ю.А. Информация и власть. – М.: Мысль, 2000.

⁵⁰ См.: Цыгичко В.Н. Новые информационные технологии в прогнозировании развития социально-экономических объектов. – М.: ВНИИСИ, 1990.

⁵¹ См.: Стрельцов А.А. Государственная система правового регулирования в области информационной безопасности личности, общества, государства и современных автоматизированных и телекоммуникационных систем. – М.: Лаборатория Книги, 2008.

информационное общество как общество, где все средства информационной технологии, то есть компьютеры, интегрированные системы, кабельная, спутниковая и другая связь, видеоустройства, программное обеспечение, научные исследования нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной и активно внедряемой в производство и жизнь⁵². В данном случае акцентируется внимание на важной роли информации и информационных технологиях, выполняющих функцию проводников этой информации. «Информационное общество характеризуется тем, что в нём главным продуктом производства являются знания» – ёмко и лаконично резюмирует профессор⁵³. В одной из своих работ «Философия компьютерной революции» он сформулировал концепцию современного ему информационного общества. Итак, общество является информационным, если:

- любой индивид, группа лиц, предприятие или организация в любой точке страны и в любое время могут получить за соответствующую плату или бесплатно на основе автоматизированного доступа и систем связи любые информацию и знания, необходимые для их жизнедеятельности и решения личных и социально значимых задач;
- в обществе производится, функционирует и доступна любому индивиду, группе или организации современная информационная технология, обеспечивающая выполнимость предыдущего пункта;
- имеется развитая инфраструктура, обеспечивающая создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убаыстряющегося научно-технологического и социально-исторического прогресса. Общество в состоянии производить всю

⁵² Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 89.

⁵³ Ракитов А.И. Глобальная информатизация и информатизация советского общества // Сб. н. тр., Социальная информатика. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. – С.172.

необходимую для жизнедеятельности информацию, и прежде всего научную⁵⁴;

- в обществе происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер и отраслей производства и управления;
- происходят радикальные изменения социальных структур, следствием которых оказывается расширение сферы информационной деятельности и услуг. В этой сфере трудится большинство работающего населения, по крайней мере не менее 50% общего числа занятых; число занятых в традиционных сферах производства неуклонно снижается при столь же неуклонном повышении производительности труда и качества продукции⁵⁵.

Более обобщенно информационное общество характеризует философ И.С. Мелюхин. Он выделяет три главные характеристики информационного общества:

- во-первых, информация используется как экономический ресурс;
- во-вторых, информация становится предметом массового потребления у населения;
- в-третьих, происходит интенсивное формирование информационного сектора экономики, который растет более быстрыми темпами, чем остальные отрасли⁵⁶.

Ещё один отечественный философ А.Д. Урсул определял информационное общество следующим образом. «Информационное общество, пишет он, – это

⁵⁴ В этом пункте А.И. Ракитов делает важную оговорку: «Последний пункт особенно важен для понимания концепции информационного общества, так как в настоящее время имеется ряд стран, например, в азиатском регионе, обладающих высоким уровнем информационной технологии, выдерживающих конкурентную борьбу на мировых компьютерных и информационных рынках и обеспечивающих компьютерную насыщенность в быту, производстве и управлении, но получающих основную часть научной информации и знаний главным образом из США, а также из Западной Европы и Японии. Поэтому в полном смысле слова они не являются информационными обществами».

⁵⁵ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 32–33.

⁵⁶ Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М., Издательство МГУ, 1999. – С. 29.

грядущее состояние конкретной страны, а в перспективе и всей цивилизации, когда с помощью новейших средств общество овладевает процессами производства и использования информации, в максимальной степени удовлетворяя свои информационные потребности и реализуя не только свободный доступ к информации как общечеловеческому достоянию, но и его право участвовать в выработке всех социально значимых решений»⁵⁷.

Экстраполируя черты информационного общества, складывающегося в США и некоторых странах ЕС, на российскую действительность Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкин выделяют ориентиры для практических действий, направленных на формирование информационного общества в России. Они достаточно наглядно иллюстрируют позицию указанных авторов по поводу признаков информационного общества. К таковым можно отнести:

- формирование единого информационно-коммуникационного пространства России как части мирового информационного пространства, полноправное участие России в процессах информационной и экономической интеграции регионов, стран и народов;
- становление и в последующем доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании перспективных информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций;
- создание и развитие рынка информации и знаний как факторов производства в дополнение к рынкам природных ресурсов труда и капитала, переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, фактическое удовлетворение потребностей общества в информационных продуктах и услугах;
- возрастание роли инфраструктур в системе общественного производства и прежде всего информационно-коммуникационной инфраструктуры;

⁵⁷ Урсул А.Д. Информатизация общества и безопасность развития цивилизации // Социально-политические науки. – 1990. – № 10. – С. 18.

- повышение уровня образования, научно-технического и культурного развития за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик услуг труда;
- создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития⁵⁸.

Завершая рассмотрение взглядов зарубежных и отечественных учёных на информационное общество, стоит отметить, что именно они предопределили содержание программных документов, направленных на формирование политики в развитии информационного общества. Квинтэссенция теоретических концепций информационного общества нашла свое отражение не только в национальных, но и идеологических документах наднационального уровня. Стоит согласиться с интересной аналогией, проведенной А.Н. Швецовым. В своей работе «Информационное общество: теория и практика становления в мире и в России» он пишет: «При этом известны лишь немногие прецеденты сознательных попыток превратить эти плоды абстрактно-теоретических прогностических выкладок обществоведов в актуальные практические пособия и использовать соответствующие прогнозы в качестве программно-целевых установок созидательной деятельности государств и народов; едва ли не единственным фундаментально проработанным в научно-теоретическом отношении практическим опытом социального проектирования является марксистская доктрина коммунистического (социалистического) общества, ставшая в XX столетии первоосновой реальной государственной политики системного преобразования России. И вот теперь на место в этом доктринальном ряду с подачи западных футурологов и в результате усилий руководителей наиболее развитых

⁵⁸ Смолян Г.Л., Черешкин Д.С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество, 1998. Вып. 6. – С. 8–13.

держав, похоже, претендует концепция «информационного общества»: с ней предполагается повторить эксперимент по чудесному превращению сугубо теоретического построения в программно-целевую установку и предмет практической политики государств»⁵⁹.

Наиболее существенным в идеологическом плане наднациональным документом, направленным на формирование информационного общества, является Окинавская хартия глобального информационного общества. В этом документе предельно ясно, но не без идеализирования обозначена основная причина необходимости в построении информационного общества. Так, Окинавская хартия глобального информационного общества открывается фразой, по сути, придающей информационным технологиям статус креста в религии информационного общества: «Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они также дают возможность частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы. Перед всеми нами открываются огромные возможности». Далее чётко формулируется понимание собственно информационного общества: «Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы ИТ служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления,

⁵⁹ Швецов А.Н. «Информационное общество»: теория и практика становления в мире и в России. – М.: КРАСАНД, 2012. – С. 13.

прав человека, развития культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности. Достижение этих целей и решение возникающих проблем потребует разработки эффективных национальных и международных стратегий»⁶⁰.

Положения Окинавской хартии глобального информационного общества были развиты в таких документах, как «Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии»⁶¹, «Тунисская программа для информационного общества»⁶² и «План действий»⁶³.

Естественно, что положения приведённых документов международного уровня не могли не найти своё отражение в программных документах России. Вообще идеология развития информационного общества в нашей стране берет своё начало в 1988 году после того, как Д.М. Гвишиани, В.С. Михалевич, А.И. Ракитов и В.С. Семенихин в журнале «Правда» опубликовали статью под названием «Стратегия прорыва. Информатизация – насущная необходимость»⁶⁴. Авторы статьи подчеркивали, что «сейчас важнейшим показателем уровня научного развития, экономической и оборонной мощи государства становится информация. Чем больше её производится, чем выше её качество, чем быстрее внедряется она в народное хозяйство, тем выше жизненный уровень населения, экономический и политический вес страны. В наиболее развитых странах Запада и в Японии возникла экономика знаний, а производство информации и информационной технологии стало одной из самых прибыльных и стремительно растущих

⁶⁰ Пункты 1-2 Окинавской хартии глобального информационного общества. См.: Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник, 2000. – № 8. – С. 51–56.

⁶¹ Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022)

⁶² Тунисская программа для информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R от 15 ноября 2005 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

⁶³ План действий. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

⁶⁴ См.: Гвишиани Д.М., Михалевич В.С., Ракитов А.И., Семенихин В.С. Стратегия прорыва. Информатизация – назревшая необходимость // Правда. – 1988. – № 173.

отраслей». В этой статье впервые была обоснована и сформулирована базовая задача развития страны: проведение широкомасштабной информатизации всех сфер деятельности и обеспечения на этой основе, перехода экономики страны на новые, перспективные методы управления информацией и повышения обороноспособности⁶⁵. «Общество, которое своевременно не вступит на путь информатизации, рискует безнадежно отстать от развитых стран, впасть в информационную зависимость от них. Поэтому курс на информатизацию страны объективно должен стать одной из центральных линий в зримой перспективе перестройки» – отмечалось в статье⁶⁶.

Сегодня информационное общество как ориентир общественного развития России прочно вошло в основные документы стратегического планирования. Стержневыми документами стратегического планирования в области целеполагания являются отраслевые стратегии. В нашем случае – стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. Примечательно отметить, что за последнее время в России было принято две стратегии развития информационного общества, что само по себе свидетельствует о достаточно высоких темпах его развития, с одной стороны, и большом вниманием государства к этому процессу – с другой. По этой причине имеет смысл рассмотреть положения двух стратегий развития информационного общества в России.

Начнём с положений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации от 07 февраля 2008 года (далее также – Стратегия развития информационного общества 2008 года)⁶⁷. В этом документе предельно чётко были сформулированы цели развития информационного общества в России: «Целью формирования и развития информационного общества в Российской Федерации

⁶⁵ Черешкин Д.С., Смолян Г.Л. Нелегкая судьба российской информатизации. // Информационное общество. 2008. Вып. 1-2. – С. 47.

⁶⁶ Ершова Т.В. Указ. соч. – С. 73.

⁶⁷ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утверждённая Президентом Российской Федерации 07 февраля 2008 года № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – № 34.

является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий». Стратегия развития информационного общества 2008 года содержала основные задачи, которые необходимо было решить в целях развития информационного общества. Эти задачи проецировали целевую модель информационного общества в России.

9 мая 2017 года Президент РФ утвердил новую Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы (далее также – Стратегия развития информационного общества 2017 года)⁶⁸. При этом Стратегия развития информационного общества 2008 года признана утратившей силу. Анализ новой стратегии позволяет отметить несколько любопытных наблюдений. Во-первых, впервые даётся официальное определение понятию информационного общества. Во-вторых, поставлена новая цель развития информационного общества. В отличие от Стратегии развития информационного общества 2008 года целью развития информационного общества является не просто достижение определённых благ на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий, а формирование в Российской Федерации общества знаний. В-третьих, наряду с определением понятия информационного общества даётся определение понятию общества знаний. Под обществом знаний понимается «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

⁶⁸ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

В Стратегии развития информационного общества 2017 года выделяется ряд следующих приоритетов, которые обеспечивают достижение национальных интересов при развитии информационного общества:

- формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений;
- развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации;
- создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне;
- формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы;
- обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики.

В отношении каждого из обозначенных приоритетов Стратегия развития информационного общества 2017 года выделяет собственные цели и задачи. Таким образом, Стратегия развития информационного общества 2017 года делает попытку не просто способствовать дальнейшему развитию информационного общества и формированию общества знаний, но и обеспечению национальных интересов России, в том числе, направленных на нивелирование угроз, которые несёт в себе информационное общество.

Таким образом, подводя итог анализу доктринальных взглядов на информационное общество, а также рассмотрению программных документов, направленных на развитие информационного общества, мы можем определить понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования. При этом, необходимо не допустить методологические ошибки, которые иногда допускаются при определении сложных социальных явлений, таких как общество или государство. Например, рассуждая о понятии государства, Г.Ф. Шершеневич писал о двойкой методологической ошибке. Первая

ошибка заключается в том, что определение будет стремиться дать понятие о государстве не в его исторической действительности, а в идеальном представлении. В результате этой ошибки вместо того, чтобы определить, что такое государство, нередко определяют, чем оно должно быть. Вторая ошибка заключается в том, что, исходя не из идеального представления, а из исторической действительности, выбирают какой-нибудь исторический тип государства и его признаки делают признаками государства вообще⁶⁹. Такие же ошибки нередко встречаются и при определении информационного общества. Например, А.Г. Химченко определяет информационное общество в условиях глобализации следующим образом: «общество нового типа: гражданское, социально-демократическое, предоставляющее на основе верховенства права и обеспечения международной информационной безопасности качественно новые возможности реализации прав и свобод человека и гражданина, взаимодействия государств и их объединений, международных организаций и общественных объединений, индивидов и юридических лиц в целях повышения качества жизни людей, доступа к накопленным человеческим знаниям, способствующее преодолению «цифрового» и социального неравенства между странами посредством развития информационных ресурсов и технологий, создания и использования как средств коммуникации глобальных информационных сетей и систем, включая Интернет»⁷⁰. В данном определении допущена первая методологическая ошибка. А.Г. Химченко описывает информационное общество в условиях глобализации таким, каким оно должно быть на его взгляд, а не таким, каким оно является на данный момент. На наш взгляд, на данном этапе человеческого развития ещё преждевременно ставить знак равенства между информационным обществом, гражданским и социально-демократическим обществом, также, как и говорить о том, что в информационном

⁶⁹ Г.Ф. Шершеневич. Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых. – С. 199–200.

⁷⁰ Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Химченко Алексей Игоревич. – Москва, 2014. – 174 с.

обществе права и свободы человека и гражданина реализуются на основе верховенства права и обеспечения международной информационной безопасности.

Определяя понятие и сущность информационного общества для целей конституционно-правового регулирования целесообразно избежать идеализирования в характеристике этого социального явления. Как правило, в предмет правового регулирования вообще и конституционно-правового в частности включаются реально существующие общественные отношения. Если эти реально существующие общественные отношения являются сущим, то их нормативно-правовое регулирование – должным. Для конституционного права России важно понимание понятия и сущности информационного общества как сущего. В противном случае будет невозможно оценить правовую эффективность конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации, являющихся для него должным.

На наш взгляд, понятие информационного общества в Российской Федерации как сущего достаточно удачно определено в Стратегии развития информационного общества 2017 года. Это неслучайно, так как описывая Россию в современном информационном обществе, она исходит из того, что информационное общество в России существует. Итак, для целей конституционно-правового регулирования информационное общество – это «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Стоит отметить, что в целом приведенное определение отвечает научной характеристике информационного общества, о которой говорилось выше.

С учётом обобщения доктринальных взглядов на информационное общество и в развитие его официального понятия можно выделить содержательные характеристики, образующие сущность информационного общества для целей

конституционно-правового регулирования. Информационное общество характеризуется тем, что оно:

- во-первых, реально существующее и постоянно эволюционирующее, развивающееся общество, в котором значимую роль в основных сферах общественной жизни играют информационные технологии. При этом, процессу развития этого общества присуща тенденция усиления роли информационных технологий в общественной жизнедеятельности, то есть усиления процесса информатизации различных общественных отношений. Именно информатизированность общественных отношений является их специфической особенностью в информационном обществе;
- во-вторых, общество, в котором процесс информатизации различных общественных отношений привёл к существенному усилению значимости информации и знаний, которые претендуют на роль основы общества в социально-экономическом плане. Усиление значимости информации и знаний в информационном обществе приводит к количественным и качественным преобразованиям в различных сферах общественной жизнедеятельности;
- в-третьих, общество, в котором информационные технологии, информация и знания используются преимущественно в целях достижения определённых благ, удовлетворения личных и социальных потребностей;
- в-четвертых, общество, которое так или иначе стремится к экстерриториальности. В информационном обществе процесс обмена информацией перестаёт иметь территориальные, пространственные и даже временные границы.

На наш взгляд, иные и более частные проявления информационного общества так или иначе основываются на приведённых выше характеристиках.

§ 2. Пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе

Уяснение понятия и сущности информационного общества для целей конституционно-правового регулирования позволяет подойти к определению пределов данного регулирования.

Начать следует с того, что информационное общество является объектом правового регулирования в целом. Это обусловлено тем, что наиболее важные общественные отношения, в том числе общественные отношения в информационном обществе, подлежат правовому регулированию. В этом бесспорно заключатся основная функция права. «В системе функций права главенствующее, определяющее место занимает регулятивная функция. Выражается ли право в форме нормативных или правоприменительных актов, осуществляется в общих или конкретных правоотношениях, устанавливает ли правовой статус, правосубъектность граждан, определяет ли компетенцию государственных органов и юридических лиц – во всех этих формах проявляется его основное назначение – регулировать общественные отношения» – справедливо отмечает Т.Н. Радько⁷¹. Исходя из сущности информационного общества и основного назначения права очевидно следует, что общественные отношения в информационном обществе регулируются всеми отраслями права. Каждая отрасль права регулирует определённый спектр общественных отношений в информационном обществе в зависимости от предмета правового регулирования. В этом плане правовое регулирование общественных отношений в информационном обществе ничем не отличается от правового регулирования общественных отношений в индустриальном обществе. В связи с этим,

⁷¹ Общая теория государства и права: академический курс в 3-х томах. Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 58.

определение пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе будет невозможно без обращения к вопросу о предмете конституционного права как отрасли.

Следует отметить, что в отечественной науке конституционного права информационное общество как объект конституционно-правового регулирования ранее не рассматривалось. В этой связи для определения пределов конституционно-правового регулирования информационного общества, определения границ предмета конституционного права в его регулировании, целесообразно рассмотреть формат конституционно-правового регулирования общества в целом. Экстраполяция полученных выводов на конституционно-правовое регулирование информационного общества, на наш взгляд, будет уместна, так как увеличение роли информационных технологий, информации, знаний и, как следствие, качественные преобразования в обществе сами по себе не должны повлиять на изменение пределов конституционно-правового регулирования общества. Проводя исторические параллели, отметим, что в целом, как будет показано ниже, взгляды конституционалистов (государствоведов) на пределы конституционно-правового (государственно-правового) регулирования общества исторически не менялись. Однако, параллельно с генезисом знания о предмете конституционного (государственного) права⁷² происходили кардинальные изменения в общественном устройстве: с первых советских работ по этому поводу и до современной доктрины конституционного права российское общество прошло путь от индустриального до постиндустриального. Поэтому, даже если рассматривать информационное общество как общество нового типа (следующего

⁷² В советский период большинство исследователей отстаивали точку зрения о том, что «конституционное право» должно именоваться «государственным правом». См., например, Ким А.И. Ещё раз о государственном праве как отрасли советского права // Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, 1978; Кравчук С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Сов. государство и право, 1956. – № 10; Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. – М., 1974 и др.

за постиндустриальным), то представляется, что пределы конституционно-правового регулирования общества нового типа остались неизменными.

Одним из первых советских учёных, который обратил внимание на то, что государственное право определяет основы общественного устройства, был И.П. Трайнин. Определяя советское государственное право, он писал о том, что оно представляет собой «совокупность юридических правил (норм), выражающих и закрепляющих общественное и государственное устройство СССР...». При этом он фактически выделил критерий, по которому правовое регулирование можно по уровню отнести именно к государственно-правовому. Он писал о том, что «признаком отнесения того или иного вопроса к государственному праву является его принадлежность к принципиальным вопросам, нашедшим себе выражение в Основном законе, т.е. в Конституции, а также в изданных на основе Конституции законах Верховного Совета и указах его Президиума по вопросам, относящимся к приведенному выше содержанию государственного права»⁷³.

Такой советский государствовед, как В.Ф. Коток, определяя предмет государственного права, исходил из того, что его составляют общественные отношения, определяющие основные черты социально-экономической системы и политической организации советского общества и выражающие суверенитет советского народа и советских наций⁷⁴.

Предельно ясно точку зрения В.Ф. Котока конкретизировал С.М. Равин: «В целом правильное определение предмета советского государственного права, предлагаемое В.Ф. Котоком, нуждается в двух уточнениях. Во-первых, следует уточнить, какого рода общественные отношения охватывают организацию социально-экономической системы и политическую организацию советского общества, так как очевидно, что речь может идти только об определенных

⁷³ Трайнин И.П. О содержании и системе государственного права // Сов. государство и право, 1939. – № 3. – С. 36.

⁷⁴ Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. – М., 1959. – С. 6.

отношениях; во-вторых, понятие «основные черты» социально-экономической системы и политической организации советского общества, содержащееся в этом определении, ввиду его недостаточной точности следовало бы заменить другим, более точным понятием, например, "основы"⁷⁵.

В современный для науки конституционного права период понимание пределов и границ конституционно-правового регулирования общественных отношений в целом не поменялось.

Е.И. Козлова считает, что конституционное право регулирует отношения, складывающиеся во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, экономической, социальной, духовной и пр. Однако, конституционное право регулирует не весь спектр указанных отношений, и критерий определения границ этого регулирования такой же, как и у других юристов-конституционалистов: «Предметом конституционного права являются те отношения, которые можно назвать базовыми, основополагающими в каждой из областей жизни. Они образуют как бы фундамент всего здания сложной системы социальных связей, подлежащих правовому воздействию. Эти базовые отношения – системообразующие, оформляющие целостность общества, его единство как организованной и функционирующей структуры, основанной на общих началах политического, экономического и социального устройства. Это прежде всего отношения, связанные с организацией и функционированием общества и с механизмом, посредством которого осуществляется управление всеми сферами жизнедеятельности общества, поддерживается его целостность»⁷⁶. Аналогичной позиции в целом придерживаются и М.И. Кукушкин. Для выделения общественных отношений, подлежащих конституционно-правовому регулированию, он выделяет следующие критерии:

⁷⁵ Равин С.М. Основные особенности советского государственного права // Правоведение, 1961. – № 1. – С. 9–10.

⁷⁶ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М., 1998. – С. 6–9.

- анализируемые отношения складываются в политической, экономической, социальной сферах, но не относятся к какой-то отдельной стороне социальных связей;
- регулируются только те из отношений, которые составляют основу, являются базовыми для указанных сфер;
- регулируемые отношения должны обеспечивать целостность общества, его единую организационную структуру;
- общественные отношения должны составлять такую систему, в которой прослеживались бы формы и механизм осуществления принадлежащей российскому народу власти⁷⁷.

Большое внимание обществу как объекту конституционно-правового регулирования уделяет С.А. Авакьян⁷⁸. Он рассматривает общество как комплексный объект конституционно-правового регулирования, входящий в предмет конституционного права. «Предмет конституционного права включает такой комплексный объект, как существование и жизнедеятельность общества как социального и политического организма. Сегодня мало кто утверждает, что общество не подвержено воздействию норм права. Наоборот, с учётом конструктивной роли права можно говорить о его положительной роли в обеспечении развития общества. И задача именно конституционного права – установление *основ* существования и жизнедеятельности общества» – отмечает учёный⁷⁹.

Определяя предмет конституционного права, О.Е. Кутафин выделяет две группы общественных отношений. К первой группе относятся общественные отношения, складывающиеся в областях, составляющих основные элементы государства, которыми, как известно, являются население, территория и власть. Ко

⁷⁷ См.: Конституционное право Российской Федерации: Учебник / Под ред. М. И. Кукушкина, В.Д. Первалова. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. – С. 15.

⁷⁸ См.: Авакьян С.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право, 2004. № 2. С. 4–7.

⁷⁹ Конституционное право России. 1 Т. / С.А. Авакьян. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 23.

второй группе отношений относятся: «отношения, имеющие основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются. Их особенность состоит в том, что они могут складываться во всех сферах жизни нашего общества и государства. Однако ими охватывается не весь комплекс общественных отношений в соответствующей сфере, а только те из них, которые являются базовыми для всех других отношений в этой сфере и определяют содержание всех остальных отношений в этой сфере»⁸⁰.

В данном случае речь идет о двуединой природе предмета конституционного права. Она заключается в том, что оно выступает универсальной и обычной отраслью права одновременно. В качестве универсальной отрасли конституционное право выступает как общая часть российского права, соединяющая разрозненный правовой материал в единое целое, в его рамках возможны: постановка целей для национального права, закрепление исходных для всех отраслей права ценностей⁸¹. В качестве обычной отрасли конституционное право функционирует как традиционное детальное правовое регулирование общественных отношений, составляющих его предмет⁸².

Таким образом, в результате рассмотрения взглядов учёных на пределы конституционно-правового регулирования общества мы можем сделать вывод о пределах конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе.

Пределы конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе обуславливаются двуединой природой предмета конституционного права. Во-первых, отрасль конституционного права устанавливает *основы* существования и развития информационного общества в целом (во всех сферах информационного общества). Во-вторых, отрасль

⁸⁰ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 25.

⁸¹ Конституционное право России: Учеб. / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М., 2007. – С. 15–16.

⁸² Евстифеев Д.М. Метод конституционно-правового регулирования общественных отношений // Российский юридический журнал, 2014. – № 1. – С. 17.

конституционного права *детально* регулирует отношения в информационном обществе, складывающиеся в областях, составляющих основные элементы государства: информационные технологии используются в общественных отношениях, связанных с реализацией различных форм осуществления власти народом (электронная демократия), организация и механизм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (электронное правительство) и т.д.

Исходя из пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе можно сделать следующие выводы относительно источников правового регулирования отношений в информационном обществе и, соответственно, месте конституционного права в данном регулировании. Закрепление *основ* существования и развития информационного общества осуществляется исключительно на уровне Конституции РФ и относится к прерогативе отрасли конституционного права. *Детальное* регулирование отношений в информационном обществе, складывающихся в областях, составляющих основные элементы государства, осуществляется не столько на уровне Конституции РФ, сколько на уровне иных источников конституционного права⁸³. *Детальное* регулирование отношений в информационном обществе в иных сферах общественной жизни осуществляется иными отраслями права.

В связи с изложенным, заслуживает отдельного внимания вопрос о месте и роли отрасли информационного права⁸⁴ в системе правового регулирования

⁸³ Например, отношения, возникающие при использовании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (автоматизированная информационная система, реализующая информационные процессы при подготовке и проведении выборов и референдума) урегулированы отдельным федеральным законом. См.: Федеральный закон от 10 января 2003 года № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 172.

⁸⁴ Обоснованность выделения информационного права в качестве самостоятельной отрасли права со своим предметом правового регулирования не вызывает сомнений. Стоит согласиться с мнением И.Н. Барцица о том, что «высшим» проявлением признания факта появления той или иной новой отрасли права в России принято считать её обособление в номенклатуре специальностей научных работников и, соответственно, разработку Высшей аттестационной

отношений в информационном обществе. Этот вопрос представляется достаточно актуальным в связи с тем, что именно формирование и развитие информационного общества способствовали становлению информационного права как отрасли. Справедливо мнение П.У. Кузнецова о том, что информационное законодательство как главный элемент информационного права занимает ведущее структурообразующее место в структуре информационного права, поскольку нормативный правовой массив обеспечения информационной сферы по своей природе является стабилизирующим звеном информационного общества, в котором отражаются самые актуальные моменты информационного бытия⁸⁵.

По преобладающему мнению ученых в области информационного права его предмет заключается в регулировании информационной сферы общества. Так, И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин приходят к выводу, что «информационное право – совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, государства и общества»⁸⁶. П.У. Кузнецов в предмет информационного права включает общественные отношения, складывающиеся по поводу уникального их объекта (информации)⁸⁷. М.М. Рассолов отмечает, что информационное право как комплексная отрасль российского права включает в себя нормы, институты и принципы права, регулирующие общественные отношения в информационной сфере общества и его

комиссией Министерства образования и науки РФ итогового варианта паспорта научной специальности. Информационному праву в перечне научных специальностей отведён весьма символический шифр – 12.00.13. См.: Барциц И.Н. Информационное право информационного общества // Государство и право. – 2017. – № 1. – С.119.

⁸⁵ Кузнецов П.У. Научно-образовательные проблемы информационного права // Информационное право. – 2013. – № 3. – С. 3–6.

⁸⁶ Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право /Под ред. академика РАН Б.Н. Топорнина. СПб., 2001. – С. 106.

⁸⁷ Кузнецов П.У. Научно-образовательные проблемы информационного права // Информационное право. – 2013. – № 3. – С. 3–6.

составляющих частей. При этом, ученый акцентирует внимание на том, что узловым и центральным объектом регулирования выступает именно информационная сфера, правовые связи субъектов по поводу движения потоков информации по каналам связи⁸⁸.

На наш взгляд, как конституционное, так и информационное право не могут регулировать весь спектр общественных отношений в информационном обществе. Например, правовое регулирование трудовых отношений в информационном обществе бесспорно относится к предмету исключительно трудового права. Безусловно, что информационная сфера информационного общества и её правовое регулирование занимают центральное место в информационном обществе, что обуславливается значением информации и информационной сферы в обществе нового типа, однако информация и информационная сфера не являются единственными объектами правового регулирования в информационном обществе. По этой причине у отраслей конституционного и информационного права разная роль в регулировании отношений в информационном обществе, обусловленная разными предметами правового регулирования. Несмотря на это, нельзя не отметить взаимосвязь конституционно-правового и информационно-правового регулирования отношений в информационном обществе, заключающуюся в взаимодействии отраслей конституционного и информационного права в рамках регулирования отношений в *информационной сфере* информационного общества. Примечательно, что на эту взаимосвязь обращают внимание ученые в области информационного права. Роль конституционного права в регулировании информационной сферы общества точно определил М.М. Рассолов. «Возьмем, например, нормы конституционного права. Известно, что эти нормы не только закрепляют и регулируют общественное и государственное устройство, соответствующие экономические и социальные отношения в России, но и фиксируют исходные положения информационной деятельности в стране, право

⁸⁸ Информационное право: учебник для бакалавров / Отв. ред. И.М. Рассолов. – М.: Проспект, 2013. – С. 39–40.

человека на информацию как одно из фундаментальных прав человека (ст. 24, 29, 44 Конституции). И эти нормы являются исходными для многих рассматриваемых положений информационного права», – отмечает учёный⁸⁹. Э.В. Талапина считает, что «современное информационное право изучает отношения, связанные не только с созданием, обращением, защитой информации, но и с информационными технологиями. При этом сохраняется главная причина дискуссий по поводу автономности информационного права – и информация, и информационные технологии регулируются нормами других отраслей права («первичных» по отношению к информационному). Действительно, в любой отрасли права найдется место освещению проблем, связанных с применением ИКТ»⁹⁰. В связи с этим, на наш взгляд, справедливо замечание Э.В. Талапиной, что «изучение опыта других стран показывает, насколько «проще» там относятся к отраслевому делению права. ... В частности, при защите диссертации во Франции указывается не отрасль права, а лишь к какому праву – публичному или частному – относится исследование. Разумеется, мы не должны бездумно копировать зарубежные подходы, но найти в них рациональное зерно не помешало бы»⁹¹.

В связи с уточнением роли отраслей конституционного и информационного права в регулировании отношений в информационном обществе можно конкретизировать мнение С.А. Авакьяна о том, что «очень знаменательной тенденцией стало создание блока норм конституционного права, обращенных к закреплению, обеспечению и защите ряда новых прав и свобод человека и гражданина, а также усилению прежде действовавших», в числе которых он выделяет формулирование категории «персональные данные», создание целого блока законов и иных нормативных актов о средствах массовой информации, об организации информирования о публичных делах, а также обязанность включения

⁸⁹ Там же. С. 23.

⁹⁰ Полякова Т.А., Жарова А.К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – №1 (59). – С. 176 – 177.

⁹¹ Там же. С. 177.

органов публичной власти в процесс информирования населения⁹². На наш взгляд, блок норм конституционного права в части регулирования отношений в информационном обществе ограничивается исключительно закреплением основ информационного общества, а также детальным регулированием отношений, складывающиеся в областях, составляющих основные элементы государства. Формулирование категории «персональные данные» явно нельзя отнести к числу конституционно-правовых норм. Также как и понятие принудительного труда сформулировано в нормах трудового⁹³, а не конституционного права, так и понятие «персональные данные» сформулировано в нормах информационного права⁹⁴.

На наш взгляд, определение пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе обладает теоретической значимостью для эволюции доктринальных взглядов на предмет конституционно-правового регулирования общественных отношений в эпоху тотальной цифровизации. Рассуждая над потребностями в конституционно-правовом регулировании искусственного интеллекта и нейротехнологий, И.А. Филипова видит решение многих актуальных для цифровизации проблем именно через конституционное нормотворчество. Она предлагает рассматривать искусственный интеллект как категорию конституционного права и объект конституционно-правового регулирования, призывая к публичной дискуссии о закреплении в Конституции РФ новых прав личности, новых гарантий существующих прав, а также запрета на использование отдельных технологий искусственного интеллекта⁹⁵. Представляется, что регулирование искусственного интеллекта, также как и иных информационных технологий должно быть прерогативной именно информационного права, развивающего в конституционно-правовых

⁹² Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – СПС «Консультант Плюс».

⁹³ См. ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

⁹⁴ См. ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

⁹⁵ Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex russica (Русский закон). – 2021. (9). – С. 119–129.

рамках. В этом плане более оправдан подход, использованный М.А. Липчанской и Т.В. Заметиной, которые анализируют механизм реализации социальных прав граждан с использованием искусственного интеллекта с учетом концептуальных установок, вытекающих из анализа действующей Конституции РФ⁹⁶.

Уяснение пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе позволяет подойти к точному определению границ настоящего диссертационного исследования. В формулировке темы диссертации «конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации» немаловажную смысловую нагрузку имеет слово «основы», так как именно при помощи этого слова характеризуется предмет конституционного права в части регулирования общества. Также важно понимать отличие конституционно-правовых основ общества от конституционно-правовых основ *информационного общества*. Из понятия и сущности информационного общества для целей конституционно-правового регулирования следует, что в числе конституционно-правовых основ информационного общества нужно выделять лишь те положения Конституции РФ, которые относятся не ко всем общественным отношениям, а лишь к тем, которые преобразуются в связи с внедрением информационно-коммуникационных технологий. При этом, в число данных общественных отношений входят не только информационные отношения в информационной сфере, но и иные общественные отношения, складывающиеся в иных сферах. Таким образом, в рамках настоящей диссертационной работы будут исследованы исключительно конституционно-правовые *основы* информационного общества в Российской Федерации, закреплённые в соответствующих положениях Конституции РФ, а также их реализация в отраслевом законодательстве. Рассмотрение *детального* конституционно-правового регулирования различных отношений в информационном обществе, складывающихся в областях,

⁹⁶ Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 78–96.

составляющих основные элементы государства, не входит в предмет настоящей диссертации. На наш взгляд, различным вопросам данного регулирования должны посвящаться отдельные диссертационные исследования⁹⁷.

Стоит отметить, что в доктрине конституционного права практически отсутствуют комплексные исследования, в которых бы системно анализировались конституционно-правовые основы информационного общества Российской Федерации. На сегодняшний день имеется определенное количество научных работ по конституционному праву, посвященных отдельным вопросам, связанным с конституционно-правовым регулированием информационных отношений, то есть регулированием информационной сферы. Данные работы можно условно классифицировать на несколько групп:

- работы общего характера, то есть посвященные анализу конституционно-правового регулирования всей информационной сферы (С.Н. Шевердяев⁹⁸, М.И. Савинцева⁹⁹);
- работы, в которых исследуются различные конституционно-правовые аспекты прав человека и гражданина в информационной сфере

⁹⁷ Примерами исследований, в которых рассматриваются вопросы детального конституционно-правового регулирования отдельных общественных отношений в информационном обществе, могут служить следующие диссертационные работы: Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – 203 с.; Тамаев А.М. Открытое правительство в России: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Тамаев Алан Майранович. – Владикавказ, 2017 – 200 с.; Матрёнина К.Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Матрёнина Ксения Юрьевна. – Тюмень, 2017. – 224 с.

⁹⁸ Шевердяев С.Н. Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шевердяев Станислав Николаевич. – Москва, 2002. – 210 с.

⁹⁹ Савинцева М.И. Конституционно-правовые проблемы регулирования информационных отношений в Японии: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Савинцева Марина Игоревна – Москва, 2007. – 209 с.

(Т.Ш. Иззатов¹⁰⁰, А.Н. Давыдов¹⁰¹, Е.С. Лисицына¹⁰², А.В. Преснякова¹⁰³, А.А. Одринский¹⁰⁴, Р.Г. Вахрамеев¹⁰⁵, С.Л. Липатова¹⁰⁶, А.И. Артищев¹⁰⁷, О.А. Кудряшова¹⁰⁸);

– работы, в которых исследуются конституционно-правовые аспекты массовой информации (М.А. Федотов¹⁰⁹, Г.А. Алхутова¹¹⁰, С.А. Локинская¹¹¹, Д.М. Гукетлова¹¹²);

– и наконец работы, посвященные конституционно-правовым аспектам

¹⁰⁰ Иззатов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Иззатов Теймур Шамсали оглы. – Москва, 2002. – 159 с.

¹⁰¹ Давыдов А.Н. Конституционно-правовые основы реализации права на массовую информацию в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Давыдов Алексей Николаевич. – Москва, 2008. – 210 с.

¹⁰² Лисицына Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лисицына Елена Сергеевна. – Москва, 2013. – 214 с.

¹⁰³ Преснякова А.В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Преснякова Анна Викторовна – Москва, 2010. – 196 с.

¹⁰⁴ Одринский А.А. Конституционно-правовые основы реализации права каждого на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Одринский Александр Андреевич – Москва, 2005. – 217 с.

¹⁰⁵ Вахрамеев Р.Г. Право на информацию в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Вахрамеев Роман Геннадьевич – Екатеринбург, 2015. – 26 с.

¹⁰⁶ Липатова С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Липатова Светлана Львовна – Москва, 2006. – 230 с.

¹⁰⁷ Артищев А.И. Право на распространение информации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Артищев Алексей Ильич. – Москва, 2008. – 197 с.

¹⁰⁸ Кудряшова О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кудряшова Ольга Александровна. – Санкт-Петербург, 2013. – 143 с.

¹⁰⁹ Федотов М.А. Средства массовой информации как институт социалистической демократии: государственно-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Федотов Михаил Александрович. – Москва, 1989. – 464 с.

¹¹⁰ Алхутова Г.А. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алхутова Галина Алексеевна. – Москва, 2002. – 151 с.

¹¹¹ Локинская С.А. Свобода массовой информации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Локинская Светлана Александровна. – Челябинск, 2004. – 180 с.

¹¹² Гукетлова Д.М. Государственно-правовое регулирование функционирования средств массовой информации в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Гукетлова Даханаго Магомедовна. – Волгоград, 2005. – 191 с.

информационной безопасности (А.Г. Саидов¹¹³, А.С. Жаров¹¹⁴).

Безусловно, названные авторы внесли неоценимый вклад в исследование конституционно-правового регулирования различных отношений в информационной сфере. Однако, характеристика конституционно-правовых основ информационного общества не ограничивается регулированием информационной сферы. Характеристика информационного общества показывает, что в результате его развития происходят качественные и количественные преобразования не только в информационной сфере, но и в других сферах общественной жизнедеятельности. Информация и информационные технологии, становясь основой общества, преобразуют политическую, социально-экономическую и духовную сферы общества. Эти сферы в известной степени также подлежат конституционно-правовому регулированию.

Изложенное обуславливает мотивацию автора подойти к исследованию конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе более комплексно – не ограничиваясь определенной сферой общественных отношений или какими-либо конкретными общественными отношениями. Это представляется возможным в рамках анализа конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации.

¹¹³ Саидов А.Г. Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Саидов Абдулмуталиб Гасанович. – Махачкала, 2004. – 153 с.

¹¹⁴ Жаров А.С. Конституционно-правовое регулирование информационной безопасности личности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Жаров Анатолий Сергеевич. – Москва, 2006. – 215 с.

§ 3. Понятие и теоретическая характеристика конституционно-правовых основ информационного общества

Определение понятия и сущности информационного общества для целей конституционно-правового регулирования, с одной стороны, и определение пределов данного регулирования – с другой, позволяет подойти к определению понятия и теоретической характеристике конституционно-правовых основ информационного общества.

Начать следует с рассмотрения более общего вопроса о механизме правового регулирования общественных отношений и выявления особенностей механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в информационном обществе. «МПП – это технологическая схема правового регулирования. Зная МПП, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе. А значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев» – справедливо отмечает В.Б. Исаков¹¹⁵. Механизм правового регулирования традиционно определяют через категорию правовых средств, воздействующих на общественные отношения¹¹⁶. В теории права отмечается, что правовые средства призваны связывать идеальное (цель) с реальным (результатом). Правовые средства включают в себя фрагменты идеального (инструменты, средства-установления – субъективные права, обязанности, льготы, запреты и т.д.) и фрагменты реального (технология, средства-действия, направленные на использование инструментов, – прежде всего акты

¹¹⁵ Исаков В.Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 1987. – С. 266.

¹¹⁶ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 30.

реализации прав и обязанностей)¹¹⁷. Иными словами, в механизм правового регулирования включатся правовые средства, призванные оказывать внешнее воздействие на общественные отношения (нормы права, правовые режимы, правовые институты, отрасли права и т.д.), с одной стороны, и правовые средства, направленные на реализацию нормативных предписаний (правоприменительные акты, акты реализации прав и обязанностей и т.д.). На наш взгляд, механизм правового регулирования отношений в информационном обществе включает в себя такие же правовые средства, но обладает определенной специфической особенностью.

Особенность механизма конституционно-правового регулирования обуславливается особым местоположением отрасли конституционного права в системе правовых отраслей. Справедлива точка зрения Ю.А. Тихомирова о том, что «конституционное право как отрасль и ядро публичного права занимает специфическое место в системе российского права. Она является базовой отраслью нормативно-ценностной ориентации, состоящей из идей, принципов и норм. Их сложно структурировать по аналогии с другими отраслями, поскольку наличие собственной исключительной сферы регулирования сочетается с широкой сферой смежного регулирования совместно с другими отраслями»¹¹⁸. Этим обуславливаются особенности взаимосвязи правовых средств в механизме конституционно-правового регулирования. Не на все общественные отношения, подлежащие конституционно-правовому регулированию, оказывается непосредственное воздействие правовых средств-установлений, то есть норм права, правовых режимов, правовых институтов конституционного права. Непосредственное воздействие осуществляется лишь на общественные отношения, складывающиеся в областях, составляющих основные элементы государства. На все иные общественные отношения конституционно-правовые средства-

¹¹⁷ Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2003. – С. 360.

¹¹⁸ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – М.: Формула права, 2008. – С. 248.

установления оказывают сопряженное с нормами других отраслей права воздействие. В этом плане можно согласиться с мнением Л.А. Шарниной, отмечающей, что в конституционном праве индивидуальное регулирование зачастую не имеет формальных отличий от нормативного правового регулирования и как правило, конституционное индивидуальное регулирование направлено на конкретизацию норм права и, по сути, является правотворчеством¹¹⁹.

Сказанное показывает суть конституционно-правовых основ информационного общества, которые состоят из правовых средств-установлений, нормативно-закреплённых в Конституции РФ и подлежащих конкретизации на отраслевом уровне. В механизме конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе первоочередное место занимают именно конституционно-правовые основы информационного общества.

По своей правовой природе конституционно-правовые основы информационного общества представляют собой совокупность норм конституционного права, выраженных в конкретных положениях Конституции РФ. При этом, данные нормы конституционного права могут оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения разными способами: посредством закрепления правовых принципов, режимов, ценностей, запретов и дозволений и т.д. Конституционно-правовые основы информационного общества являются обобщающей категорией по отношению к конституционно-правовым режимам, конституционным ценностям, конституционным принципам и конституционным запретам и дозволениям. По этой причине в дальнейшем конкретные конституционно-правовые основы информационного общества могут обозначаться как конституционно-правовые режимы, принципы, ценности, запреты или дозволения.

¹¹⁹Шарнина Л.А. Место усмотрения в механизме конституционного правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 5. – С. 8–15.

Таким образом, исходя из того, что конституционно-правовые основы информационного общества представляют собой нормы конституционного права, а также с учетом характеристик информационного общества для целей конституционно-правового регулирования, можно сформулировать следующее определение рассматриваемому понятию. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации – это нормы конституционного права, имеющие основополагающее значение для регулирования взаимосвязанных и взаимозависимых отношений в разных сферах общественной жизнедеятельности, находящихся в состоянии постоянного развития и преобразования, обусловленном возрастающей ролью информационных технологий, информации и знаний.

Конституционно-правовые основы информационного общества в зависимости от сфер, в отношении которых Конституцией РФ установлены основополагающие положения, а также по критерию объекта правоотношений можно классифицировать на две группы.

Первая группа – это конституционно-правовые основы информационной сферы (далее также информационных отношений). Стоит отметить, что в информационном обществе информационная сфера общества приобретает самостоятельное значение¹²⁰. Имманентно присущими и системообразующими в информационном обществе являются именно информационные отношения, отличительная черта которых, как известно, заключается в том, что объектом данных отношений выступает именно информация, ради которой субъекты отношений вступают в них. Следовательно, необходимыми конституционно-правовыми основами информационного общества являются конституционно-правовые основы информационных отношений.

¹²⁰ На наш взгляд, можно согласиться с выводами, к которым приходит Е.А. Финк, рассматривая структуру информационной сферы общества. Она отмечает, что информационная сфера общества существует в ряду других, являясь подсистемой современного общества. См.: Финк Е.А. К вопросу о структуре информационной сферы общества // ОНВ. – 2010. – № 6 (92). – С. 87.

Вторая группа – это конституционно-правовые основы политической, социально-экономической и духовной сфер. Развитие информационного общества не является самоцелью, целью является получение определенных благ в различных сферах общественной жизни за счет использования информации и информационных технологий. В этом плане можно согласиться с точкой зрения Т.А. Поляковой, которая обращает внимание на определенное совпадение информационного общества с гражданским обществом: «Важно отметить, что принципы гражданского общества в значительной степени совпадают с принципами информационного общества: приоритет прав человека в его взаимоотношениях с обществом и государством, свободу человека в экономической, личной и духовной жизни, идеологическое многообразие, политический плюрализм и многопартийность, открытость гражданского общества, его вовлеченность в мировое сообщество и другие. Единство гражданского общества и информационного выражается также в совпадении многих целей и задач их субъектов. Так, общая цель у них состоит в том, что социальные институты призваны служить человеку, защищать его права и интересы, обеспечить условия для самовыражения и свободы человека, его инициативы. Кроме того, процесс формирования гражданского и информационного общества идет одновременно»¹²¹. Это значит, что необходимые конституционно-правовые основы информационного общества такие как конституционно-правовые основы информационной сферы не являются достаточными для конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе. Их должны дополнять конституционно-правовые основы в тех сферах общественной жизни, в которых преследуется цель получения определенных благ. При этом информация и информационные технологии перестают быть целью, а становятся средством.

Несмотря на взаимосвязь и взаимозависимость этих блоков, данная группировка представляется осмысленной и магистральной в классификации

¹²¹ Полякова Т.А. Указ. соч. – С. 174– 175.

конституционно-правовых основ информационного общества. В рамках каждой группы возможна классификация и по иным критериям. Эти критерии могут быть использованы при детальном рассмотрении отдельных конституционно-правовых основ информационного общества в рамках каждого из блоков и при определении их содержания.

Исходя из понятия конституционно-правовых основ информационного общества им можно дать теоретическую характеристику, которая, по сути, сводится к характеристике соответствующих конституционно-правовых норм, обладающих некоторыми особенностями, имеющими определённое значение для последующего анализа содержания конкретных конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации.

В доктрине конституционного права обращается внимание на специфику норм конституционного права. Она проявляется в следующем. Во-первых, далеко не все нормы конституционного права соответствуют классическому представлению о структуре нормы права, включающей гипотезу, диспозицию и санкцию¹²². По большей части структура конституционно-правовых норм, а в особенности тех, что содержатся в тексте самой Конституции РФ, ограничивается

¹²² По этой причине нередко ставилась под сомнение принадлежность норм конституционного права к правовым нормам в целом. Например, А.Ф. Шебанов полагал, что «правильное уяснение смысла каждой правовой нормы, точное выявление целей, которые преследовал законодатель, издавая данную норму, невозможно без ясного и четкого представления о логической структуре правовой нормы, т.е. о ее внутреннем строении, о ее составных частях». При этом отсутствие хотя бы одного из трёх элементов, присущих правовой норме, лишает её правового характера. См.: Шебанов А.Ф. Нормы советского социалистического права. – М., 1956. – С. 33. Подобной позиции придерживается и А.В. Мицкевич: «Все нормы права призваны регулировать общественные отношения или устанавливать порядок, которому должны следовать органы государства, граждане и организации. ... Для достижения этих целей правового регулирования норма права должна прямо или косвенно, полностью или частично, детально либо обобщенно (кратко): во-первых, выразить само содержание правовой нормы; во-вторых, определить условия, при которых содержание правовой нормы может и (или) должно осуществляться; в-третьих, установить правовые последствия нарушения правовой нормы, невыгодные или даже ущербные, тяжкие для нарушителя. Соответственно этим задачам строится структура правовых норм в виде трех структурных элементов деонтической логики, получивших в правовой науке названия диспозиции, гипотезы и санкции». См.: Общая теория государства и права: академический курс в 3-х томах. Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 322.

одним элементом – диспозицией. Во-вторых, диспозиция некоторых норм конституционного права обладает особенностью, заключающейся в том, что она не содержит чётких прав и обязанностей субъектов общественных отношений, которым она адресована¹²³. Естественно, что эта особенность применима не ко всем нормам конституционного права, а преимущественно к нормативным положениям, закрепляющим основы общественного устройства, содержащимся непосредственно в тексте Конституции РФ и находящим своё развитие в других отраслях права. Данные нормы условно можно назвать абстрактными. Именно абстрактные нормы конституционного права образуют конституционно-правовые основы информационного общества.

Абстрактные конституционные нормы, образующие конституционно-правовые основы информационного общества, определяют базовые начала для различных сфер общественной жизни, задавая общий вектор развития различных общественных отношений в информационном обществе. Эти нормы, в свою очередь, раскрываются не только в иных источниках конституционного права, но и дополняются нормами других отраслей. В этом случае конституционно-правовая норма находит своё первичное нормативное выражение в тексте Конституции РФ как главном источнике права. Это ни в коем случае не умаляет нормативного и регулирующего значения данного вида конституционных норм. Во-первых, справедливо следующее утверждение В.О. Лучина: «Действительно, далеко не все конституционные положения устанавливают точно определённые права и обязанности участников регулируемых отношений. Но означает ли это, что они не обладают качеством нормативности? С учётом специфики юридической природы

¹²³ Это наблюдение также было положено в основу тезиса о непринадлежности норм конституционного права к правовым нормам. Например, Н.Г. Александров писал: «Некоторые правоположения в области государственного права не являются нормами права в собственном смысле, поскольку они сами по себе не предписывают какого-либо варианта поведения, а юридически оформляют и закрепляют сами устои общественного и государственного строя (например, ст. 1 Конституции СССР), определяя тем самым сущность и характер других статей закона, содержащих конкретные юридические нормы». См.: Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Сов. государство и право. – 1958. – № 5. – С. 120.

Конституции и ее роли в механизме правового регулирования ответ, видимо, должен быть отрицательный: нет, не означает»¹²⁴. Во-вторых, абстрактность некоторых конституционных норм обусловлена особенностью методов конституционно-правового регулирования общественных отношений. Регулируя общественные отношения, конституционное право использует метод общего нормирования. Его суть заключается в установлении общих, основных начал для всего строя общественных отношений¹²⁵. Вспоминаются слова известного полководца и государственного деятеля, выражающие суть метода общего нормирования: «Пишите коротко и без конкретики» – говорил Наполеон Бонапарт разработчикам французской Конституции¹²⁶. В-третьих, абстрактные конституционные нормы закрепляют основные начала, принципы всего строя общественных отношений на уровне Основного Закона страны. Это значит, что они обязательны не только непосредственно для участников общественных отношений, но также и для законодателя, который стремится урегулировать эти отношения более детальным образом на уровне отраслевого законодательства. Законодатель должен обеспечить соответствие детального нормативно-правового регулирования различных общественных отношений основным началам, принципам, которые нормативно закреплены на конституционном уровне. По этой причине государством созданы специальные механизмы, обеспечивающие работоспособность конституционных норм – трансляцию их смысла в нормы права отраслевого законодательства. Речь в данном случае идет об органах конституционной юстиции, которые призваны обеспечивать контроль над конституционностью положений текущего законодательства.

Исходя из вышеизложенного, можно подвести итоги рассмотрению конституционно-правовых основ информационного общества в Российской

¹²⁴ Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. – М.: Закон и право, 1997. – С. 8.

¹²⁵ Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 10.

¹²⁶ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. – М.: Мысль, 1973. – С. 302.

Федерации на теоретическом уровне и сделать выводы, которые позволят перейти ко второй главе диссертационного исследования – к анализу содержания и проблем реализации конституционно-правовых основ информационного общества в России.

1. Отношения в информационном обществе подлежат конституционно-правовому регулированию в определённых пределах. Пределы этого регулирования предопределены двуединой природой предмета конституционного права. С одной стороны, конституционным правом определены основы существования, жизнедеятельности и развития всего информационного общества, с другой стороны конституционное право также детально регулирует отношения в информационном обществе, которые по своей природе относятся к предмету конституционного права (например, отношения в сфере электронной демократии и т.д.). В рамках диссертационной работы исследованию подлежат исключительно основы существования, жизнедеятельности и развития всего информационного общества.

2. Пределами конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе предопределено разграничение между конституционно-правовым и информационно-правовым регулированием отношений в информационном обществе. Общественные отношения в информационном обществе за обозначенными пределами конституционно-правового регулирования регулируются информационным правом и решение проблем этого регулирования – задача информационного, а не конституционного права.

3. Под конституционно-правовыми основами информационного общества в Российской Федерации следует понимать нормы конституционного права, имеющие основополагающее значение для регулирования взаимосвязанных и взаимозависимых отношений в разных сферах общественной жизнедеятельности,

находящихся в состоянии постоянного развития и преобразования, обусловленном возрастающей ролью информационных технологий, информации и знаний.

4. Конституционно-правовые основы информационного общества можно классифицировать на две группы: конституционно-правовые основы информационной сферы (информационных отношений) и конституционно-правовые основы политической, социально-экономической и духовной сфер информационного общества.

5. В доктрине конституционного права России отсутствуют комплексные научные работы, в которых системно были бы исследованы конституционно-правовые основы информационного общества в информационной, политической, социально-экономической и духовной сферах.

Глава 2. Содержание и проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации

§ 1. Конституционно-правовые основы информационной сферы и проблемы их реализации в информационном обществе

С учетом теоретических выводов, сделанных в первой главе диссертационного исследования, можно приступить к анализу конкретных положений Конституции РФ, образующих конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации.

Придерживаясь общей классификации конституционно-правовых основ информационного общества, начнем с конституционно-правовых основ информационных отношений¹²⁷. Однако перед этим целесообразно обратить внимание на методологию, применяемую к определению содержания конституционно-правовых основ информационного общества.

Поскольку конституционно-правовые основы информационного общества образуют конституционно-правовые нормы, уяснение их содержания можно свести к анализу содержания соответствующих конституционно-правовых норм. Выявление содержания конституционно-правовых основ информационного общества позволит наглядно продемонстрировать пределы и специфику конституционно-правового регулирования информационного общества в России, с одной стороны, и позволит создать «почву» для последующей оценки эффективности этого регулирования и его релевантности условиям современного информационного общества России – с другой.

¹²⁷ Для целей данного диссертационного исследования «информационные отношения» в обществе и «информационную сферу» мы будем считать синонимами.

Под содержанием конституционно-правовых норм вообще и регулирующих отношения в информационном обществе в частности мы будем понимать характеристику регулирующего воздействия конституционно-правовых норм. Для этого необходимо провести их толкование и уяснить их суть. При этом мы будем придерживаться тех методов толкования, которые использует Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ)¹²⁸. Оценивая то или иное положение законодательства на его конституционность, орган конституционного контроля апеллирует к содержанию, сути соответствующего конституционного положения. Он «раздвигает или уточняет содержание сформулированного в Конституции нормативного установления, исходя из его буквы и смысла, с целью наиболее точного понимания и единообразного применения толкуемого конституционного положения»¹²⁹. Помимо этого, при определении содержания конституционно-правовых основ информационного общества целесообразно обращение к результатам толкования рассматриваемых положений Конституции РФ.

В данном параграфе речь пойдет о содержании конституционно-правовых норм, регулирующих информационные отношения, которые занимают центральное место в системе общественных отношений, складывающихся в информационном обществе. Наиболее системно к анализу данных основ подошёл С.Н. Шeverдяев, посвятив свое диссертационное исследование проблемам конституционно-правового регулирования информационных отношений в

¹²⁸ Анализу методов толкования норм права, которые используются КС РФ в своей практике, посвящена статья А.В. Должикова. Он приходит к выводу о том, что в применении четырех канонов толкования (грамматическое толкование, системное толкование, телеологическое толкование, историческое толкование) должна соблюдаться последовательность, где грамматическое толкование выступает исходным методом уяснения смысла конституционных прав. При этом чаще всего на практике в качестве дополнительных методов используются системное и телеологическое толкование. Они позволяют устранять неизбежные дефекты Конституции РФ и развивающих её законов. Помимо классических методов толкования автор статьи выделяет также такие способы толкования как междисциплинарное, конституционно-конформное и компаративную интерпретацию конституционного текста. См.: Должиков А.В. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 125–151.

¹²⁹ Богданова Н.А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // ВКС РФ. – 1997. – № 3. – С. 64–65.

Российской Федерации¹³⁰. В проведенном исследовании предлагается рассмотрение направлений и особенностей конституционно-правового регулирования информационных отношений посредством их связи с базовыми категориями, образующими систему конституционного права¹³¹. Данный подход представляется оправданным, в связи с чем он будет использован при выделении конкретных положений Конституции РФ.

Перед выделением конкретных положений Конституции РФ, относящихся к регулированию отношений в информационной сфере, целесообразно уточнить условия конституционно-правового регулирования информационных отношений, обозначенные С.Н. Шевердяевым. «Из всей совокупности информационных отношений, – пишет он – важнейшими для целей конституционно-правового регулирования можно признать взаимодействия субъектов властеотношений, целенаправленно реализующих в своей деятельности возможности поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, и выражающие их участие в информационном обмене знаниями и ценностями. Иными словами, информационные отношения становятся властеотношениями в том случае, когда субъекты конституционного права решают вопросы о принадлежности, способе организации и порядке осуществления публичной власти посредством воздействия на существующую в обществе систему знаний и ценностей. Таковы условия возможности конституционно-правового регулирования информационных отношений»¹³². На наш взгляд, с учётом места информационной сферы общества в предмете конституционного права, конституционно-правовое регулирование информационных отношений не ограничивается властеотношениями. Во-первых, на конституционном уровне закреплены основы всех информационных отношений, включая отношения между субъектами,

¹³⁰ См.: Шевердяев С.Н. Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шевердяев Станислав Николаевич. – Москва, 2002. – 210 с.

¹³¹ Шевердяев С.Н. Указ. соч. С. 34.

¹³² Шевердяев С.Н. Указ. соч. С. 33.

которые не являются субъектами властеотношений. Например, на конституционном уровне закрепляется комплекс информационных прав, адресованных в первую очередь человеку и гражданину (и не обязательно политику)¹³³. Во-вторых, сужение конституционно-правового регулирования информационных отношений до рамок властеотношений создает трудность в отделении конституционно-правового регулирования информационных отношений от конституционно-правового регулирования политических отношений. В этом плане представляется, что информационный обмен между субъектами властеотношений, складывающийся по поводу осуществления власти, должен регулироваться в рамках конституционно-правового регулирования политической сферы, а не информационной. Не случайно, что особенности распространения информации, являющейся предвыборной агитацией, урегулированы в избирательном праве – подотрасли конституционного права, а не информационного. Таким образом, помимо регулирования политических отношений конституционное право регулирует и исключительно информационные отношения.

Конституционно-правовые нормы, регулирующие информационные отношения могут быть классифицированы по объекту конституционно-правового регулирования. По этому критерию можно выделить конституционно-правовые нормы, определяющие основы конституционного строя; конституционно-правовые нормы, определяющие конституционно-правовой статус личности и закрепляющие основные права и обязанности; конституционно-правовые нормы, закрепляющие федеративное устройство России. Далеко не все конституционно-правовые нормы из названных групп имеют отношение к регулированию

¹³³ Справедлива точка зрения Е.С. Лисицыной о том, что право человека на информацию и информационную деятельность органически входит в систему политических прав, однако в современной ситуации затрагивает абсолютно все сферы человеческой жизнедеятельности, поэтому может быть отнесено к категории личных прав. См.: Лисицына Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лисицына Елена Сергеевна. – Москва, 2013. – С. 11–12.

информационных отношений. Поэтому речь пойдет только о содержании некоторых из них. Также необходимо отметить, что с учетом обозначенных границ настоящего диссертационного исследования в числе конституционно-правовых норм, регулирующих информационные отношения, не будут исследованы нормы, регулирующие отношения, связанные со статусом и деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Конституционно-правовые нормы, определяющие основы конституционного строя. В данной группе применительно к регулированию информационных отношений можно выделить принцип государственного суверенитета (ч. 1 ст. 4), принцип идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13), а также положение, согласно которому законы подлежат официальному опубликованию (ч. 3 ст. 15). Рассмотрим содержание данных положений Конституции РФ в контексте регулирования информационных отношений подробно и по порядку.

Содержание принципа государственного суверенитета применительно к регулированию информационных отношений предопределено конституционно-правовой природой этого имманентно присущего государству признака. Сущность такого политико-правового феномена как государственный суверенитет достаточно освещена в правовой доктрине. Родоначальник и основоположник концепции государственного суверенитета Жан Боден отмечал, что «власть государства постоянна и абсолютна; это – высшая и независимая власть как внутри страны, так и в отношениях с зарубежными державами. Выше носителя суверенной власти – только бог и законы природы»¹³⁴. А.Л. Бредихин выделяет следующие основные характеристики суверенитета: возможность носителя верховной власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю. Это означает, что носитель суверенной власти имеет право издавать веления исходя из сугубо собственных интересов; верховная власть должна осуществляться без внешних

¹³⁴ Лейст Э.О. История политических и правовых учений. – М.: Зерцало. – 2000. – С. 227.

ограничений, т.е. другие суверенные субъекты не имеют прав влиять или иным образом вмешиваться в политико-правовые процессы этого государства¹³⁵. Суверенитет государства следует рассматривать как «специфический признак государства, выражающий верховенство государственной власти по отношению ко всем иным организациям и лицам в стране и независимость ее в сфере взаимоотношений данного государства с другими государствами»¹³⁶. Выделяются также «внутренний» и «внешний» аспекты суверенитета государства. Суверенитет государства внутри страны (внутренний аспект суверенитета) выражается в единстве и распределении государственной власти на всё население и общественные организации страны¹³⁷. Суверенитет государства за пределами его территории (внешний аспект суверенитета) проявляется в способности государства выступать полноправным субъектом международного права, самостоятельно формировать и реализовывать внешнюю политику¹³⁸.

Основываясь на содержании положений Конституции РФ, упоминающих о суверенитете, КС РФ дал следующее определение суверенитету: «Суверенитет по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий её конституционно-правовой статус»¹³⁹.

¹³⁵ Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. – М.: Инфра-М. 2012. – С. 142.

¹³⁶ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю.А. Тихомиров // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сб. статей и материалов / Сост. С. Е. Заславский. – М.: ИИК «Российская газета». – 2007. – С. 80.

¹³⁷ Теория государства и права / М.Н. Марченко. – М.: 1987. – С. 39.

¹³⁸ Красинский В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы / В.В. Красинский // Современное право. – 2015. – № 7. С. 5– 10.

¹³⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных

Приведённые взгляды на государственный суверенитет позволяют сделать вывод об однообразном понимании его сущности. В целом она заключается в том, что государственный суверенитет представляет собой свойство государственной власти, заключающееся в её способности быть независимой как во внутренних, так и во внешних делах государства. Если государство не имеет возможности проводить самостоятельную и независимую политику в различных сферах общественной жизни, то оно не обладает государственным суверенитетом и, следовательно, по сути не является самостоятельным государством и возможно государством в принципе. Это относится и к возможности государства проводить самостоятельную и независимую политику в информационной сфере. В этой связи становится очевидным значение принципа государственного суверенитета для конституционно-правового регулирования информационных отношений. На этом принципе основывается политика государства в отношении информационного обмена (преимущественно международного) и информационной безопасности. Неслучайно, что проблема обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве проходит красной нитью практически через всю Доктрину информационной безопасности Российской Федерации¹⁴⁰, а слово «суверенитет» встречается 9 раз на 7 страницах её текста.

Конечно, Доктрина информационной безопасности посвящена не только информационной безопасности самого государства и обеспечению суверенитета Российской Федерации. Этим документом представлена достаточно развернутая система национальных интересов в информационной сфере¹⁴¹. Однако, на наш

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2728.

¹⁴⁰ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

¹⁴¹ См.: П. 8 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

взгляд, ключевым национальным интересом в информационной сфере является обеспечение государственного суверенитета в информационном пространстве. Осознание сути суверенитета и его значения для государства позволяет прийти к выводу о его первостепенном значении по отношению к иным национальным интересам в информационной сфере. Очевидно, что обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации будет невозможно, если государство не будет обладать всей полнотой власти при реализации внутренней политики, если кто-то (помимо этого государства) будет иметь право влиять или иным образом вмешиваться в политико-правовые процессы этого государства. Также очевидно, что несuverенное политико-правовое образование (квазигосударство) не может выступать полноправным субъектом международного права наряду с суверенными государствами, самостоятельно формировать и реализовывать внешнюю политику, а, следовательно, и о содействии формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности идти речи не может. В этой связи обращает на себя внимание тезис о том, что, если «нет суверенитета – нет государства, а суждения о «несуверенном» государстве следует воспринимать только как теоретические конструкции»¹⁴².

¹⁴² Конституционное право: университетский курс. / А.И. Казанник, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект. – 2015. Т. 2. – С. 70.

Таким образом, обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере является краеугольным камнем в создании эффективных механизмов, направленных на нивелирование угроз, обусловленных развитием информационного общества в целом. При этом государственный суверенитет в информационной сфере следует рассматривать не как самостоятельный вид суверенитета государства, а как проявление верховенства и независимости государственной власти в информационной сфере общества, в которой государство проводит самостоятельную и независимую от какого-либо политику. Это проявление государственного суверенитета нередко называют «информационным», «цифровым» суверенитетом. «В качестве новой ключевой компоненты суверенитета сегодня выступает цифровой суверенитет. Это право и возможность национального правительства самостоятельно и независимо определять и внутренние и геополитические национальные интересы в цифровой сфере. Это также способность вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю информационную политику, распоряжаться собственными информационными ресурсами, инфраструктурой национального информационного пространства, гарантировать электронную и информационную безопасность государства», — отмечает один из известных деятелей российской IT-индустрии Игорь Ашманов¹⁴³.

Следует отметить, что отсутствие государственного суверенитета в информационной сфере – серьезная предпосылка к потере государственного суверенитета в целом. Во-первых, как справедливо отмечает профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши, процесс информатизации общества XXI века будет пронизывать все сферы жизни людей, менять её содержание и формы, так как информация становится одной из главных ценностей, консолидирующих человечество¹⁴⁴. Следовательно, потеря суверенитета в информационной сфере неизбежно приведет к потере суверенитета в иных сферах,

¹⁴³ Забил я цифрой пушку туго. Интервью И.С. Ашманова. // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/05/23/ashmanov.html> (дата обращения: 25.05.2017).

¹⁴⁴ Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. – 1999. – № 1. – С. 30–35.

пронизанных процессом информатизации (экономическая сфера, политическая сфера, социальная и духовная сферы). Во-вторых, отсутствие государственного суверенитета в информационной сфере подрывает обороноспособность государства в информационной войне, поражение в которой порой равнозначно поражению в войне «горячей». Современные информационные технологии в развитом информационном обществе нередко создают реальные угрозы для стабильности в том или ином обществе. Достаточно уже того, что возможности Интернета широко задействовались и задействуются для организации так называемых «цветных революций», например, в Ираке, Ливии, Сирии, Украине¹⁴⁵. При этом, как отмечает Ю.Г. Федотова, «воздействие на массовое сознание граждан осуществляется таким образом, что не просто преподносится недостоверная информация, а используются механизмы влияния на принятие решений личностью, формулирование и восприятие ею оценочных суждений»¹⁴⁶.

Неслучайно, что в Концепции внешней политики Российской Федерации отмечаются намерения в применении необходимых мер по отражению информационных угроз суверенитету и безопасности¹⁴⁷, а в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации недвусмысленно говорится о том, что «расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств»¹⁴⁸. Справедливо

¹⁴⁵ Тарасов А.М. Киберугрозы, прогнозы, предложения // Информационное право. – 2014. – № 3. – С. 13.

¹⁴⁶ Федотова Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 19.

¹⁴⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года // Документ опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

¹⁴⁸ См.: П. 12 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

утверждение В.М. Бурлы, что государственный суверенитет является национальной конституционной ценностью, создающей предпосылки для гарантии и реализации всей системы конституционных ценностей, как первичное условие независимости и самоидентификации государства¹⁴⁹.

Уяснение основополагающей роли государственного суверенитета в регулировании информационной сферы информационного общества в части нивелирования рисков информационной безопасности позволяет обозначить несколько проблем, связанных с реализацией принципа государственного суверенитета в современном информационном обществе. Первая проблема обусловлена достаточной сложностью в обеспечении государственного суверенитета в условиях постоянного развития информационных технологий и угроз информационной безопасности. Вторая проблема заключается в том, что обеспечение государственного суверенитета нередко вступает в конфликт с конституционными ценностями современного информационного общества (свобода информации, идеологическое многообразие и т.д.), что приводит к сдерживанию развития информационного общества.

Средства обеспечения государственного суверенитета в информационной сфере носят разноплановый характер: они могут быть правовыми, организационно-техническими, а также экономическими. Роль правовых средств заключается в обеспечении адекватного нормативно-правового регулирования информационной безопасности, отвечающего всем вызовам развивающегося информационного общества. Организационно-технические меры направлены на практическую реализацию мер по информационной безопасности, а также на постоянное совершенствование элементов её системы. Экономические меры призваны создать оптимальные экономические условия для реализации организационно-технических средств с точки зрения финансирования мероприятий по их

¹⁴⁹ Бурла В.М. Цифровизация как фактор влияния на развитие конституционной аксиологии // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – СПС «Консультант Плюс».

совершенствованию, а также оптимального регулирования экономических процессов.

На сегодняшний день в Российской Федерации обеспечению государственного суверенитета в информационной сфере уделяется большое внимание. Был принят так называемый «закон о суверенном интернете»¹⁵⁰. Реализация идей законопроекта предполагает возможность «обеспечения работоспособности российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам сети Интернет»¹⁵¹. Принятый закон вызвал неоднозначное отношение среди ученых-правоведов. И.А. Кравец пишет, что есть специалисты и ученые, безусловно поддерживающие его и это своеобразная правовая форма конституционного патриотизма в цифровой и информационной среде. Другое направление в современной российской юриспруденции, в котором критический рационализм сочетается с обоснованными сомнениями в том, что Россия останется открытой для мирового информационного пространства, а граждане не будут ограничены в возможностях использования интернет-ресурсов, программ и сайтов. «Закон олицетворяет намерения государства гарантировать «суверенный» Интернет и предусматривает создание организационных и технологических гарантий «автономной работы» Интернета в России на случай возможного отключения страны от глобальной сети. В такой же степени правовые новации «включают свет» защитной модернизации информационного и цифрового пространства страны; очевиден подход, использованный китайским опытом (блокировка определенных

¹⁵⁰ См.: Федеральный закон от 01 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2214.

¹⁵¹ См.: Пояснительную записку к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (законопроект № 608767-7) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/608767-7> (дата обращения: 25.02.2022).

сайтов, программ, использование программного продукта китайского происхождения)» – отмечает ученый¹⁵².

Вопреки негативной коннотации данного федерального закона, стоит отметить, что он не направлен на безусловное отключение российского сегмента сети Интернет от глобального Интернета. Речь идет о создании механизмов реагирования на возможные киберугрозы со стороны иностранных государств. При этом очевидно, что в случае развития самого неблагоприятного сценария, при котором Рунет будет ограничен от глобального Интернета, говорить о полноценном развитии информационного общества в России не придется. В настоящее время все больше IT-экспертов сходятся во мнении, что в целях пресечения утечки важной информации сеть Интернет может распасться на десятки отдельных и автономных сетей в национально-государственных границах¹⁵³.

Представляется, что необходимо обеспечить наименее радикальные методы обеспечения информационной безопасности, даже несмотря на мнение бывшего Советника Президента РФ Г.С. Клименко, отвечавшего за вопросы развития Интернета, о том, что единственная возможность обеспечить информационную безопасность в России – это ограничение интернета, как в Китае. «Путь один – это китайский вариант. Безусловно, контроль нужен, потому что не существует ни одной возможности это предотвратить. Китай менее щепетилен к мнению общества, они оценили угрозу и ограничили интернет. Теперь у них таких проблем нет»¹⁵⁴.

Обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере – крайне непростая задача, при реализации которой необходимо обеспечивать баланс

¹⁵² Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – СПС «Консультант Плюс».

¹⁵³ Тарасов А.М. Киберугрозы, прогнозы, предложения // Информационное право. – 2014. – № 3. – С. 11–15.

¹⁵⁴ «Советник президента Клименко предложил ограничить в России интернет» // URL: <http://www.interfax.ru/russia/547163> (дата обращения: 22.08.2017).

с иными конституционными ценностями. Здесь следует отметить, что обеспечение государственного суверенитета и развитие информационного общества возможны, если речь идет о национальном, а не о глобальном информационном обществе. В последнем случае обеспечение государственного суверенитета и развитие глобального информационного общества – практически взаимоисключающие задачи. Справедлива точка зрения главного научного сотрудника ИГП РАН, профессора Г.Г. Шинкарецкой, что противоречие между концепциями государственного суверенитета и глобального информационного общества – одно из реальных и весьма острых. «Дело в том, что глобальное информационное общество понимается как свободное пространство, где происходит свободное циркулирование информации. В то время как концепция государственного суверенитета исходит из полновластности и самостоятельности государства, которое обладает территориальным верховенством...» – отмечает Г.Г. Шинкарецкая¹⁵⁵. В этом плане даже полностью оправданный, на наш взгляд, подход к основам государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, предполагающий не «железный занавес», а содействие установлению международно-правового режима информационной безопасности глобального информационного пространства, а также обеспечение безопасного и стабильного функционирования и развития информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на основе равноправного участия государств – членов мирового сообщества в управлении данной сетью¹⁵⁶, не может гарантировать развитие глобального информационного общества. Продвижение обозначенных подходов на международной арене не

¹⁵⁵ Полякова Т.А., Жарова А.К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – № 1 (59). – С. 175.

¹⁵⁶ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 года № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 16 (Часть I). – Ст. 2746.

гарантирует их принятие другими государствами, что необходимо для развития информационного общества в мировом масштабе.

Если рассматривать национальное информационное общество, то обеспечение государственного суверенитета не должно препятствовать развитию информационного общества на национальном уровне. Однако в условиях стремительного развития информационного общества и усиливающихся угроз информационной безопасности общества и государства, нередко меры, которые предпринимаются в целях обеспечения суверенитета в информационной сфере, оказывают негативное влияние на развитие национального информационного общества. Достаточно показательным примером могут служить меры, которые предпринимались в России в рамках противодействия использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета. Речь идет о значительном количестве уголовных дел, возбужденных за распространение информации в социальных сетях, преимущественно в социальной сети «ВКонтакте». Не вдаваясь в детали конкретных уголовных дел, можно сказать, что некоторые из них свидетельствуют о системных проблемах в реализации принципа свободы информации в России. Например, отсутствие достаточной правовой определенности в диспозиции ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁵⁷ (далее – УК РФ) «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», позволяет применить ее равным образом как к члену радикальной националистской организации, так и к человеку, осуществившему репост неудачной шутки. Очевидно, что применение уголовного законодательства в репрессивных целях в сети Интернет крайне негативно скажется на развитии информационного общества, основанного на демократических ценностях. В этой связи обоснованными являются изменения в ст. 282 УК РФ, согласно которым

¹⁵⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства возникает после привлечения к административной ответственности или при наличии квалифицирующих признаков¹⁵⁸. При этом, положения ст. 282 УК РФ, во многом по-прежнему не отвечают принципу правовой определенности в степени, достаточной для исключения возможных злоупотреблений со стороны государства.

Таким образом, в условиях усиления угроз информационной безопасности в современном информационном обществе, стремление обеспечить реализацию принципа государственного суверенитета приводит к сдерживанию процессов развития информационного общества, выражающихся в несоразмерном ограничении принципа свободы информации. Поэтому при реализации принципа государственного суверенитета должен быть обеспечен максимально возможный баланс с иными охраняемыми государством конституционными ценностями.

Следующим принципом из числа основ конституционного строя, имеющим отношение к конституционно-правовому регулированию информационных отношений, является принцип идеологического многообразия. Определить значение этого принципа для системы информационных отношений в информационном обществе представляется невозможным без уяснения конституционно-правовой природы этого элемента конституционного строя.

Следует начать с того, что идеологическое многообразие – категория, в первую очередь, не правовая, а социально-философская. На сегодняшний день как в социальной философии, так и в конституционно-правовой науке нет единообразного понимания идеологического многообразия. В этой связи, применяя грамматический способ толкования, следует прибегнуть к этимологическому методу и определить содержание идеологического многообразия посредством определения значения слов «идеология» и

¹⁵⁸ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8445.

«многообразии». Представляется, что этого будет достаточно для определения значения идеологического многообразия в контексте конституционно-правового регулирования информационных отношений.

Под идеологией понимается система идей, взглядов, убеждений, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество¹⁵⁹. Исходя из данного определения понятно, что идеология представляет собой собирательное понятие и можно выделить различные виды идеологии в различных сферах общественной жизни. Так, можно говорить об идеологии в политической, социально-экономической, а также духовной сферах. Также можно сказать о том, что идеология берёт своё начало в индивидуальной личности, у которой имеются свои идеи, взгляды и убеждения. В результате различных социальных процессов эти идеи, взгляды и убеждения объединяются по принципу схожести, в результате чего появляются определённые группы, классы, политические партии, а также общества разного типа. В основе этих социальных процессов лежит информационный обмен. Это представляется настолько очевидным, что не требует подробного доказательства. Действительно, идеи, взгляды и убеждения индивидуума могут передаваться кому-то только посредством передачи информации различными способами: вербально, письменно, посредством информационно-коммуникационных технологий и т.д.

Значение понятия «многообразие» сводится к тому, что под ним понимается множественность видов чего-либо¹⁶⁰. Таким образом, с точки зрения этимологического значения идеологическое многообразие представляет собой множественность идей, взглядов и убеждений. В этой связи можно согласиться с выводом К.А. Кононова о том, что идеологическое многообразие с социально-философской точки зрения можно определить как состояние общественной жизни, основанное на признании за личностью идеологической свободы и

¹⁵⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989. – С. 239.

¹⁶⁰ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=30221> (дата обращения: 14.03.2017).

неприкосновенности и представляющее собой равную конкуренцию идеологических концепций в обществе¹⁶¹.

Именно социально-философское значение идеологического многообразия предопределяет содержание одноимённого конституционного принципа. Ч. 1 ст. 13 Конституции РФ предусматривает, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Исторические предпосылки к закреплению этого принципа на конституционном уровне известны. Как справедливо отмечают В.Е. Чуров и Б.С. Эбзеев «Признание Конституцией идеологического многообразия (наряду с признанием политического многообразия и многопартийности) в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации есть рефлекс на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, закреплявшийся в советских конституциях и поддерживавшийся всеми институтами государственной власти. Таким признанием из-под контроля государства выводится сфера идеологии, система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, с помощью которых осознается и оценивается отношение людей к действительности. В этом отношении государство «выше идеологии», оно не может в своей деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться той или иной идеологией или навязывать ее обществу»¹⁶².

С точки зрения нормативного закрепления этот конституционный принцип имеет диспозитивные начала. «Данная норма диспозитивна абсолютно: возможны любые варианты поведения субъекта, не нарушающие прав и свобод других лиц. Идеологическая свобода, таким образом, выражается и как возможность активной деятельности субъекта по реализации собственной идеологической свободы в общении с иными субъектами (позитивное понимание), и как возможность

¹⁶¹ Кононов К.А. Институциональная природа идеологического многообразия // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 22. – С. 3.

¹⁶² Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 5– 20.

воздержания субъекта от каких-либо активных действий (негативное понимание). Во втором случае идеологическая свобода есть неприкосновенность внутренних интеллектуальных процессов субъекта со стороны третьих лиц, в первом же – идеологическая неприкосновенность субъекта преобразуется в активную волевую деятельность субъекта в общении с иными субъектами. Следовательно, общественные отношения, составляющие содержание состояния идеологического многообразия, структурируются на две группы: во-первых, отношения, возникающие в связи с охраной идеологической свободы и неприкосновенности всякого субъекта конституционного права; во-вторых, отношения в связи с реализацией субъектом собственной идеологической свободы вовне», – пишет К.А. Кононов¹⁶³.

Рассматривая идеологическое многообразие, конституционалисты нередко обращают внимание на парадоксальность этого конституционного принципа. Действительно, нетрудно заметить, что любая правовая норма, легитимизованный государством институт сами по себе несут идеологическую нагрузку. В данном случае может показаться, что имеется некое противоречие с конституционным положением о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В этой связи иронично можно заметить, что сама ч. 1 ст. 13 Конституции РФ, устанавливая идеологическое многообразие, противоречит этому конституционному предписанию постольку, поскольку идеологическое многообразие само по себе представляет собой идеологию плюрализма¹⁶⁴ идей, взглядов и убеждений. Более того, сложно отрицать, что это и другие положения Конституции РФ образуют некую комплексную идеологию, которая включает в себя систему принципов для всего законодательства, а также систему ценностей для общественных отношений. Эту идеологию нередко называют идеологией конституционализма. Например, В.С. Нерсисянц пишет:

¹⁶³ Кононов К.А. Указ. соч. – С. 4.

¹⁶⁴ Следует обратить внимание на то, что понятие плюрализм (от лат. pluralis, т.е. множественный) тождественно понятию многообразие.

«Утверждение конституционализма как общегосударственной, надпартийной идеологии и интегративной общенациональной идеи особенно актуально в современной России, в условиях отсутствия общезначимых ценностных и мировоззренческих ориентиров, острой борьбы между различными узкопартийными идеологиями»¹⁶⁵.

На наш взгляд, установление идеологии конституционализма, конституционных принципов и ценностей нельзя считать нарушением конституционного запрета на установление государственной или обязательной идеологии. В этом плане справедливо утверждение С.А. Авакьяна о том, что лишь в том случае, если у идеологии появляется «название, и оно будет зафиксировано в конституции или законе, тем самым как раз и произойдет её оформление в качестве государственной, иначе говоря, – обязательной. Именно последнего и не делается в состоянии, именуемом идеологическим многообразием. Это отнюдь не препятствует тому, чтобы добиваться закрепления в конституции или законах соответствующих постулатов. Конституционные реформы как раз и знаменуют победу тех или иных сил, торжество проповедуемых ими идей. Но, тем не менее, факт остаётся фактом: соответствующие взгляды, пронизывая дух и букву конституции, не провозглашаются в качестве единственно верных, с которыми надо соизмерять жизнь и поступки граждан»¹⁶⁶. Именно в этом заключается суть и содержание конституционного принципа идеологического многообразия.

Исходя из конституционно-правового содержания принципа идеологического многообразия, можно определить его значение для конституционно-правового регулирования информационных отношений. Для этого представляется целесообразным разобраться в соотношении таких понятий как информация и идеология. Содержание последнего было определено выше, что

¹⁶⁵ Нерсесянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политологии и правоведения; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М. 2000. – С. 6.

¹⁶⁶ Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: Рос. юрид.изд. Дом, 1996. – С. 9–10.

же касается понятия информация, то здесь будет уместно ограничиться легальным определением этого термина. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее также – Закон об информации) информация – это «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»¹⁶⁷. Очевидно, что по своей природе идеология представляет собой информацию, поскольку является сведениями (сообщениями, данными). Однако не всякая информация является идеологией, поскольку идеология – это не просто любые сведения (сообщения, данные), а *система* идей, взглядов и убеждений. Поэтому информация и идеология соотносятся между собой как общее и частное.

Исходя из этого соотношения, определимо значение конституционного принципа идеологического многообразия для информационных отношений: идеологическое многообразие является предпосылкой к информационному многообразию, особенно в общественно-политической сфере, но не всегда наоборот. В случае, если на конституционном уровне установлена обязательная государственная идеология и, соответственно, запрет на иную идеологию, то логичным представляется недопустимость распространения соответствующей информации. Однако этот запрет не повлияет на распространение любой иной информации, не образующей неофициальную, то есть запрещённую идеологию. Следовательно, даже в условиях отсутствия идеологического многообразия нельзя исключать многообразия информационного (хоть оно и будет менее многообразным, чем в условиях идеологического многообразия).

В этом плане не бесспорным представляется следующий вывод С.Н. Шевердяева по поводу соотношения идеологического и информационного многообразия: «Между тем, принципы идеологического и информационного многообразия не только тесно связаны между собой, но и находятся в

¹⁶⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

непосредственной зависимости. Идеологическое многообразие как специальный принцип регулирования информационного обмена предопределяет альтернативность мнений не только в политической, но и в любой другой области. Информационное многообразие образует базу для выработки наиболее важных идей, нуждающихся в отстаивании на политическом уровне: какой из вопросов будет признан имеющим политическое значение, выясняется в общественном диалоге в целом, а не только во взаимоотношениях политических партий. Таким образом, идеологическое многообразие – это результат реализации информационного многообразия и его принципиальная гарантия»¹⁶⁸. На наш взгляд, идеологическое многообразие хоть и имеет значение для информационного многообразия, но не является его принципиальной гарантией, так как информационное многообразие может существовать и в отсутствие многообразия идеологического.

Следующим конституционным положением из рассматриваемой группы конституционно-правовых норм является положение ч. 3 ст. 15 Конституции РФ: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Причастность данного конституционного положения к регулированию информационных отношений и в целом к информационному обществу более чем очевидна. Донесение законов и нормативно-правовых актов до всеобщего сведения есть ни что иное как информационный процесс. Следует отметить, что в современном информационном обществе России отсутствуют какие-либо концептуальные проблемы с реализацией приведенного положения Конституции РФ.

Конституционно-правовые нормы, определяющие конституционно-правовой статус личности и закрепляющие основные права и обязанности.

¹⁶⁸ Шевердяев С.Н. Указ. соч. – С. 61.

Наиболее весомый пласт конституционно-правовых основ информационных отношений в России содержится во второй главе Конституции РФ, которая составляет правовой статус личности. Это не удивительно, так как в ней содержатся информационные права и свободы. От возможности реализации информационных прав и свобод, от качества системы их гарантий напрямую зависит возможность пользоваться благами информационного общества. Информационные права, их содержание, объем и гарантированный государством механизм защиты – те критерии, которыми можно «измерить» современные процессы формирования информационного общества и построения электронного государства. При этом информационные права индивида напрямую связаны с удовлетворением его интересов в информационной сфере¹⁶⁹.

Естественно, что далеко не все конституционно-правовые нормы второй главы Конституции РФ имеют отношение к установлению конституционно-правовых основ информационных отношений. В этой связи необходимо выделить и определить содержание лишь некоторых из них. Общей предпосылкой является то, что любой человек является субъектом информационных отношений. Вступая в информационный обмен человек реализует свои информационные правомочия в том или ином виде. Следовательно, конституционно-правовое регулирование информационных отношений в данном случае осуществляется конституционно-правовыми нормами, образующими комплекс информационных прав и свобод человека. Следует сказать, что информационные отношения и информационное общество в целом немыслимы без информационных прав и свобод человека, также как немыслима демократия без избирательных прав граждан. Поэтому выделим и определим содержание информационных прав и свобод человека.

Можно выделить несколько конституционных положений, которые образуют систему информационных прав и свобод человека и гражданина:

¹⁶⁹ Чеботарева А.А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод // Юридический мир. – 2015. – № 1. – С. 49–53.

- во-первых, ч. 1 ст. 29 Конституции РФ предусматривает, что каждому гарантируется свобода мысли и слова;
- во-вторых, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ предусматривает следующее положение: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом»;
- в-третьих, ч. 5 ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру;
- в-четвёртых, ч. 2 ст. 24 Конституции РФ предусматривает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом;
- в-пятых, ст. 23 Конституции РФ (ч. 1 и ч. 2) предусматривает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. При этом ограничение последнего права допускается только на основании судебного решения;
- в-шестых, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ предусматривает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются;
- в-седьмых, ст. 42 Конституции РФ закрепляет за каждым право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

По поводу перечисленных положений Конституции РФ написана не одна научная работа. При этом, если обратиться к диссертационным работам, посвященным группе конституционных прав и свобод на информацию, то обоснование их актуальности достаточно схоже. В большинстве работ авторы

обращают внимание на «современный этап развития общества и государства»¹⁷⁰, «развитие информационных систем и технологий, многократно увеличивающих возможности информационного воздействия»¹⁷¹, на «постиндустриальный период развития общества, кардинально и всесторонне меняющий нашу жизнь»¹⁷² и на «развитие информационного общества»¹⁷³. Всё это свидетельствует о том, что развитие информационного общества является причиной неких преобразований, изменений и проблем в реализации рассматриваемых конституционно-правовых основ информационного общества. По этой причине содержанию и проблемам реализации информационных прав и свобод человека и гражданина в контексте развития информационного общества целесообразно уделить особое внимание.

Для начала необходимо разобраться с соотношением между такими категориями как «свобода мысли и слова», «право на информацию», «свобода информации», «свобода массовой информации» и «право на доступ к информации». Именно эти категории чаще всего называются при анализе конституционных прав и свобод в информационной сфере. Представляется, что разграничение указанных категорий позволит более точно определить содержание соответствующих конституционно-правовых основ.

На сегодняшний день отсутствует устоявшееся мнение на счет соотношения указанных категорий, более того, порой высказываются диаметрально противоположные и взаимоисключающие точки зрения. Это можно продемонстрировать на соотношении свободы слова и права на информацию. По

¹⁷⁰ См.: Жиронкина Ю.Е. Соотношение права на информацию и права на охрану личной жизни по Конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Жиронкина Юлия Евгеньевна. – Москва, 2013. – С. 3.

¹⁷¹ Лисицына Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лисицына Елена Сергеевна. – Москва, 2013. – С. 3.

¹⁷² Преснякова А.В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Преснякова Анна Викторовна – Москва, 2010. – С. 3.

¹⁷³ Вахрамеев Р.Г. Право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Вахрамеев Роман Геннадьевич. – Екатеринбург, 2016. – С. 3.

этому поводу в доктрине конституционного права были высказаны две противоположные точки зрения. Первая заключается в том, что свобода слова – более широкая категория и включает в себя право на информацию. Этой точки зрения придерживаются, например, Ю.А. Дмитриев и А.А. Златопольский, которые предлагают «несколько раздвинуть традиционные рамки правового содержания свободы слова и печати за счет правомочия на получение полной и достоверной информации»¹⁷⁴. Вторая точка зрения, наоборот, ставит право на информацию на первое место, включая в него свободу слова. Так Т.Л. Кичигина отмечает, что право на информацию является одним из наиболее важных прав личности, которое представляет собой право свободно выражать свои мнения и убеждения, искать, получать и распространять информацию¹⁷⁵. Есть также мнение, согласно которому право на информацию является более широкой правовой категорией по отношению к конституционному праву человека и гражданина на информацию и к свободе информации, а конституционное право на информацию следует рассматривать как составляющую часть права на информацию, которое включает также свободу информации¹⁷⁶. В данном случае помимо прочего проводится разграничение права на информацию с конституционным правом на информацию. Разнообразие точек зрения по поводу места права на информацию в системе иных информационных прав и свобод человека и гражданина требует от автора выработки собственной позиции в этом вопросе. На наш взгляд, это имеет не только теоретическую, но и практическую ценность, так как позволяет подойти к определению содержания рассматриваемых положений Конституции РФ с точки зрения системного толкования норм права.

Для начала отметим, что отделение права на информацию от конституционного права на информацию представляется весьма спорным. Р.Г. Вахрамеев обосновывает это разграничение источником нормативно-

¹⁷⁴ Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А. Гражданин и власть. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 37.

¹⁷⁵ Кичигина Т.Л. Право на информацию и свобода печати: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кичигина Татьяна Леонидовна. – Москва, 1992. – С. 5.

¹⁷⁶ Вахрамеев Р.Г. Указ. соч. – С. 16–17.

правового закрепления права на информацию. Так, по его мнению, право на информацию как более широкая правовая категория берёт свое начало, прежде всего, в нормах международного права, а конституционное право на информацию находит своё выражение в нормах Конституции РФ и иных формах конституционно-правового регулирования (федеральных конституционных законах, федеральных законах, уставах (конституциях) субъектов Российской Федерации и др.) и выражается в неотъемлемом праве человека и гражданина на свободное производство, распространение, поиск, сбор, получение, использование и хранение информации любыми способами, которые доступны с правовой точки зрения¹⁷⁷. На наш взгляд, право на информацию и конституционное право на информацию не могут быть разграничены таким образом и являются синонимами. Во-первых, закрепление права на информацию на уровне норм международного права и на уровне Конституции РФ ещё не говорит о существовании самостоятельных и отличающихся друг от друга по своему содержанию «права на информацию» и «конституционного права на информацию». В данном случае речь идет об одном и том же праве человека на информацию, что подтверждается полным совпадением объекта этого права (информации), субъекта (человека) и частичным совпадением объема правомочий (искать, получать, распространять информацию). Во-вторых, как будет показано ниже, международно-правовое закрепление права на информацию не говорит о том, что право на информацию является более широкой категорией. Конституция РФ выделяет право на информацию как самостоятельное право (не в составе свободы убеждений или мнений) и закрепляет более широкий состав правомочий (в отличие от основополагающих международных документов помимо правомочий искать, получать и распространять информацию, Конституция РФ предусматривает также и такие правомочия как производство и передача информации). В-третьих, выделение федеральных конституционных законов, федеральных законов, уставов (конституций) субъектов Российской Федерации в качестве форм конституционно-

¹⁷⁷ Там же. – С. 13.

правового регулирования права на информацию не соответствует нашим представлениям относительно пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе и разграничения между конституционно-правовым и информационно-правовым регулированием общественных отношений. С точки зрения выработанной позиции по этим вопросам с Р.Г. Вахрамеевым также можно не согласиться в том, что конституционно-правовые основы права на информацию содержатся помимо Конституции РФ в федеральных нормативно-правовых актах и нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации, которые регулируют общественные отношения в сфере производства, распространения, поиска, сбора, получения, использования и хранения информации. Более детальное регулирование указанных отношений – прерогатива источников информационного, а не конституционного права.

На наш взгляд, конституционное право на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) и свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) являются взаимосвязанными, но всё же самостоятельными конституционно-правовыми категориями. Их взаимосвязь заключается в том, что реализовать свободу мысли и слова невозможно без реализации ряда информационных правомочий, включаемых в право на информацию. Очевидно, что мысли человека, не выраженные во вне не могут являться предметом правового регулирования. Более корректно в данном случае говорить о мнении, высказываемом посредством реализации свободы слова. Под мнением С.А. Авакьян понимает не просто внутреннее суждение личности, а внешнее выражение такого суждения. «Если человек что-то оценил, но держит свой взгляд внутри себя, мы не имеем представления о его суждении. Если человек хочет, чтобы его мнение стало известно окружающим, он вынужден его как-то изложить. Способов может быть множество: как устных, так и письменных, графических, музыкальных, наконец, просто жестикулярных – как известно, на

этот счет в России существует неисчерпаемое богатство» – отмечает учёный¹⁷⁸. Право на информацию включает в себя способы, при помощи которых возможно внешнее выражение мыслей, проявление свободы слова. В их числе такие правомочия как производство, передача и распространение информации.

Наиболее чётко эта взаимосвязь прослеживается в ряде основополагающих международных правовых актах. Так, например, ст. 19 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹⁷⁹. «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору» – предусматривает ст. 19 Международного Пакта от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах»¹⁸⁰. Аналогичным образом рассматриваемую свободу закрепляет Конвенция о защите прав человека и основных свобод: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ»¹⁸¹.

¹⁷⁸ Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – СПС «Консультант Плюс».

¹⁷⁹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. – 1995. – № 67.

¹⁸⁰ Международный Пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

¹⁸¹ Ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04 ноября 1950 года) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

Несмотря на приведенные положения международных правовых актов, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляет право на информацию и соответствующие информационные правомочия не только как гарантию свободы мысли и слова. Право поиска и получения информации являются информационными правомочиями, которые могут быть использованы не только в целях реализации свободы мысли и слова, а также и в иных целях. По этой причине конституционное право на информацию имеет самостоятельное значение и ценность. Можно согласиться с мнением Н.О. Травникова, что свобода слова и право на информацию являются самостоятельными правами и имеют разную векторную направленность. Первое обеспечивает движение информации от субъекта ко всем остальным, второе обеспечивает получение субъектом информации от всех остальных обязанных лиц¹⁸². Таким образом, право на информацию является самостоятельным конституционным правом, а не элементом конституционной свободы мысли и слова.

Конкретное содержание конституционного права на информацию и определение некоторых информационных правомочий приведено в Законе об информации. Указанным федеральным законом предусматриваются такие понятия, как предоставление и распространение информации. Стоит обратить внимание на то, что отраслевой федеральный закон оставляет без определения другие предусмотренные Конституцией РФ информационные правомочия, такие как поиск, получение и производство информации.

Конституционное право на информацию в литературе называют не только правом на информацию, но также и принципом свободы информации¹⁸³. Обращает на себя внимание грамматическая конструкция ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Конституционный законодатель, перечисляя конкретные правомочия, использует наречие «свободно»: каждый имеет право *свободно* искать, получать, передавать,

¹⁸² Травников Н.О. Соотношение права на информацию со смежными конституционными правами // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 61.

¹⁸³ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., 2009. – С. 245.

производить и распространять информацию любым законным способом. Таким образом, исходя из буквального толкования конституционного права на информацию можно прийти к выводу о том, что категория «свобода информации» является идентичной категории «право на информацию». Однако нередко свободе информации придают более широкое значение. Так, например, Н.Ю. Корченкова отмечает, что свобода информации отражает самое широкое проявление информационных прав. Она включает всю систему информационных прав и свобод граждан, в том числе свободу слова и выражения мнений, свободу печати и средств массовой информации, права искать, получать, воспроизводить, хранить, распространять и передавать информацию¹⁸⁴.

Если обратиться к истории, то одно из первых определений свободы информации было дано в Резолюции 59 (I) под названием «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации», принятой на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 году. В этом документе под свободой информации подразумевалось право повсеместно и беспрепятственно собирать, передавать и опубликовывать информационные сведения. Вследствие чего обращалось внимание на то, что свобода информации является основной предпосылкой для всякой серьёзной попытки способствовать достижению мира и мировому прогрессу¹⁸⁵.

Можно согласиться с мнением А.С. Агеева, что свободу информации целесообразно рассматривать как принцип, а не как субъективное право. Он приходит к выводу, согласно которому для обозначения правомочий существует более конкретная терминология, чем «свобода информации» (право свободно искать, получать, производить, передавать информацию). Говорить о

¹⁸⁴ Корченкова Н.Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Корченкова Наталья Юрьевна. – Н. Новгород, 2000. – С. 88.

¹⁸⁵ См.: Резолюция A/RES/59 (I) «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации» (принята 14 декабря 1946 года на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/035/16/IMG/NR003516.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.04.2017).

существовании одного права, включающего все приведенные правомочия также, думается, было бы неверным¹⁸⁶.

Как правовой принцип, а не как нормативно-закреплённое право, свободу информации действительно можно рассматривать как более широкую категорию, включающую в себя не только собственно право на информацию, но также и свободу слова. Такой же логики придерживается и Европейский суд по правам человека в своей практике. Например, Г.М. Велиева отмечает, что «если следовать логике европейских судов, свобода информации охватывает ряд прав, связанных с самореализацией человека: право знать о своем происхождении; право на получение информации по экономическим вопросам; творческую свободу; право на получение информации от государственных органов; право на защиту чести и достоинства; право на получение информации об услугах, товарах; право на доступ к публичной информации»¹⁸⁷.

В отличие от принципа свободы информации, «свобода массовой информации» нашла своё нормативное закрепление в тексте Основного Закона. В данном случае ч. 5 ст. 29 Конституции РФ является элементом системы информационных прав и свобод. Содержание свободы массовой информации определяется определённым набором информационных правомочий, направленных преимущественно на распространение информации. Именно распространение информации в легальном понимании этого термина обеспечивает *массовое* распространение информации, то есть передачу информации неопределённому кругу лиц. Чаще всего массовое распространение информации преследует политические цели, поэтому данное конституционное положение будет подробнее рассмотрено в конституционно-правовых основах политической сферы. Относительно соотношения свободы массовой информации с другими

¹⁸⁶ Агеев А.С. Свобода информации и презумпция открытости информации: их соотношение и воплощение в нормах российского конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 30.

¹⁸⁷ Велиева Г.М. Защита свободы информации в практике Европейского суда по правам человека // Современное право. – 2014. – № 4.

рассматриваемыми категориями, можно сказать, что свобода массовой информации является самостоятельным конституционным положением. Самостоятельность этого положения обусловлена акцентом конституционного законодателя на том, что объектом этой свободы выступает не просто информация, а *массовая* информация.

Свобода информации как принцип охватывает также и такую конституционно-правовую категорию, как «право на доступ к информации». Справедлива точка зрения И.Л. Бачило, что доступ к информации можно рассматривать как элемент «информационной свободы»¹⁸⁸. На наш взгляд, «право на доступ к информации» можно рассматривать как частное проявление права на информацию. Примечательно обратить внимание на то, что Европейский суд по правам человека в решении по делу «Tarsasag A Szabadsagjogokert vs. Hungary» произвёл широкое толкование ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включив доступ к информации о деятельности органов государственной власти в состав права свободно получать информацию. «В контексте проведения исторического исследования Европейский Суд установил, что доступ к исходным документальным источникам в Государственных архивах является существенной составляющей осуществления установленных статьей 10 прав», – отмечается в аналитическом отчёте Отдела по проведению исследований Канцелярии Европейского суда по правам человека¹⁸⁹.

Заслуживает внимания один из выводов З.Р. Гаджиевой, посвятившей своё диссертационное исследование конституционному праву человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, что право на доступ к

¹⁸⁸ Бачило И.Л. и др. Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 50.

¹⁸⁹ Интернет: прецедентная практика Европейского суда по правам человека. Совет Европы. Европейский суд по правам человека, 2011. С. 27 // URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf (дата обращения: 30.04.2017).

информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления имеет сложную комплексную структуру и, не являясь закрепленным непосредственно в Конституции РФ, состоит из конституционных правомочий по поиску и получению информации, обращению в органы государственной власти и органы местного самоуправления. При этом, право на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления является частью более объемного субъективного права – права на информацию¹⁹⁰.

Право на доступ к информации всё же нашло своё частичное и косвенное закрепление в тексте Конституции РФ. Так ч. 2 ст. 24 предусматривает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Естественно, что документы и материалы, непосредственно затрагивающие права и свободы, являются информацией. Указанной обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц корреспондирует право каждого на доступ к информации, которая по своему содержанию затрагивает права и свободы.

На уровне федерального законодательства право на доступ к информации в самом общем виде закреплено в Законе об информации. Ст. 8 по сути определяет внутреннюю структуру права на доступ к информации. Во-первых, это право физических и юридических лиц осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения законодательных требований. Во-вторых, это право физического лица на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, информации, непосредственно затрагивающей его права и

¹⁹⁰ Гаджиева З.Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Гаджиева Зельфира Рамазановна. – Москва, 2013. – С. 7.

свободы. В-третьих, это право организации на получение от государственных органов, органов местного самоуправления информации, непосредственно касающейся прав и обязанностей этой организации, а также информации, необходимой в связи с взаимодействием с указанными органами при осуществлении этой организацией своей уставной деятельности.

Последние два элемента права на доступ к информации нашли своё развитие и определение в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹⁹¹ и Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁹². Указанными федеральными законами предусматриваются понятие информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления¹⁹³ и понятие информации о деятельности судов¹⁹⁴.

¹⁹¹ Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

¹⁹² Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

¹⁹³ Это информация (в том числе документированная), созданная в пределах своих полномочий государственными органами, их территориальными органами, органами местного самоуправления или организациями, подведомственными государственным органам, органам местного самоуправления, либо поступившая в указанные органы и организации. К информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления относятся также законы и иные нормативные правовые акты, а к информации о деятельности органов местного самоуправления – муниципальные правовые акты, устанавливающие структуру, полномочия, порядок формирования и деятельности указанных органов и организаций, иная информация, касающаяся их деятельности. См.: п. 1 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

¹⁹⁴ Это информация, подготовленная в пределах своих полномочий судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества либо поступившая в суды, Судебный департамент, органы Судебного департамента, органы судейского сообщества и относящаяся к деятельности судов. Законодательство Российской Федерации, устанавливающее порядок судопроизводства, полномочия и порядок деятельности судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества, судебные акты по конкретным делам и иные акты, регулирующие вопросы деятельности судов, также относятся к информации о деятельности судов. См.: п. 2 ст. 1 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации

Интересным представляется вопрос о соотношении информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и информации о деятельности судов с информацией (документами и материалами), непосредственно затрагивающей права и свободы человека. С одной стороны, очевидно, что информация о деятельности государственных органов (включая суды) и органов местного самоуправления может содержать (и как правило содержит) документы и материалы, непосредственно затрагивающие права и свободы человека. С другой стороны, можно предположить, что указанные документы и материалы, находящиеся в распоряжении государственных органов и органов местного самоуправления, в определённой ситуации на практике не будут охватываться понятием информации о деятельности государственных органов.

Отсутствие чёткого законодательного регулирования по этому поводу приводит к тому, что нередко государственные органы и органы местного самоуправления подходят к решению вопроса о предоставлении или непредоставлении информации о своей деятельности слишком формально. Как правило такой формальный подход заканчивается отрицательным результатом не в пользу пользователя информацией (физического или юридического лица, осуществляющего поиск информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления). Наиболее показательной в этом отношении является история с обращением в КС РФ сразу нескольких заявителей, которым различные государственные органы отказали в предоставлении информации на том основании, что запрашиваемая ими информация не относится к информации о деятельности государственных органов¹⁹⁵. КС РФ в рассмотренных делах не увидел

о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

¹⁹⁵ Поводом для обращения в КС РФ послужили три эпизода, в которых физическим лицам государственные органы отказали в предоставлении запрашиваемой информации, а суды общей юрисдикции отказали в признании данных отказов незаконными. Первый эпизод был связан с отказом Управления государственного пожарного надзора Главного управления МЧС России по Санкт-Петербургу в предоставлении копии акта проверки соблюдения требований пожарной безопасности. Второй эпизод был связан с отказом Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Санкт-Петербургу в

оснований для оценки оспариваемого понятия информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления на предмет его соответствия Конституции РФ и вынес отказное определение.

В этом отказном определении КС РФ путём системного толкования определил конституционно-правовой смысл понятия «информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: «оспариваемый в жалобе пункт 1 статьи 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в котором дается легальное определение информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, – во взаимосвязи как с иными положениями данного Федерального закона, так и с положениями других федеральных законов – не содержит неопределенности и не препятствует доступу граждан к *любой информации* (курсив мой – Д.А.) о деятельности государственных органов, за исключением информации, отнесенной федеральным законом к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну, а также сведений, которые могут быть отнесены к информации ограниченного доступа в порядке и объеме, установленном федеральным законом, и, соответственно, сам по себе не может рассматриваться как нарушающий конституционные права и свободы заявителей»¹⁹⁶.

предоставлении информации о количестве транспортных средств, находящихся на балансе Управления, о количестве денежных средств, потраченных на ремонтные работы в доме, где размещается Управление и в котором проживает заявитель, на установку ограждений во дворе этого дома, а также о сроках и исполнителях указанных работ. В третьем эпизоде Верховный Суд Российской Федерации отказал в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 23 и 24 Правил ведения Единого государственного реестра юридических лиц и предоставления содержащихся в нём сведений и пунктов 31 и 32 Правил ведения Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей и предоставления содержащихся в нем сведений, предусматривающих взимание платы за предоставление сведений, содержащихся в данных реестрах.

¹⁹⁶ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2011 года № 1624-О-О «По жалобе граждан Андреевой Татьяны Алексеевны, Морозова Филиппа Владиславовича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"». // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

Комментируя приведенное определение, можно согласиться с мнением А.С. Агеева о том, что КС РФ не была снята проблема нечётко сформулированного предела субъективного права на доступ к информации. КС РФ завуалированно допустил, что речь могла идти о нарушениях со стороны судов общей юрисдикции, однако напомнил, что не имеет компетенции проверять законность и обоснованность их решений¹⁹⁷. Стоит отметить, что проблема единообразного понимания права на информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в правоприменительной практике до сих пор не решена. Данная проблема создаёт благоприятную почву для возможных злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Об этом свидетельствует богатая и неоднородная судебная практика, демонстрирующая широкие дискреционные полномочия органов государственной власти и местного самоуправления¹⁹⁸. Помимо обозначенной проблемы при анализе права на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления выделяют также проблему соотношения «общего» права на доступ к информации и специальных норм, связанных с доступом к информации, а также проблему границ при избрании способов осуществления права на доступ к информации¹⁹⁹.

Частным проявлением права на информацию является также ст. 42 Конституции РФ, закрепляющая за каждым право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

¹⁹⁷ Агеев А.С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 36.

¹⁹⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 декабря 2015 года № Ф08-8505/2015 по делу № А32-14510/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25 августа 2014 года по делу № А79-9290/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2013 года № 05АП-5116/2013 по делу № А24-5453/2012 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Определение Нижегородского областного суда от 24 января 2012 года по делу № 33-507 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс» и т.д.

¹⁹⁹ Агеев А.С. Указ. соч. С. 34–37.

Стоит отметить, что до недавнего времени конкретизация права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды на уровне отраслевого законодательства не являлась удачной. В базовом для регулирования экологических отношений Федеральном законе «Об охране окружающей среды»²⁰⁰ понятие информации о состоянии окружающей среды вовсе отсутствовало, а понятие из Федерального закона «О гидрометеорологической службе»²⁰¹ не имеет конкретного наполнения и сводит содержание информации о состоянии окружающей среды лишь к той информации, которая была получена в результате мониторинга. Это означает, что объём информации о состоянии окружающей среды был предопределён объёмом проводимого мониторинга.

Однако в марте 2021 года в законодательство были внесены изменения²⁰², которые устранили имеющиеся неточности и наполнили конституционное право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды содержанием. Согласно ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация) – это «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления об окружающей среде, в том числе о ретроспективном, текущем и прогнозируемом состоянии окружающей среды, ее загрязнении, происходящих в ней процессах и явлениях, а также о воздействии на окружающую среду осуществляемой и планируемой хозяйственной и иной деятельности, о проводимых и планируемых мероприятиях

²⁰⁰ Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

²⁰¹ Во-первых, даётся понятие информации о состоянии окружающей среды, её загрязнении. Под ней понимаются сведения (данные), полученные в результате мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды. Во-вторых, предусматриваются формы предоставления информации: бесплатно или на основании договора. Таким образом, выделяются информация общего назначения, которая доводится до пользователей (потребителей) в виде текстов в письменной форме, таблиц и графиков по сетям электрической и почтовой связи, через средства массовой информации в режиме регулярных сообщений или по запросам пользователей (потребителей), и специализированная информация, которая предоставляется на договорной основе. См.: Федеральный закон от 19 июля 1998 года № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 30. – Ст. 3609.

²⁰² См.: Федеральный закон от 09 марта 2021 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 11. – Ст. 1704.

в области охраны окружающей среды»²⁰³. Также была введена ст. 4.3, согласно которой был определен состав информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и установлено, что в случае если ею обладают государственные органы и органы местного самоуправления, то она предоставляется в форме открытых данных.

В контексте рассмотрения принципа свободы информации вообще и конституционного права на информацию в частности, нельзя обойти стороной принцип достоверности информации²⁰⁴ и любопытную точку зрения Т.В. Пашниной и А.В. Минбалеева, проанализировавших развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации и пришедших к выводу о том, что «при реализации права на информацию в современных условиях речь идет уже не о максимально широком доступе к информации, а о качественном характере доступа к информации, отвечающей определенным критериям (не просто право на информацию, а право на объективную, достоверную, безопасную информацию) с учетом национальных и культурных традиций России, а также защиты от существующих информационных угроз»²⁰⁵. Не умаляя верности сделанных выводов, основанных на системном анализе взаимосвязанных положений документов стратегического планирования, необходимо иметь ввиду потенциальные сложности и проблемы, связанные с реализацией возможного законодательного регулирования права на объективную, достоверную, безопасную информацию, введенного вместо существующего максимально широкого доступа к информации.

²⁰³ См.: ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

²⁰⁴ Принцип достоверности информации получил прямое закрепление в законодательстве Российской Федерации. Так, ст. 3 Закона об информации к принципам правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации относит достоверность информации и своевременность ее предоставления.

²⁰⁵ Пашнина Т.В., Минбалеев А.В. Развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – СПС «Консультант Плюс».

Принцип достоверности информации работает там и тогда, где и когда возможна верификация информации²⁰⁶. Можно согласиться с тем, что достоверная информация представляет собой набор объективных, точных и правдивых сведений, относящихся к какому-либо факту, имевшему место в действительности, исключая сомнения в их истинности²⁰⁷. Достаточно большой объем информации, к которому на сегодняшний день имеется доступ благодаря праву свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, не может быть проверен на предмет соответствия фактическим обстоятельствам. Подтверждением этому может служить большое количество не доказанных, но и не опровергнутых на данный момент научных гипотез (о существовании или об отсутствии внеземной жизни, природе темной материи во вселенной, причинах возникновения жизни на земле, причинах появления таких социальных явлений как государство и право и т.д.). В случае законодательного закрепления права исключительно на достоверную информацию, весь объем информации, достоверность которой не может быть доказана в настоящий момент времени, окажется в своеобразной зоне риска – отсутствие права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение данной информации означает отсутствие обязанности государства обеспечить гарантии реализации данного права. Очевидно, что развитие науки и общества знаний в целом невозможны без производства и распространения *недостоверной* информации. Порой именно недостоверная информация выступает катализатором научных открытий. Достаточно вспомнить об эволюции взглядов на движение небесных тел, где не в полной мере достоверная гелиоцентрическая система Коперника (не верным было предположение о сферической форме орбит) пришла на смену недостоверной Птолемеевой системе мира. Справедливо утверждение С.В. Симоновой, что запрет под угрозой

²⁰⁶ Подробнее о содержании принципа достоверности информации см.: Абдрахманов Д.В. Общество знаний в Российской Федерации: информационно-правовой аспект // Информационное право. – 2019. № 3(61). – С. 9–12.

²⁰⁷ Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – СПС «Консультант Плюс».

наказания распространять недостоверные сведения может обернуться потерей из поля зрения государства фактов реального нарушения прав, что не отвечает не только общественным, но и государственным интересам²⁰⁸.

Цели и мотивы сужения содержания права на информацию до достоверной информации понятны. Действительно, в современных условиях информационного общества можно наблюдать, что «смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации»²⁰⁹. Однако установление права на исключительно достоверную информацию следует признать ограничением конституционного права на свободу информации, которое, как известно, должно соответствовать не только целям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, но и отвечать иным условиям принципа пропорциональности ограничения конституционных прав и свобод. На наш взгляд, признание права лишь на достоверную информацию не проходит тест на пропорциональность по следующим причинам. Во-первых, представляется, что само по себе сужение содержания права до достоверной информации не способно «очистить» информационное пространство от недостоверной информации. В данном случае возможность работы с недостоверной информацией не будет гарантирована государством, что не исключает самой возможности ее получения и последующей обработки. Следовательно, цели информационной безопасности не будут достигнуты без введения дополнительных ограничений. Во-вторых, ограничение права на свободу информации посредством признания права лишь на достоверную информацию может привести к излишним обременениям человека. Работа с

²⁰⁸ Симонова С.В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11. – СПС «Консультант Плюс».

²⁰⁹ Пункт 16 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

информацией, достоверность которой не может быть установлена в определенный момент времени, может представлять определенную ценность.

С учетом того, что краеугольным камнем и отличительной особенностью общества знаний является именно получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации, являющиеся фактором развития гражданина, общества и государства, с одной стороны, и недопустимостью сужения права на информации исключительно до достоверной – с другой, необходим поиск вариантов развития права на информацию в целях создания условий для формирования общества знаний и решения существующих проблем информационного общества, включая проблемы информационной безопасности. На определенные мысли в поисках варианта решения наводит мнение Е.В. Устюжаниной о том, что реализация принципа достоверности информации станет «руководящим началом для укрепления правопорядка в информационной сфере и правовым средством, препятствующим распространению, получению и использованию недостоверной информации»²¹⁰. Во-первых, необходимо расширять применение принципа достоверности информации при регулировании различных общественных отношений при условии возможности верификации проверяемой на достоверность информации. Во-вторых, возможно установление запрета на распространение недостоверной информации (информации, которая не соответствует фактическим обстоятельствам) с выделением четких критериев отнесения информации к недостоверной. При этом, указанный запрет целесообразен исключительно в отношении информации, которая представляет потенциальную опасность для развития общества знаний, национальных и культурных традиций России. Принципиальное отличие установления запрета на распространение недостоверной информации от признания права на исключительно достоверную информацию заключается в том, что в данном случае

²¹⁰ Устюжанина Е.В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 4. – СПС «Консультант Плюс».

большой объем информации, достоверность которой возможно и не доказана, но и не опровергнута, остается в рамках правового поля. На наш взгляд, предложенный подход к развитию права на информацию за счет расширения принципа достоверности информации также будет способствовать созданию условий для взаимного доверия государства и общества, что является одной из фундаментальных ценностей, обозначенных в ст. 75¹ Конституции РФ.

Проявление принципа свободы информации в перечисленных выше информационных правах и свободах человека и гражданина не может быть безграничным. «Важное значение имеет принцип ограничения конституционных прав и свобод пределами свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), иначе это может повлечь за собой правовое неравенство людей, ничем не ограниченный произвол при их осуществлении или злоупотребление ими», – справедливо отмечает В.А. Лебедев²¹¹. По принципу известного правовой науке выражения о том, что права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого, Конституция РФ предусматривает права, ограничивающие информационную свободу других лиц. В данном случае речь идёт о нескольких положениях Конституции РФ. Во-первых, это части 1, 2 ст. 23, которые предоставляют право каждому на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение последнего права допускается только на основании судебного решения. Во-вторых, это часть 1 ст. 24, которая запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Стоит сказать о том, что в эпоху развития информационного общества содержание и проблемы реализации обозначенных положений Конституции РФ представляют особый интерес, так как в результате развития информационных технологий происходят качественные и количественные изменения в

²¹¹ Лебедев В.А. Концепция прав и свобод человека и гражданина как элемент отечественного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 3–8.

соответствующих общественных отношениях. Это связано в первую очередь с тем, что информационные отношения по уровню своего развития выходят на качественно новый уровень. Развитие информационно-телекоммуникационной сети Интернет привело к тому, что большинство информационных отношений происходит именно в этой сети, в результате чего эти отношения фактически перестают иметь временные и пространственные границы, чем обусловлены определённые трудности в их отраслевом правовом регулировании. Нарушение рассматриваемых конституционных прав происходит всё чаще и чаще именно в сети Интернет²¹².

Начнём с анализа содержания и некоторых проблем реализации ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, которая предусматривает право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Рассматриваемое конституционное право можно поделить на несколько составляющих прав: право на неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, право на защиту своей чести и доброго имени.

Ключевым в определении содержания права на неприкосновенность частной жизни является смысл, который вложил конституционный законодатель в понятия неприкосновенность и частная жизнь. Первое подразумевает под собой своего рода суверенитет личности, означающий неприкосновенность её «среды

²¹² Это подтверждается анализом судебной практики по делам, связанным с требованиями о защите частной жизни, личной и семейной тайны. Нарушение неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны в последнее время происходят именно с использованием сети Интернет. См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 14 октября 2016 года по делу № 33-39736/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2016 года по делу № 33-11169/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 02 сентября 2016 года по делу № 33-34172/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 августа 2015 года по делу № 33-27429/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 14 ноября 2014 года по делу № 33-43870 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс» и др.

обитания»²¹³. Понятие частная жизнь, в свою очередь, охватывает круг неформального общения, вынужденные связи (с адвокатами, врачами, нотариусами и т.д.), собственно внутренний мир человека (личные переживания, убеждения, быт, досуг, хобби, привычки, домашний уклад, симпатии), семейные связи, религиозные убеждения и т.д.²¹⁴.

На уровне норм международного права неприкосновенность частной жизни нашла своё закрепление в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которой, по сути, раскрывается содержание этого права. Ч. 2 ст. 8 предусматривает, что не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц. При этом, как обращал внимание Европейский суд по правам человека, «основная цель статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей»²¹⁵.

На содержание конституционного права на неприкосновенность частной жизни неоднократно обращал внимание КС РФ в своих решениях. Он приходил к выводу о том, что неприкосновенность частной жизни распространяется на ту сферу жизни, которая относится к отдельному лицу, касается только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит контролю со

²¹³ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 228.

²¹⁴ Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – С. 63.

²¹⁵ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 мая 1985 года (жалобы №№ 9214/80, 9473/81, 9474/81) по делу «Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» // URL: <https://base.garant.ru/167312/> (дата обращения 25.02.2022).

стороны общества и государства²¹⁶. Право на неприкосновенность частной жизни предполагает не только недопустимость произвольного вмешательства в частную жизнь со стороны общества и государства, но и со стороны частных лиц. Так, в июле 2013 года в Гражданский кодекс Российской Федерации²¹⁷ (далее – ГК РФ) была введена специальная статья, направленная на охрану частной жизни гражданина²¹⁸. В соответствии с п. 1 ст. 152² ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности, сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

Не сложно обратить внимание на то, что федеральный законодатель в данном случае включил в частную жизнь также личную и семейную жизнь. На наш взгляд, такой подход вполне оправдан. Право на личную и семейную тайну можно рассматривать как частное проявление права на неприкосновенность частной жизни. Именно законодательные механизмы обеспечения личной и семейной тайны направлены на обеспечение неприкосновенности частной жизни в целом. При этом гарантией данного конституционного права выступает положение ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, которая запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Примечательно, что КС РФ при рассмотрении вопросов, связанных с оспариванием

²¹⁶ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2006 года № 63-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 89, 121, 123, 125 и 131 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июня 2005 года № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

²¹⁸ См.: Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

конституционности положений законодательства, допускающих получение информации, составляющей ту или иную тайну, в качестве конституционных основ той или иной личной тайны видит именно взаимосвязанные положения первых частей ст. 23 и 24 Конституции РФ²¹⁹.

Конституция РФ отдельно упоминает о нескольких видах тайн. Во-первых, это государственная тайна, перечень сведений которой определяется федеральным законом²²⁰. Этот вид тайны не относится к обеспечению неприкосновенности частной жизни, так как её носителем выступает не частное лицо, а государство. Во-вторых, это тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированная ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Ограничение этой тайны допускается только на основании судебного решения. Этот вид тайны можно назвать тайной коммуникации, включающей в себя тайну связи и тайну, которая распространяется на иные сообщения (полученные за рамками пользования услугами связи). Содержание данного конституционного права представляется достаточно широким, что должно обеспечивать его работоспособность в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. Можно выделить несколько аспектов, определяющих широту рассматриваемого конституционного права. Во-первых, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений относится не только непосредственно к самой информации, которая передаётся посредством различных средств связи, а также и вспомогательная информация, например, информация, относящаяся к факту

²¹⁹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 года № 10-О «По жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк "Эра"» на нарушение конституционных прав и свобод частями второй и четвертой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Акционерный коммерческий банк "Энергобанк"» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 3 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации», пунктом 2 статьи 86 и пунктом 1 статьи 135.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²⁰ См.: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 41. – Стр. 8220-8235.

передачи такой информации и к окончательному оборудованию (время, место, IP-адрес и т.д.). Данный вывод можно сделать исходя из конституционно-правового смысла этой тайны. Анализируя содержание тайны телефонных переговоров, КС РФ в одном из своих определений пришёл к следующему выводу: «Право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения. Иное означало бы несоблюдение требования статьи 23 (часть 2) Конституции РФ о возможности ограничения права на тайну телефонных переговоров только на основании судебного решения»²²¹. Однако, данная позиция КС РФ не повлияла на позицию правоохранительных органов: в правоприменительной практике встречаются случаи запросов информации, составляющей тайну связи без судебного решения. Более того, такой подход иногда находит поддержку в судах по причине не отнесения вспомогательной информации к сведениям, составляющим тайну связи²²². Однако чаще всего суды всё же стоят на страже тайны связи²²³. Во-вторых, формулировка рассматриваемого

²²¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02 октября 2003 года № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года "О связи"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²² См., например, Постановление Курганского областного суда от 18 сентября 2015 года № 4А-254/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²³ См., например, Определение Калужского областного суда от 25 ноября 2013 года по делу № 33-3099/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное

конституционного права распространяет тайну также и на «иные сообщения». Это позволяет сделать вывод о том, что тайной охватывается не только коммуникация посредством традиционных средств связи (телефонная, почтовая, телеграфная связь), но и коммуникация посредством новых способов, обусловленных развитием современных информационно-коммуникационных технологий (электронная почта, мессенджеры и т.д.). В этой связи мы не согласны с предложением М.А. Федотова о том, что ч. 2 ст. 23 Конституции РФ необходимо скорректировать, распространив тайну переписки на информационно-телекоммуникационные сети. Он считает, что это необходимо для того, чтобы отношениям общения по электронной почте была гарантирована такая же защита конфиденциальности, как и в отношении традиционных средств связи. На наш взгляд, право на тайну переписки распространяется на электронную почту уже сейчас, так как это право распространяется также и на «иные сообщения». Представляется, что в иные сообщения попадают сообщения, совершённые при помощи информационно-телекоммуникационных сетей. Этот вывод подтверждается и судебной практикой. Например, Московский городской суд, апеллируя к тайне переписки, удовлетворил иски о нарушении тайны переписки по электронной почте: «Поскольку право Б. на тайну переписки, закрепленное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, по средствам электронной почты продукта Google нарушено действиями ООО «Гугл», то судебная коллегия находит заявленные иски о нарушении тайны переписки Б. в части обязанности ответчика ООО «Гугл» прекратить данное нарушение в отношении истца обоснованным и подлежащим удовлетворению»²²⁴. Аналогичная такому толкованию ч. 2 ст. 23 Конституции РФ практика встречается и в других судебных решениях²²⁵. На наш взгляд, тайна коммуникации распространяется и на

определение Иркутского областного суда от 06 августа 2015 года № 33-6970/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²⁴ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2015 года по делу № 33-30344/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²⁵ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 мая 2014 года № 09АП-8322/2014 по делу № А40-153867/13 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2013 года № 09АП-

мессенджеры (Viber, WhatsApp, Telegram и др.), так как сообщения, отправленные через указанные сервисы, в терминологии Конституции РФ являются *иными сообщениями*. Неслучайно, что в Законе об информации так называемые мессенджеры получили официальное название – организатор сервиса обмена мгновенными *сообщениями*, которым в числе прочего была вменена обязанность обеспечивать конфиденциальность передаваемых электронных сообщений²²⁶.

В развитие права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также конституционного запрета сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия действуют положения Федерального закона «О персональных данных»²²⁷. Именно в силу широкого понимания конституционной категории частной жизни лица в указанном федеральном законе содержится максимально широкое понятие персональных данных. Под персональными данными в соответствии с указанным федеральным законом понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Любое более узкое определение понятия персональных данных или прямое перечисление видов персональных данных привело бы к нарушению конституционных прав на неприкосновенность частной жизни и личную тайну, и федеральный законодатель не смог бы гарантировать их реализацию²²⁸. В этой связи противоречащими Конституции РФ можно считать предложения, предполагающие сужение категории персональных данных до данных, позволяющих провести идентификацию личности. Мы не согласны с

29641/2013 по делу № А40-56844/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²²⁶ См. ч. 4² ст. 10¹ Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

²²⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

²²⁸ См.: Абдрахманов Д.В. Понятие персональных данных как фактор, влияющий на защиту конституционных прав человека и гражданина. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2013.

предложением Л.Г. Лапо о том, что необходимо законодательно закрепить определение персональных данных как информации, характеризующей индивида в степени, достаточной для его идентификации в публичных и частноправовых отношениях, доступ и разглашение которой другими субъектами правомерен только по его письменному согласию либо в силу закона²²⁹. По этой причине также противоречащим Конституции РФ и Федеральному закону «О персональных данных» представляется п. 1 Перечня сведений конфиденциального характера, утверждённого Указом Президента РФ²³⁰, согласно которому к сведениям конфиденциального характера относятся «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, *позволяющие идентифицировать его личность* (курсив мой – Д.А.) (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях».

Справедливости ради, стоит сказать о том, что существующее понятие персональных данных не является идеальным, и предложения по его реформе возникают не на пустом месте. Проблема заключается в том, что существующее понятие персональных данных не в полной мере соответствует принципу правовой определённости, что на практике приводит как к широкому, так и к узкому толкованию понятия персональных данных. Достаточно интересными и не бесосновательными являются следующие соображения В.Б. Наумова и В.В. Архипова по поводу понятия персональных данных: «Проблема заключается в том, что косвенно к определенному физическому лицу при таком подходе может относиться абсолютно любая информация. В самом абсурдном варианте допустимо к персональным данным причислить, например, уровень солнечной активности, поскольку она влияет на здоровье человека, т.е. на здоровье определенных или

²²⁹ Лапо Л.Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лапо Лариса Геннадьевна. – Москва, 2013. – С. 8.

²³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 года № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.

определяемых физических лиц! В ст. 3 Закона ведь не сказано, что определенными или определяемыми они должны быть именно на основании такой информации, да и информация может иметь весьма косвенное отношение к физическому лицу, так как действующая норма не делает здесь никаких оговорок. Что тогда говорить о тех случаях, которые сложно назвать абсурдными и которые непосредственно связаны с современным этапом развития информационного общества и информационно-телекоммуникационных технологий?»²³¹. На то, что понятие персональных данных допускает широкое толкование указывает и Э.В. Талапина²³². Эта проблема становится действительно актуальной в эпоху информационного общества, когда появляются новые виды информации (информация об электронной почте, IP-адреса и т.д.). Чрезмерно широкое толкование понятия персональных данных на практике приводит к нарушению права на свободное распространение информации операторами персональных данных, а, соответственно, чрезмерно узкое – к нарушению конституционных прав субъектов персональных данных. Особенно данная проблема актуальна в связи с задачей выработки подхода к правовому регулированию оборота больших данных²³³.

Понятие персональных данных и его понимание на практике должны быть основаны на оптимальном балансе между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни и конституционным запретом сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия, с одной стороны, и конституционным правом свободно распространять информацию, с другой стороны. Иными словами, понятие персональных данных и практика его применения должны отвечать целям правового регулирования

²³¹ Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 189.

²³² Талапина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – СПС «Консультант Плюс».

²³³ Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. – 2018. – № 5. – СПС «Консультант Плюс».

персональных данных, которое в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О персональных данных» заключается в обеспечении защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Естественно, что распространение так называемой обезличенной информации, то есть информации полученной в результате обезличивания персональных данных²³⁴, не может привести к нарушению прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, так как эту информацию будет невозможно связать с носителем этих конституционных прав.

Исходя из вышеизложенного, под персональными данными следует понимать не только информацию, которая позволяет идентифицировать субъекта персональных данных (идентификационные данные), но и любую иную информацию о субъекте персональных данных при условии, что в её составе есть идентификационные данные. Если же идентификационные данные эта информация не содержит, то данная информация не является персональными данными, а является обезличенной информацией. В этой связи реформа понятия персональных данных может заключаться в уточнении понятия персональных данных посредством введения уточняющего критерия отнесения той или иной информации к персональным данным. Этим критерием как раз и являются идентификационные данные. При этом под идентификационными данными следует понимать совокупность сведений, позволяющих установить личность физического лица (субъекта персональных данных), в том числе идентификаторы в информационных системах. Данный подход соответствует пониманию персональных данных в праве Европейского Союза. В Директиве № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных»²³⁵ персональные данные

²³⁴ В соответствии с п. 9 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» под обезличиванием персональных данных понимаются действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных.

²³⁵ Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных»

понимаются как любая информация, относящаяся к определённому или определяемому физическому лицу («субъекту данных»). При этом определяемым является лицо, которое может быть определено, прямо или косвенно, в частности, через идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности. Последнее уточнение как раз и касается категории идентификационных данных. Наиболее чётко обозначенный смысл понятия персональных данных по Директиве № 95/46/ЕС нашёл своё отражение в английском законодательстве, а именно в Акте о защите данных 1998 года. Согласно этому акту под персональными данными понимается «любая информация, которая относится к живому физическому лицу, которое может быть идентифицировано: (а) на основании такой информации и (b) на основании такой информации, а также другой информации, находящейся в распоряжении или способной оказаться в распоряжении оператора»²³⁶.

Таким образом, в целях обеспечения баланса между конституционным правом на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну и правом на свободное распространение информации мы предлагаем уточнить понятие персональных данных, связав объем информации, образующей персональные данные, с идентификационными данными. При этом, необходимо дать понятие идентификационным данным. Предлагаемые изменения, во-первых, не приведут к сведению персональных данных исключительно к информации, позволяющей провести идентификацию физического лица, а во-вторых, позволят избежать чрезмерно широкого понимания персональных данных на практике и отнесение к ним обезличенной информации.

Особое место в системе информационного законодательства, направленного на создание механизмов, гарантирующих право на неприкосновенность частной

(принята в г. Люксембурге 24 октября 1995 года) // Текст перевода официально опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²³⁶ Data Protection Act 1998. Section 1 (1) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/29/section/1> (дата обращения: 28.08.2017).

жизни, личную и семейную тайну, а также направленного на реализацию конституционного запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, занимает, так называемое, «право на забвение» или «право быть забытым». Это право появилось в российском информационном законодательстве сравнительно недавно – с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»²³⁷. Указанным федеральным законом в Закон об информации была введена ст. 10³, в соответствии с которой оператор поисковой системы по требованию гражданина обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Этим положением определяется содержание «права быть забытым». Стоит сказать о том, что в целом содержание этого права и его закрепление в российском законодательстве соответствует концепции «права быть забытым», которая получила оформление в Европе благодаря решению Суда Европейского союза в деле компании «Гугл Спейн сл» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костеха Гонсалеса» (Google Spain SL and Google

²³⁷ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4390.

Inc. v. Agencia de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzales), C-131/12CJEU (Большая Палата) от 13 мая 2014 года²³⁸.

«Право быть забытым» в системе информационных прав человека и гражданина призвано ограничивать право на свободное распространение информации. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона, которым введено данное право в российское законодательство, закон «разработан в целях создания механизма, ограничивающего распространение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ссылок на информацию о гражданине, которая является недостоверной, неактуальной или распространяемой с нарушением законодательства. Распространяемая в сети «Интернет» информация о гражданах не всегда отвечает принципам актуальности, достоверности и может распространяться с нарушением законодательства, в связи с чем законопроектом предлагается предоставить гражданам право требовать от оператора поисковой системы в сети «Интернет» прекратить выдачу ссылок, позволяющих получить доступ к информации о данном гражданине»²³⁹.

Исходя из содержания «права быть забытым», можно отметить важную особенность, подчёркивающую расширение конституционного права на неприкосновенность частной жизни и конституционного запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Допустим, что распространение достоверной информации, не порочащей честь и достоинство человека, было осуществлено по его согласию и с соблюдением требований Федерального закона «О персональных данных». В отсутствие «права быть забытым» человеку было бы проблематично добиться пресечения распространения указанной информации в сети Интернет, так как в

²³⁸ Разбор данного решения Суда Европейского союза приводится в статье А.В. Кротова. См.: Кротов А.В. Право на забвение в России // Адвокат. – 2015. – № 11. – С. 26–32.

²³⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (законопроект № № 804132-6) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/804132-6> (дата обращения: 25.02.2022).

распространении этой информации отсутствуют какие-либо нарушения конституционных прав и законодательства о персональных данных. «Право быть забытым» предоставляет возможность пресечения распространения информации не только в связи с её недостоверностью или её порочащим честь и достоинство содержанием, а также в связи с её неактуальностью, в связи с утратой значения этой информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Анализируя механизм реализации «права быть забытым», нельзя не отметить большое дискреционное усмотрение, которое законодатель предоставляет операторам поисковых систем. В соответствии с ч. 5 ст. 10³ Закона об информации оператор поисковой системы может отправить заявителю мотивированный отказ в прекращении выдачи ссылок на информацию. При этом в законодательстве отсутствует перечень оснований, по которым оператор поисковой системы может дать такой отказ. На практике это приводит к тому, что оператор поисковой системы может отказать в прекращении выдачи ссылок на информацию практически по любому основанию, посчитав, например, заявленные основания для прекращения выдачи ссылок поисковой системой недостаточно весомыми и убедительными. В этом случае заявитель будет вынужден обратиться в суд. Однако и в суде добиться прекращения выдачи ссылок на информацию будет не так-то просто. И в этом случае решение будет также зависеть от большого усмотрения, только на этот раз от усмотрения конкретного судьи. Например, как доказать то, что конкретная информация является для заявителя неактуальной и утратившей своё значение? Федеральное законодательство не даёт ответ на этот вопрос. При этом бремя доказывания факта неактуальности информации лежит на заявителе, и если эта неактуальность по мнению суда не будет доказана, заявителю откажут в удовлетворении искового заявления²⁴⁰. Это первая проблема в механизме реализации «права быть забытым», которая напрямую связана с отступлением от принципа правовой определенности.

²⁴⁰ См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2016 года по делу № 33-31796/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

Вторая проблема связана с тем, что некоторые элементы содержания «права быть забытым» делают это право абсолютным, в то время как, на наш взгляд, это право должно носить относительный характер и не должно нарушать другие конституционные права, в частности право на свободный поиск и получение информации. Речь в данном случае идет о том, что заявитель может требовать прекращения выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, по причине того, что данная информация является неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. В связи с отсутствием законодательных критериев отнесения той или иной информации к «неактуальной» или к «утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя», в основе признания конкретной информации таковой должно лежать исключительно субъективное усмотрение заявителя. При этом у суда отсутствуют какие-либо основания для отказа в удовлетворении заявления о прекращении выдачи ссылок на «неактуальную информацию». Исключение составляет лишь информация о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информация о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Удаление любой на субъективный взгляд заявителя «неактуальной» информации может привести к злоупотреблению «правом быть забытым» и, соответственно, к нарушению прав других лиц на свободный поиск и получение информации.

Примером такого злоупотребления может послужить следующая ситуация. На запрос в поисковой системе Google с указанием фамилии, имени и отчества автора настоящего диссертационного исследования в числе прочего индексируется ссылка на сайт научной электронной библиотеки «Elibrary.ru», содержащий информацию о статье автора на тему: «Графа «против всех» в контексте политической конкуренции», написанной в 2014 году²⁴¹. Представим, что мной

²⁴¹ Оспанов Т.А., Абдрахманов Д.В. Графа «Против всех» в контексте политической конкуренции // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – СПС «Консультант Плюс».

было бы подано заявление к оператору поисковой системы Google с требованием прекратить выдачу указанной ссылки. В качестве оснований этого требования я бы сослался на неактуальность этой статьи и на то, что она утратила для меня значение, так как в настоящее время я больше не занимаюсь проблемами избирательного права. При этом, согласно действующему законодательству приведённых оснований было бы достаточно для удовлетворения заявленных требований. В результате прекращения выдачи этой и аналогичных ссылок другие лица, интересующиеся вопросами избирательного права, лишились бы возможности свободно получить доступ к информации об этой статье. В данном случае, их конституционное право свободно искать и получать информацию было бы ограничено. Такая и подобная реализация «права быть забытым» привела бы к несоразмерному ограничению принципа информационной свободы и не соответствовала бы требованию ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, запрещающей толковать права и свободы как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Понимание «права быть забытым» как права, направленного на защиту частной жизни и как относительного, а не как абсолютного права соответствует толкованию этого права в решении Суда Европейского союза, который вывел это право на основании Директивы № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных», а также ст. 8 Хартии Европейского Союза об основных правах²⁴². Можно согласиться с мнением А.В. Кротова о том, что толкование права на забвение не должно приводить к абсолютизированию права на частную жизнь, нивелированию информационной свободы как основного принципа создания и деятельности сети Интернет. «Право быть забытым» не может являться бланкетной мерой, которая в итоге влечет за

²⁴² Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01), принята в г. Страсбурге 12 декабря 2007 года // Текст перевода официально опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

собой неоправданное и нецелесообразное изменение самого статуса сети Интернет как площадки свободного обмена информацией без границ²⁴³.

«Право быть забытым» рассматривается как относительное право и КС РФ: «Особый характер прав личности, гарантированных статьями 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, распространяющийся в том числе и на производные от них права (право на защиту персональных данных, «право на забвение» в сети «Интернет»), хотя, как правило, и предполагает признание их приоритета по отношению к коррелирующим им правам, вместе с тем не исключает, что в некоторых случаях при определенных обстоятельствах, особенно если речь идет об информации, которая не относится к сфере частной жизни лица в ее узком понимании, данные права могут быть ограничены путем обеспечения доступа общественности к соответствующей информации в целях защиты конституционно охраняемых ценностей, имеющих в конкретной ситуации превалирующее значение»²⁴⁴.

В связи с вышеизложенным, в целях обеспечения баланса между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и правом свободно искать и получать информацию, мы предлагаем внести изменения в информационное законодательство, расширив перечень исключений из «права быть забытым», установив критерий нарушения прав и законных интересов заявителя.

Что касается права на защиту своей чести и доброго имени, то, как показывает практика, в последнее время участились случаи его нарушения именно в сети Интернет²⁴⁵. Это можно объяснить тем, что сеть Интернет в современном

²⁴³ Кротов А.В. Указ. соч. – С. 29.

²⁴⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁵ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 11 апреля 2016 года по делу № 33-6482/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»;

мире является наиболее доступным средством для размещения того или иного контента. Более того, Интернет-аудитория по своему численному составу превосходит аудиторию печатных изданий, в связи с чем многие издания создают свои собственные сетевые ресурсы. Рассматривая дела о защите чести и достоинства, суды ищут баланс между этим конституционным правом и правами, образующими принцип свободы информации. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» судам разъяснено, что, «принимая во внимание эти конституционные положения, суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой»²⁴⁶.

Реализация права на защиту чести и доброго имени, нарушенного при помощи сети Интернет, не является тривиальной задачей. Так, выделяют несколько проблем, встречающихся в судебной практике. Во-первых, достаточно сложно определить круг лиц, привлекаемых к юридической ответственности и обязанных

Апелляционное определение Мурманского областного суда от 25 мая 2016 года по делу № 33-1592/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2016 года по делу № 33-11169/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 29 мая 2015 года № 44-г-39 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс» и др.

²⁴⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

компенсировать материальный ущерб и моральный вред пострадавшему. Во-вторых, достаточно проблематично зафиксировать доказательства распространения информации в сети Интернет. Процесс распространения информации в Интернете в этом случае можно описать как процесс, в котором помимо самого автора участвуют два субъекта (лица): владелец сайта (сетевое информационное ресурса) и провайдер хостинга. По этой причине, потенциальными ответчиками могут являться как хост-провайдеры (разместившие информационный ресурс на своем сервере), так и собственники ресурсов (владельцы информации)²⁴⁷.

До недавнего времени вопрос об удалении информации из сети Интернет, не соответствующей действительности и порочащей честь и достоинство лица, вообще не был прямо урегулирован законодательством. Лишь с принятием Федерального закона «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁴⁸ в ст. 152 ГК РФ появилось прямое указание на то, что если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет. На обоснованность и необходимость этого изменения обращал внимание КС РФ: «В случае, если порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети «Интернет», признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и

²⁴⁷ Подробнее см. Рассолов И.М. Защита частной жизни в сетях международного информационного обмена // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 48–53.

²⁴⁸ Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, притом что способы защиты, предполагающие, например, сохранение на сайте указанной информации и одновременно – размещение опровергающего ее судебного решения, существенно снижают ее эффективность, тем более когда суд констатирует, что установить распространителя порочащих сведений не представляется возможным»²⁴⁹. Таким образом, содержание конституционного права на защиту чести и доброго имени в эпоху информационного общества получило определённое расширение: несмотря на определённые проблемы преимущественно технического характера оно применимо к условиям современного информационного общества, в которых распространение информации осуществляется не только при помощи средств массовой информации, но и при помощи сети Интернет и лиц, размещающих в ней информацию и не являющихся СМИ.

Важным аспектом при анализе содержания и проблем реализации конституционных прав и свобод в информационной сфере является проблема ограничения этих прав. В данном случае речь идет не об ограничении свободы информации иными правами в информационной сфере (правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.д.), а об общих основаниях для ограничения всех информационных прав, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.д. То есть об ограничении информационных прав и свобод на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Перед тем, как перейти непосредственно к анализу проблем,

²⁴⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 29. – Ст. 4019.

связанных с ограничением информационных прав и свобод на этих основаниях, следует выделить условия возможности ограничения прав и свобод на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Наиболее полно данные условия сформулировал КС РФ в своей практике²⁵⁰. Можно тезисно обозначить условия, которым должны соответствовать положения федеральных законов, которые ограничивают права и свободы человека и гражданина:

- Ограничения должны осуществляться в строго определённых в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целях, таких как защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (далее – конституционно значимые ценности);
- Ограничения должны быть необходимыми, соразмерными, пропорциональными конституционно значимым ценностям, они не должны носить чрезмерный характер, а также должны отвечать требованиям справедливости и адекватности;
- Ограничения не должны посягать на само существо того или иного права и не должны приводить к утрате его реального содержания;
- Правовые нормы, которыми вводятся ограничения не должны иметь обратной силы, а также должны быть формально определенными, точными, четкими и ясными, не допускающими расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

В законодательстве существует большое количество положений, которыми ограничиваются различные информационные права и свободы человека и

²⁵⁰ См., например, Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358; от 13 июля 2010 года № 15-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 29. – Ст. 3983; от 22 июня 2010 года № 14-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3552; от 03 февраля 2010 года № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 7. – Ст. 774; от 24 июня 2009 года № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 28. – Ст. 3581; от 23 февраля 1999 года № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 10. – Ст. 1254.

гражданина. В зависимости от того, на какие именно информационные права и свободы человека и гражданина направлены ограничения их можно классифицировать на две большие группы. К первой группе следует отнести те положения законодательства, которые ограничивают свободное распространение информации и, следовательно, ограничивают реализацию права свободно распространять информацию. К этой группе можно отнести такие информационные права, как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. К этой группе также относятся ограничения в распространении информации ограниченного доступа. Ко второй группе следует отнести ограничения конституционных прав, направленных на ограничение свободы информации. То есть ограничения права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Первую группу ограничений, направленных на ограничение конституционного права свободно распространять информацию, можно разбить на две подгруппы. Первая подгруппа включает в себя ограничения свободно распространять информацию ограниченного доступа. Вторая включает в себя запреты на распространение так называемой «вредной информации». В рамках первой подгруппы ограничений в законодательстве выделяются порядка 50 видов тайн (банковская, врачебная, аудиторская, налоговая и т.п.)²⁵¹. В рамках второй подгруппы можно выделить различные виды «вредной информации», распространение которой ограничивается законодательством (информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду и насилие; информация, распространение которой противоречит нормам общественной нравственности; информация, пропагандирующая войну,

²⁵¹ См.: Титов А.С. Проверочные мероприятия в отношении аудиторских организаций и аудиторская тайна // Банковское право. – 2005. – № 4. – СПС «Консультант Плюс».

призывающая к насильственному захвату власти и т.д.). Наиболее системно к классификации «вредной информации» подошла С.А. Куликова²⁵². Правовое регулирование данной информации предопределяет пределы конституционного права на свободное распространение информации и ограничивает это право.

Вторую группу ограничений, то есть ограничений конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений образуют положения законодательства, допускающие определённые изъятия из неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Положения законодательства, которые ограничивают те или иные информационные права и свободы человека и гражданина как из первой, так и из второй группы, должны соответствовать условиям возможности ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина, сформулированных КС РФ.

В рамках настоящего диссертационного исследования не представляется возможным проанализировать все проблемы и аспекты, связанные с ограничением информационных прав и свобод человека и гражданина. По этой причине целесообразно остановиться на некоторых положениях законодательства, связанных с развитием информационного общества и направленных на регулирование общественных отношений в нём. При этом, как нам представляется, можно выделить несколько проблем, связанных с регулированием информационных отношений на уровне федерального законодательства, развивающего конституционные права и свободы в информационной сфере. Это проблема дисбаланса между публичными и частными интересами в пользу публичных интересов, проблема конкуренции между различными

²⁵² См.: Куликова С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 22–29.

информационными правами и свободами, а также проблема не конституционности ограничений информационных прав и свобод различными положениями законодательства. Несмотря на то, что эти проблемы существовали ещё за долго до эпохи информационного общества, на наш взгляд, в условиях его стремительного развития они обостряются и становятся всё более актуальными. Далее будут проанализированы частные примеры проявления этих проблем на практике.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и возможность быстрого распространения информации потребовали совершенствования гражданско-правовых механизмов, направленных на охрану частной жизни граждан. В июле 2013 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁵³, которым была введена ст. 152², определяющая основы охраны частной жизни гражданина. Первым абзацем п. 1 указанной статьи предусмотрено, что, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. При этом, уже в абзаце втором этого пункта законодатель прямо предусмотрел иное, допустив сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина без его согласия в «государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле». Федеральный законодатель установил прямое ограничение конституционного права на неприкосновенность частной жизни. На наш взгляд, данное ограничение не соответствует условиям допустимости ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Во-первых, ограничение

²⁵³ Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

конституционных прав и свобод возможно лишь в угоду строго определённым конституционным ценностям, закреплённым в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства). В рассматриваемом нами примере федеральный законодатель позволил себе отойти от этого правила, предусмотрев хоть и схожие, но далеко не идентичные ценности, ради которых допускается ограничение частной жизни гражданина. Абзац второй п. 1 ст. 152² ГК РФ допускает ограничение права частной жизни гражданина в угоду государственных, общественных или иных публичных интересов. Представляется, что категория «иной публичный интерес» явно может включать в себя интересы, выходящие за пределы основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это также и касается общественного интереса, границы которого законодательно не определены. Во-вторых, использование той же категории публичного интереса явно не соответствует требованию КС РФ о том, что правовая норма, которой вводится ограничение, должна быть формально определена, точна, ясна, не должна допускать расширительного толкования установленных ограничений и их произвольного применения. Справедлива точка зрения В.А. Мамонтова о том, что «единого понимания того, что входит в содержание и каковы критерии разграничения между интересами общественными, государственными и публичными, нет ни у законодателей, ни у правоприменителей»²⁵⁴.

Не имеющие правовой определённости формулировки гражданского законодательства, допускающие ограничение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, нередко подлежат расширительному толкованию, что на практике приводит к ограничению этого конституционного права не в угоду строго определённым конституционным ценностям и, по сути, к

²⁵⁴ Мамонтов В.А. Проблема использования категории публичного интереса в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность // Юридический мир. – 2011. – № 1. – С. 39–43.

утрате реального содержания конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Доказательством этого является противоречивая и неоднородная судебная практика по делам, связанным с защитой права на неприкосновенность частной жизни. Например, в одном деле об истце, занимающем пост заместителя начальника Октябрьской железной дороги – филиала ОАО «РЖД», в сети Интернет была размещена информация о том, что он выплатил задолженность по алиментам в целях снятия ограничений на выезд за границу и в целях сохранения хорошей работы. Таким образом, была распространена конкретная информация о задолженности истца по выплате алиментов, то есть информация, относящаяся к частной жизни истца, а также была дана оценка мотивам поведения истца. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых заявлений об удалении сведений о частной жизни гражданина из сети Интернет, мотивировав отказ тем, что освещение в средствах массовой информации подобной ситуации осуществлено в публичных интересах с целью информирования граждан о последствиях неисполнения алиментных обязательств, а также с целью стимулирования к добровольной уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Суд решил, «что данная публикация иллюстрированная фотографией истца, осуществлена в публичных интересах, а потому посягающей на неприкосновенность частной жизни истца признана быть не может». Суд апелляционной инстанции полностью согласился с выводами суда первой инстанции, фактически воспроизведя его аргументацию²⁵⁵. В другом деле суд первой инстанции подвергнул широкому толкованию категорию общественного интереса. В этот раз пострадало право на неприкосновенность частной жизни певицы, в отношении которой в сети Интернет была размещена конкретная информация о том, что она десять месяцев в году снимает целую гостиницу в посёлке. Суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что «информация о проведении публичным лицом, которым является истец, семейного

²⁵⁵ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 02 апреля 2015 года по делу № 33-8534/15 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

досуга в пределах Российской Федерации на территории ***, обладающего уникальными природными ландшафтами и комфортабельными местами отдыха, безусловно, представляет общественный интерес в качестве ориентира для формирования поведения людей, принятия либо непринятия тех или иных моральных ценностей и выбора образа жизни, в данном случае при организации и проведении досуга»²⁵⁶. Неудивительно, что данная позиция суда первой инстанции не устояла в апелляции. Отменяя это решение, суд апелляционной инстанции справедливо отметил, что «распространением ответчиком сведений о месте проживания Х. и членов ее семьи, являющихся сведениями личного, частного характера, без получения на то ее согласия, нарушены неимущественные права истца на неприкосновенность частной жизни, публичность профессии истца в силу ст. ст. 23, 24 Конституции РФ, ст. ст. 152.2, 151 ГК РФ не освобождает ответчика от обязанности получить согласие истца на распространение сведений о ее личной (частной) жизни»²⁵⁷.

Категория «иной публичный интерес» как основание для ограничения права на неприкосновенность частной жизни также создаёт реальные предпосылки для злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Безусловно, что с формально-юридической точки зрения сбор и хранение информации о частной жизни всех граждан в целях тотального государственного контроля будут отвечать определённому публичному интересу. В то же время вряд ли сбор и хранение этой информации могут быть оправданы конституционными ценностями, например, положением о том, что Российская Федерация – демократическое и правовое государство.

Решение обозначенной проблемы может заключаться в внесении нескольких изменений в ст. 152² ГК РФ. Во-первых, необходимо максимально возможно конкретизировать основания для ограничения права на неприкосновенность

²⁵⁶ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 14 октября 2016 года по делу № 33-39736/2016. // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁷ Там же.

частной жизни с учётом конкретных конституционных ценностей. Определения государственного и общественного интереса должны сводиться к защите основ конституционного строя, а также к обеспечению обороны страны и безопасности государства. При этом, от категории «иной публичный интерес» следует отказаться. Во-вторых, в целях усиления гарантий защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни и уменьшения вероятности злоупотреблений со стороны распространителей информации, предлагается предусмотреть дополнительную гражданско-правовую ответственность за незаконное нарушение неприкосновенности частной жизни в виде возможности взыскания с виновного лица фиксированной денежной компенсации, определяемой по усмотрению суда исходя из характера нарушения (в данном случае мы предлагаем применить аналогию с ответственностью за нарушение исключительного права на произведение, предусмотренную ст. 1301 ГК РФ).

Проанализированная выше проблема, связанная с реализацией информационных прав и свобод, является далеко не единственной в законодательстве, которое регулирует отношения в современном информационном обществе. Это не удивительно, так как за последнее время в информационное законодательство было внесено немало изменений, представляющих своеобразный ответ на вызовы современного информационного общества. Только в Закон об информации с июля 2006 года было внесено более 50 изменений (в среднем, это больше чем три изменения в один год)²⁵⁸.

²⁵⁸ Среди наиболее знаковых и имеющих отношение к реализации информационных прав и свобод можно отметить следующие изменения. Во-первых, так называемый закон «о черных списках» интернет-сайтов, который призван не допустить распространение в сети Интернет информации, распространение которой в России запрещено. См.: Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4328; Во-вторых, так называемый «антипиратский закон», который был направлен на борьбу с нарушением прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. См.: Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3479; В-третьих, федеральный закон,

Если проанализировать изменения информационного законодательства последнего времени, то можно сделать несколько выводов. Во-первых, федеральный законодатель стремится урегулировать различные информационные процессы в сети Интернет. Во-вторых, это регулирование преследует защиту частных и (или) публичных интересов. При этом, на данный момент в триаде «личность, общество, государство» преобладают публичные интересы (общества и государства)²⁵⁹. Существующее регулирование так или иначе направлено на

которым были установлены обязанности для организаторов распространения информации в сети Интернет, за нарушение которых наступает административная ответственность, а также ограничение доступа к информационному ресурсу. См.: Федеральный закон от 05 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2302; В-четвертых, закон о «праве быть забытым». См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4390; В-пятых, так называемый «Закон Яровой», имеющий антитеррористическую направленность и вводящий ряд специальных обязанностей для операторов связи, а также для организаторов распространения информации в сети Интернет. См.: Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4558; В-шестых, закон, который урегулировал деятельность организаторов сервисов обмена мгновенными сообщениями, то есть так называемых мессенджеров. См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 154 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4790; В-седьмых, закон, который определил особенности распространения информации в социальных сетях. См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 69.

²⁵⁹ Наглядным примером преобладания публичных интересов в защите безопасности личности, общества и государства является положение ч. 11 ст. 10¹ Федерального закона «О персональных данных» о том, что «установленные субъектом персональных данных запреты на передачу (кроме предоставления доступа), а также на обработку или условия обработки (кроме получения доступа) персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, не распространяются на случаи обработки персональных данных в государственных, общественных и иных публичных интересах, определенных законодательством Российской Федерации». Стоит отметить, что понятие «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения» и особенности их обработки были установлены Федеральным законом от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 58. Как отмечено в пояснительной записке к законопроекту он

ограничение информационных прав и свобод человека и гражданина в угоду определённым конституционным ценностям. На наш взгляд, эти ограничения необходимы, так как их отсутствие привело бы к нарушению личных и публичных интересов, а большая часть информационных отношений в сети Интернет осталась бы за гранью правового регулирования, что в условиях информационного общества не допустимо. В этой связи мы не согласны с А.Н. Костюковым, выступающим с достаточно резкой критикой в адрес федерального законодателя: «За ширмой «установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» законодатель юридически и фактически обязал специальных субъектов вмешиваться в частную жизнь каждого человека и гражданина, находящегося под юрисдикцией Российской Федерации, в очередной раз показав, что одна из основ конституционного строя России, закреплённая в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», – простая декларация»²⁶⁰. Законодатель в условиях современного информационного общества и угроз, которые оно приносит, вынужден, образно выражаясь, балансировать между Сциллой и Харибдой. Естественно, ему не всегда удастся делать это удачно, что выражается в отступлении от принципа правовой определённости, а также от иных условий допустимости ограничения конституционных прав и свобод. На наш взгляд, более правильно не говорить о недопустимости каких-либо ограничений в принципе, а о том, что любое вводимое ограничение должно вписываться в конституционно-правовые рамки. В связи с этим можно рассмотреть ещё несколько примеров ограничения информационных

«направлен на создание механизмов защиты прав и свобод субъектов персональных данных, чьи персональные данные участвуют в общедоступном обороте». См.: Пояснительную записку к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"» (законопроект № 1057337-7) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057337-7> (дата обращения: 25.02.2022). Таким образом, создавая правовые механизмы дополнительной защиты личных интересов в информационном обществе, законодатель отдаёт приоритет интересам государства, общества, а также иным публичным интересам.

²⁶⁰ См.: Костюков А.Н. Реализация прав человека и гражданина в конституционном праве России: год 2017-й // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – СПС «Консультант Плюс».

прав и свобод и предложить конституционно-обоснованные меры по их совершенствованию.

1. Статья 10⁴ Закона об информации предусматривают обязанность проверять достоверность и не допускать фальсификацию общественно значимых сведений новостными агрегаторами. В случае невыполнения данной обязанности Роскомнадзор может потребовать прекратить распространять данную информацию на основании специального требования²⁶¹. При этом, ни где в законодательстве четко не закреплено, что понимается под «общественно значимыми сведениями». Это приводит к тому, что Роскомнадзор на основании своего усмотрения определяет то, относится ли спорная информация к «общественно значимым сведениям» или не относится. Принять данное решение уполномоченный орган должен в течении 24 часов. В таких условиях не исключены злоупотребления со стороны Роскомнадзора за счёт расширительного толкования категории «общественно значимые сведения». На практике это может привести к так называемой последующей цензуре. В отсутствие правовой определённости данное ограничение конституционного права на свободное распространение информации нельзя признать соответствующим условиям допустимости ограничения конституционных прав и свобод. Аналогичную проблему с отсутствием правовой определенности можно обозначить и в отношении обязанностей владельцев социальных сетей. Исходя из подпункта «з» пункта 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 10⁶ Закона об информации владелец социальной сети обязан незамедлительно принять меры по ограничению доступа к обнаруженной «недостоверной общественно значимой информации». В данном случае ситуация усугубляется ещё и тем, что законодатель допускает возможность²⁶² принятия решения об ограничении доступа к

²⁶¹ См.: Приказ Роскомнадзора от 05 декабря 2016 года № 308 «Об утверждении формы и порядка направления уполномоченными государственными органами требования о принятии мер по прекращению распространения новостным агрегатором фальсифицированных общественно значимых сведений, недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений, новостной информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации». // Российская газета. – 2017. – № 24.

²⁶² Согласно ч. 5 ст. 10⁶ Закона об информации если владелец социальной сети не может оценить информацию на предмет ее соответствия требованиям законодательства, он обязан не позднее

обнаруженной информации частным лицом, что создает благоприятные правовые условия для ограничения права на свободу информации со стороны частных лиц – владельцев социальных сетей. При этом, если в спорной ситуации владелец социальной сети обратится в Роскомнадзор, то до принятия соответствующего решения доступ к информации должен быть ограничен (пункт 2 ч. 5 ст. 10⁶ Закона об информации).

Представляется, что для обеспечения конституционности приведённого ограничения конституционного права необходимо устранить правовую неопределённость в понятии общественно значимых сведений (информации), закрепив на уровне федерального закона конкретные виды информации, являющиеся общественно значимыми сведениями (информацией). Это уменьшит вероятность расширительного толкования, минимизирует риски злоупотреблений со стороны органов власти и упростит возможность защиты конституционного права на свободное распространение информации в судебном порядке.

2. Ч. 2 ст. 15⁴ Закона об информации для организатора распространения информации в сети Интернет предусматривает меру ответственности за нарушение предусмотренных Законом об информации обязанностей в виде ограничения доступа к информационному ресурсу. Наиболее показательным примером применения указанной меры ответственности может быть решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г.²⁶³ о блокировке достаточно популярного в России мессенджера Telegram за неисполнение обязанности, предусмотренной ч. 4¹ ст. 10¹ Закона об информации²⁶⁴. Как известно, в силу

суток с момента выявления такой информации обратиться в Роскомнадзор для принятия соответствующего решения.

²⁶³ См.: Решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г. по делу № 2-1779/2018. Опубликовано на официальном сайте Международной правозащитной группы Агора. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2cc72aea-39e7-4f8e-adc9-37d170966efa> (дата обращения: 25.02.2022).

²⁶⁴ Ч. 4¹ ст. 10¹ Закона об информации предусматривает, что организатор распространения информации в сети «Интернет» обязан при использовании для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» дополнительного кодирования электронных сообщений и (или) при предоставлении пользователям сети «Интернет» возможности дополнительного кодирования электронных сообщений представлять

технических сложностей указанное решение суда не было исполнено и мессенджер Telegram продолжил функционировать на территории России.

Рассматривая примененную в деле о блокировке Telegram норму права с конституционно-правовой точки зрения, следует отличать ограничивающие воздействие диспозиции указанной нормы (предусматривающей обязанность передать ключи декодирования) от ее санкции (предусматривающей блокировку информационного ресурса за отказ передать ключи декодирования). На наш взгляд, установление обязанности по передаче ключей декодирования как ограничение права на тайну сообщений и запрета на сбор информации о частной жизни лица без его согласия соответствует конституционным условиям допустимости ограничений прав и свобод. Применение негласных мер осуществляется исторически и является распространенной практикой не только в России, но и в зарубежных странах²⁶⁵. Более того, многочисленные попытки обжалования соответствующих положений законодательства об оперативно-розыскной деятельности в КС РФ не увенчались успехом, о чем свидетельствует большое количество отказных определений²⁶⁶. Сама по себе обязанность предоставить информацию, необходимую для декодирования сообщений, проходит тест на пропорциональность. Лишь обеспечение возможности негласного сбора информации и ознакомления с ее содержанием (при необходимости и с соблюдением законодательства) позволяет достичь цели конспиративных мероприятий. При этом, возможность правоохранительных органов осуществлять негласный сбор информации является более чем разумной платой за общественную безопасность и антитеррористическую защищенность.

в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности информацию, необходимую для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений.

²⁶⁵ См: Коновалов С.Г. Негласные следственные действия в уголовном процессе Германии: проблемы концептуализации // Уголовное судопроизводство. – 2018. – № 1. – С. 41–48

²⁶⁶ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 года № 628-О-О // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; от 28 марта 2017 года № 568-О // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс»; от 27 июня 2017 года № 1421-О // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс» и др.

Однако санкция, предусматривающая блокировку информационного ресурса за отказ передать ключи декодирования, не проходит тест на пропорциональность при ограничении конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Во-первых, мера в виде блокировки конкретного мессенджера явно не подходит для достижения возможности осуществления конспиративных мер в целях общественной и антитеррористической безопасности. Даже если представить ситуацию, при которой блокировка Telegram привела к невозможности его использования на территории России, у заинтересованных лиц всегда будет возможность организовать электронную коммуникацию по защищенным каналам связи, не доступным для органов безопасности. Следовательно, возможность блокировки мессенджера нельзя считать мерой, необходимой для достижения конституционных целей. Во-вторых, сервис Telegram позволяет миллионам человек в России реализовывать все способы обработки информации, предусмотренные ч. 4 ст. 29 Конституции РФ: искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. С учетом бесполезности блокировки Telegram для создания общественной безопасности и антитеррористической защищенности блокировка накладывает излишние обременения для пользователей мессенджера. При этом, вводимое ограничение ни каким образом не приводит к защите каких-либо конституционных ценностей. Также необходимо обратить внимание на то, что, не дав ни каких результатов, попытки заблокировать Telegram привели к нарушению прав лиц, которые могли и не являться пользователями мессенджера. Так, 16 – 17 апреля 2018 г. были заблокированы почти 20 млн IP-адресов облачных сервисов Amazon и Google, которые использовал Telegram²⁶⁷. В связи с этим начались сбои в работе сайтов банков и ряда российских компаний²⁶⁸, которые неизбежно привели к убыткам. В связи с этим М.А. Федотов предложил

²⁶⁷ Дурдом: блокировка Telegram и ее последствия. URL: <http://www.banki.ru/news/columnists/?id=10405775> (дата обращения: 20.04.2017).

²⁶⁸ Инфографика: кто пал в битве за Telegram. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10406025> (дата обращения: 20.04.2017).

Роскомнадзору обратиться в суд за разъяснением решения суда: как его выполнять, не нарушая права других лиц. «Если суд окажется в затруднении, то суд может обратиться в Конституционный суд о проверке конституционности федерального закона, на основании которого суд принял свое решение», – справедливо отметил председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека²⁶⁹.

В связи с изложенным предлагается заменить *ограничение доступа* к информационному ресурсу организатора распространения информации на *запрет осуществления деятельности* по организации распространения информации. Принципиальное отличие заключается в том, что в случае с ограничением доступа обеспечение исполнения решения суда – обязанность уполномоченного государственного органа и операторов связи, в случае с запретом осуществлять деятельность – обязанность самого мессенджера. Реализация данного предложения требует установления мер государственного принуждения к исполнению запрета осуществлять деятельность по организации распространения информации. По этой причине также предлагается введение специального состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за неисполнение решения суда о запрете осуществления деятельности по организации распространения информации в сети Интернет (по аналогии со ст. 315 УК РФ). Представляется, что предлагаемый подход имеет больший потенциал в регулирующем воздействии на деятельность организаторов распространения информации в сравнении с технически-нереализуемым ограничением доступа. На наш взгляд, предлагаемый механизм отвечает принципу пропорциональности, а также минимизирует риски нарушения прав и законных интересов третьих лиц.

Конституционно-правовые нормы, закрепляющие федеративное устройство России. В отличие от конституционно-правовых норм, образующих правовой статус человека и гражданина, можно выделить не так много конституционно-правовых норм, закрепляющих федеративное устройство и

²⁶⁹ В СПЧ предложили Роскомнадзору узнать у суда способ блокировки Telegram. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/04/2018/5ad8d0bc9a7947f02a7c0c1b?utm_source=fb_rbc (дата обращения: 20.04.2017).

имеющих отношение к конституционно-правовому регулированию информационных отношений.

Действительно, федеративные отношения далеки от отношений информационных. Тем не менее, можно обратить внимание на несколько положений Конституции РФ, регулирующих федеративные отношения. Во-первых, это положение ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, согласно которой федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности. Развивающим данный принцип федеративных отношений является положение ч. 1 ст. 74, предусматривающей, что на территории России не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Данные положения создают предпосылки единства и целостности информационного пространства Российской Федерации. Без реализации перечисленных конституционных положений затруднительным было бы, например, обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий в удаленных местах большой страны. Справедливо мнение Е.В. Лунгу о том, что принцип государственной целостности подразумевает единые правовые начала размещения и использования материалов в сети Рунет на всей территории Российской Федерации²⁷⁰.

Во-вторых, это положение пункта «и» ст. 71, согласно которому федеральная информация, информационные технологии и связь находятся в ведении Российской Федерации. Обращая внимание на это положение Конституции РФ, М.А. Федотов пишет: «Конституция (ст. 71, п. «и») относит к ведению Российской Федерации так называемые федеральные информацию и связь, порождая максимально возможную неопределенность в вопросе о том, существует ли «нефедеральная информация» и имеют ли субъекты Федерации хоть какую-то

²⁷⁰ Лунгу Е.В. Тенденции развития конституционных правоотношений в свете перехода к Digital State // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – СПС «Консультант Плюс».

компетенцию в сфере информации»²⁷¹. На наш взгляд, «нефедеральная информация» существует и имеет право на существование. К такому умозаключению можно прийти, обратившись к положению ст. 73 Конституции РФ: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Следовательно, «нефедеральная информация» находится в исключительном ведении субъектов РФ. В некоторых субъектах Российской Федерации есть региональные нормативно-правовые акты из этой сферы. Примером может послужить Закон г. Москвы от 24 октября 2001 года № 52 «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы»²⁷². Более того, возможность регулирования информационных отношений на уровне субъектов Российской Федерации позволяет им обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина. Как отмечает Р.И. Шайхиев структура регионального законодательства в сфере информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина включает в себя законы субъектов Российской Федерации, в том числе связанные с режимом информационных систем, информационных ресурсов и информационных технологий²⁷³.

Стоит обратить внимание на то, что в 2020 году в пункт «и» ст. 71 были внесены изменения в части уточнения того, что не только федеральные информация и связь находятся в ведении Российской Федерации, но и информационные технологии. По мнению Н.И. Касперской, являвшейся членом рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в

²⁷¹ Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. – 2016. – № 3. – С. 164.

²⁷² Закон г. Москвы от 24 октября 2001 года № 52 «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. – 2001. – № 44.

²⁷³ Шайхиев Р.И. Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шайхиев Ришат Исламович. – Казань, 2020. – С. 12.

Конституцию РФ²⁷⁴ «это дает возможность для возникновения единой государственной политики в ИТ-сфере, для создания целого ряда законов по информационным технологиям и единых стандартов, которые позволят избежать проблем при внедрении технологий и сложностей при построении информационных систем в разных регионах России»²⁷⁵. При верности указанного мнения следует отметить, что нахождение федеральных информационных технологий в исключительном введении Российской Федерации не исключает конституционной возможности регулирования отношений в сфере «региональных» информационных технологий на уровне субъектов Российской Федерации также, как это осуществляется в отношении «нефедеральной информации».

В-третьих, это положение пункта «м» ст. 71, согласно которому обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных находятся в ведении Российской Федерации²⁷⁶. В литературе обращается внимание на особую важность данного пункта для создания конституционных условий для обеспечения информационной безопасности: «Последний момент особенно важен, ибо при превращении информации в товар в зону товарообмена попадают персональные данные и неприкосновенность частной жизни, утрачивается или становится небезупречной сетевая нейтральность, возрастают проблемы кибербезопасности» – отмечает С.Н. Бабурин²⁷⁷. В предыдущей части настоящего параграфа было показано, что утвержденный в 2020 году на уровне Конституции РФ курс на обеспечение

²⁷⁴ См.: Распоряжение Президента РФ от 15 января 2020 года № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 3. – Ст. 251.

²⁷⁵ Поправки к Конституции: ИТ теперь находятся «в ведении Российской Федерации. Интервью Н.И. Касперской // CRN/Russian Edition (RE). ИТ-бизнес. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=146592> (дата обращения: 20.02.2022).

²⁷⁶ Данные изменения были внесены Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

²⁷⁷ Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – СПС «Консультант Плюс».

безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных в условиях развития информационного общества взят федеральным законодателем достаточно давно.

§ 2. Конституционно-правовые основы политической, социально-экономической и духовной сфер и проблемы их реализации в информационном обществе

Ранее было установлено, что в информационном обществе информационные технологии используются для получения определённых благ в различных сферах общественной жизни. Помимо информационной сферы общественной жизни с развитием информационных технологий происходят качественные преобразования в других сферах, таких как политическая, социально-экономическая и духовная сферы. При этом каждая из этих сфер имеет свои конституционно-правовые основы. Естественно, что конституционно-правовое регулирование указанных сфер не может не оказывать влияние на комплексное развитие информационного общества в целом.

Таким образом, основными предпосылками для выделения конкретных конституционно-правовых норм, которые образуют конституционно-правовые основы информационного общества в различных сферах общественной жизни, является, во-первых, возможность применения в них информационных технологий в целях повышения эффективности в достижении определённого результата, а во-вторых, влияние конституционно-правовых норм на развитие информационных технологий и информационного общества. Выделим данные конституционно-правовые нормы и определим их содержание.

Конституционно-правовые основы политической сферы в информационном обществе. Можно выделить несколько направлений в конституционно-правовом регулировании общественных отношений в политической сфере, которые претерпевают определённые изменения, связанные с развитием информационного общества. С развитием информационных технологий происходят качественные преобразования во взаимоотношениях между

субъектами политических отношений, создается определённая информационная среда для этих отношений. У народа как у единственного носителя государственной власти расширяются возможности по осуществлению своей власти посредством информационных технологий, у борющихся за власть субъектов расширяется арена для политического соперничества (теперь оно существует также в сети Интернет), у государства и иных политических институтов появляются возможности организовать эффективную коммуникацию с обществом, обеспечив тем самым его вовлеченность в процесс принятия государственных и политических решений (технологии открытого правительства), появляются благоприятные условия для реализации политического многообразия и т.д.

Одним из ключевых направлений в политической сфере, которые претерпевают определённые изменения, обусловленные развитием информационного общества, является так называемая электронная демократия. Именно развитию информационного общества обязана концепция электронной демократии, которая семимильными шагами охватывает всё большее количество демократических государств, в том числе Россию²⁷⁸. Такой термин как «электронная демократия» (e-democracy) впервые предложили ученые США и Великобритании, и он довольно быстро обрёл популярность в научных кругах²⁷⁹. Неслучайно, электронной демократии посвящено немало научных работ и статей по конституционному праву²⁸⁰.

²⁷⁸ В целях развития электронной демократии в структуре Администрации Президента Российской Федерации создано специальное управление – Управление Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии. См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1202 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4777.

²⁷⁹ Арешев А.Г. Тенденции современной глобализации и актуальные задачи информационного права. / Труды Института государства и права РАН. – М.: ИГП РАН, 2009. – С. 30– 31.

²⁸⁰ См.: Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – 203 с.; Головин С. Н. Конституционная реальность «электронной демократии» в России // Современное право. – 2004. – № 3; Горностаева Е.О. Зарубежный опыт электронного голосования на выборах // Конституционное и муниципальное право. – 2008. –

Суть электронной демократии заключается в осуществлении власти народом с использованием современных информационных технологий. Электронная демократия представляет собой правовую, технологическую и управленческую структуру, в рамках которой создаются и развиваются различные публично-правовые институты («Электронное правительство», «Электронный парламент», «Электронное государство», «Электронное правосудие») и инструменты (например, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов в сети Интернет, электронный форум по значимым государственно-политическим вопросам)²⁸¹. Основные концепции электронной демократии систематизировал Я.В. Антонов, выделив электронные демократические информирование, консультирование, а также сотрудничество²⁸². В России электронная демократия развивается по всем перечисленным направлениям.

Электронная демократия в России по обозначенным направлениям развивается и должна развиваться в рамках определённой правовой системы координат. Электронная демократия вне правового поля не имеет права на существование. Это относится в основном к идеям, проповедывающим легитимность прямой интернет-демократии. В противном случае, как отмечает Я.В. Антонов, если будет применяться принцип «Все управляют всем», то вместо ответственного и конституционно обоснованного децентрализованного демократического электронного управления мы столкнемся с анархическим, непрофессиональным, некомпетентным, неквалифицированным управлением²⁸³. В этой связи электронная демократия должна развиваться в рамках существующих конституционных форм осуществления власти народом, то есть в соответствии с Конституцией РФ. Информационные технологии в данном случае должны

№ 21; Васькова М.Г. Проблемы становления и реализации электронной демократии в электронном государстве // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4 и другие.

²⁸¹ Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – С. 3.

²⁸² Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5. – СПС «Консультант Плюс».

²⁸³ Там же. – СПС «Консультант Плюс».

выступать хорошим подспорьем для достижения конституционных ценностей, но никак не вступать с ними в противоречие. Конечно, сам термин «электронная демократия» Конституция РФ не употребляет, так же, как и не делает уточнения о том, что, например, граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в том числе при помощи информационных технологий. Следовательно, конституционно-правовые основы электронной демократии образуют положения Конституции РФ, определяющие конституционные основы демократии в целом, то есть не только и не столько электронной демократии.

Таким образом, в числе конституционно-правовых основ политической сферы информационного общества можно обозначить следующие положения Конституции РФ:

- ч. 1 ст. 3, определяющая многонациональный народ в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти, и ч. 2 ст. 3, предусматривающая, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, и ч. 3 ст. 3, согласно которой высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы;
- ч. 1 ст. 4, согласно которой суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию;
- ч. 3 ст. 13, признающей в Российской Федерации политическое многообразие и многопартийность;
- ч. 5 ст. 29, гарантирующей свободу массовой информации и запрещающей цензуру;
- ч. 1 ст. 30, которая предоставляет право каждому на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов;
- ч. 1 ст. 32, которая предоставляет гражданам право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- ст. 33, предоставляющей гражданам право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Приведённые положения Конституции РФ отвечают подходам в конституционно-правовом регулировании политической сферы в современном демократическом государстве. Их содержание определяется не только смыслом самих конституционных положений, который в них вложил конституционный законодатель, но и положением текущего законодательства, соответствующего Конституции РФ. Анализ приведённых положений позволяет наглядно продемонстрировать суть метода общего нормирования в конституционно-правовом регулировании. Именно высокая степень абстрактности этих положений позволяет федеральному законодателю адаптировать правовое регулирование политической сферы общества к современным условиям информационного общества и возможностям информационных технологий²⁸⁴. Развитие информационного общества требует постоянной корректировки механизмов конституционно-правового регулирования политических отношений посредством корректировки федерального законодательства.

Итак, начнём с конституционных основ электронной демократии, о которой писали выше. К ним относятся взаимосвязанные положения Конституции РФ, относящиеся к закреплению основ прямой и представительной демократии, а также

²⁸⁴ В этой связи уместным будет привести следующую выдержку из одного решения КС РФ: «Приведенные конституционные положения, закрепляющие конституционно-правовой статус Российской Федерации как государства, основанного на принципах демократии и верховенства права, предопределяют необходимость создания для достижения фундаментальных целей, провозглашенных многонациональным народом Российской Федерации при принятии Конституции Российской Федерации, таких как утверждение прав и свобод человека, незыблемости демократической основы России (преамбула Конституции Российской Федерации), соответствующего организационно-правового механизма, который, исходя из этих целей, на каждом конкретном этапе развития российской государственности может подвергаться корректировке». См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 года № 1567-О // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (часть II). – Ст. 4397.

к закреплению некоторых политических прав граждан, то есть это положения ч.ч. 1-3 ст. 3, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст.32 и ст. 33 Конституции РФ.

Толкование положений ч.ч. 1-3 ст. 3 Конституции РФ позволяет определить конституционно-правовую модель электронной демократии, а также её конституционно-правовые рамки. Из указанных положений следует то, что применение информационных технологий в целях осуществления власти народом возможно, во-первых, в рамках референдума и свободных выборов, а во-вторых, применение иных форм непосредственной демократии при помощи информационных технологий возможно лишь тогда, когда это не вступает в конфликт с высшей формой непосредственного выражения власти народа – с референдумом и выборами²⁸⁵. Это в полной мере применимо не только к референдуму как одной из форм непосредственного осуществления власти народом, но и к любым иным формам, в том числе и к формам электронной демократии, прямо не предусмотренным Конституцией РФ. Это означает, что помимо использования информационных технологий в целях проведения выборов и референдума, допустимо их применение в иных демократических целях. Рассмотрим возможности применения информационных технологий в обоих случаях.

На данный момент можно сказать, что в российской избирательной системе только создаются условия для полноценного использования существующего

²⁸⁵ Данное понимание конституционных основ электронной демократии может быть основано на следующей позиции КС РФ: «Таким ограничением является предусмотренный оспариваемым положением запрет выносить на местный референдум вопросы о досрочном прекращении полномочий и о досрочных выборах органов местного самоуправления. Данное ограничение обусловлено тем, что каждая форма непосредственной демократии имеет собственное предназначение в системе народовластия, и реализация одной из них не должна препятствовать осуществлению других, необоснованно замещать их. Референдум как высшее непосредственное выражение власти народа, по смыслу Конституции Российской Федерации, не может быть направлен на отрицание состоявшихся законных свободных выборов, также являющихся высшим непосредственным выражением власти народа, поскольку фактически это приводило бы к пересмотру их итогов и, как следствие, – к нарушению стабильности и непрерывности функционирования органов публичной власти». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 года № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3002.

потенциала современных информационных технологий при проведении в России референдумов и выборов различных уровней. В настоящее время проводится эксперимент по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления г. Москвы²⁸⁶. Электронное дистанционное голосование через сеть Интернет уже давно существует в избирательной практике некоторых зарубежных стран. Наиболее ярким представителем является Эстония, в которой ещё 4 марта 2007 г. прошли полномасштабные интернет-выборы в Парламент²⁸⁷. В целях обеспечения процедуры дистанционного электронного голосования функционирует специальный Интернет-портал²⁸⁸. Помимо Эстонии дистанционное электронное голосование применяется также в Норвегии²⁸⁹, Швейцарии²⁹⁰, Великобритании²⁹¹ и некоторых других странах.

Информационные технологии также нашли применение в иных формах участия граждан в управлении делами государства. Это также касается современных способов реализации конституционного права граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Во-первых, в соответствии с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²⁹² допускается возможность подачи обращения в форме электронного документа. Во-вторых, в марте 2013 года был принят Указ Президента Российской Федерации, определяющий правила рассмотрения общественных инициатив,

²⁸⁶ См.: Федеральный закон от 23 мая 2020 года № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 21. – Ст. 3231.

²⁸⁷ Горностаева Е.О. Зарубежный опыт электронного голосования на выборах // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 21. – СПС «Консультант Плюс».

²⁸⁸ URL: <http://www.vvk.ee/e-haaletamine/yld/> (дата обращения: 28.07.2017).

²⁸⁹ URL: <https://www.regjeringen.no/en/historical-archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Local-Government-and-Regiona/tema-og-redaksjonelt-innhold/kampanjesider/e-vote-trial/id597658/> (дата обращения: 28.07.2017).

²⁹⁰ URL: <http://ge.ch/vote-electronique/> (дата обращения: 28.07.2017).

²⁹¹ URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/i-am-a/voter> (дата обращения: 28.07.2017).

²⁹² Федеральный закон от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»²⁹³. В данном случае используются механизмы дистанционного электронного голосования при помощи сети Интернет.

В эпоху информационного общества интересной представляется реализация конституционного права каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Наполнение этого конституционного права на уровне федерального законодательства конкретным содержанием позволяет использовать современные информационные технологии в целях его реализации. При этом федеральное законодательство не предусматривает специального регулирования отношений, связанных с применением информационных технологий в этих общественных отношениях. Например, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»²⁹⁴ граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также право вступать в такие общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов. При этом, создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в установленном порядке и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица. Именно возможность объединения граждан без регистрации этого объединения в качестве юридического лица позволяет людям объединяться в режиме *onlain*. В качестве примера можно привести

²⁹³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 04 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.

²⁹⁴ Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

многочисленные объединения в социальных сетях, в которых люди объединяются в целях преследования общих целей, в том числе политических²⁹⁵.

Важное место среди конституционно-правовых основ политической сферы информационного общества занимает ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, гарантирующая свободу массовой информации и запрещающая цензуру. В данном случае акцент следует делать не на характеристике этого конституционного положения как элемента системы информационных прав и свобод, а как на конституционно-правовой основе функционирования средств массовой информации (которые не редко называют четвертой ветвью власти), а также иных распространителей массовой информации. «Средства массовой информации можно рассматривать как ветвь власти, так как телевидение, радио, печать, Интернет доступны всем слоям населения. Они не просто информируют общество о каких-либо политических событиях, но иногда и навязывают свою оценку происходящего, имеют возможности по манипулированию общественным мнением, т.е. могут оказывать существенное влияние на его формирование», – отмечает А.С. Бурмистров²⁹⁶. С подобными мнениями можно согласиться лишь с фактической, а не с юридической стороны вопроса. Следует иметь в виду, что непосредственно СМИ или иные массовые информаторы оказывают властное воздействие там, где гарантия их независимости реализуется на практике. В остальных случаях СМИ и иные массовые информаторы лишь средство в руках тех, кто реально осуществляет власть.

Поэтому связь ч. 5 ст. 29 Конституции РФ с политической сферой общества не вызывает сомнений. Именно при помощи распространения массовой информации, как правило, обеспечивается достижение тех или иных политических целей. При этом сами отношения по поводу массовой информации в политической

²⁹⁵ Например, в социальной сети Facebook зарегистрирована группа «объединение жителей района Хамовники» // URL: <https://ru-ru.facebook.com/groups/Hamovniki/> (дата обращения: 20.08.2017).

²⁹⁶ Бурмистров А.С. Контрольная власть в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 10. – С. 7–10.

сфере в условиях развития информационного общества претерпевают некоторые изменения. С развитием информационных технологий появляются технические возможности для распространения массовой информации субъектами, которые не обладают статусом средств массовой информации (например, новостные агрегаторы в сети Интернет). Толкование ч. 5 ст. 29 Конституции РФ целесообразно начать с анализа конституционной свободы информации, а далее её гарантии – конституционного запрета цензуры.

Конституционная свобода массовой информации относится не только к СМИ, но и к иным лицам, обеспечивающим распространение массовой информации. К такому выводу можно прийти в результате анализа положений Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (далее также – Закон о СМИ)²⁹⁷, первая статья которого по сути определяет содержание конституционной свободы массовой информации: «В Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации»²⁹⁸. Под массовой информацией, согласно ст. 2, понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. При этом, согласно ст. 8, сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание, а сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированный в качестве средства

²⁹⁷ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32.

²⁹⁸ Примечательно отметить, что данный принцип свободы массовой информации появился в российском законодательстве ещё до принятия Конституции Российской Федерации 1993 года. Текст первой статьи не подлежал изменению с момента принятия Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

массовой информации, средством массовой информации не является. Таким образом, законодатель разграничивает поиск, получение, производство и распространение массовой информации средством массовой информации и иным субъектом²⁹⁹. При этом развитие федерального законодательства идет по пути отдельного регулирования отношений, связанных с распространением массовой информации не СМИ. Так, Закон об информации предусматривает специальное регулирование для новостных агрегаторов. В этом плане можно согласиться с М.А. Тульневым, отмечающим что для модернизации российского законодательства необходимо принять современный закон о свободе массовой информации, определяющий вариативные статусы современных средств массовой информации³⁰⁰.

Одной из проблем реализации конституционной свободы массовой информации в современном информационном обществе являются ограничения, установленные ст. 19¹ Закона о СМИ, не допускающие иностранному государству, международной организации, а также находящейся под их контролем организации, иностранному юридическому лицу, российскому юридическому лицу с иностранным участием, иностранному гражданину, лицу без гражданства, гражданину Российской Федерации, имеющему гражданство другого государства выступать учредителем (участником) средства массовой информации. Данное ограничение направлено на предотвращение угроз информационной безопасности

²⁹⁹ К данному выводу приходит и Верховный Суд Российской Федерации, давая толкование Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации»: «В силу статей 8, 10 и 11 названного Закона вопросы государственной регистрации средства массовой информации поставлены в зависимость от распространения продукции средства массовой информации. Поскольку при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет отсутствует продукция средства массовой информации, то по действующему законодательству сайты в сети Интернет не подлежат обязательной регистрации как средства массовой информации. Это означает невозможность привлечения лиц, осуществляющих распространение массовой информации через сайты в сети Интернет, к ответственности за изготовление или распространение продукции незарегистрированного средства массовой информации». См.: П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

³⁰⁰ Тульнев М.А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Тульнев Михаил Анатольевич. – Белгород, 2021. – С. 10.

государства, которые могут исходить от иностранных государств, граждан или организаций. Данное ограничение было признано КС РФ допустимым с конституционной точки зрения³⁰¹. Вместе с этим, стоит отметить, что данное ограничение никак не способствует интеграции России в глобальное информационное общество. В этом плане можно согласиться с особым мнением судьи КС РФ К.В. Арановского, отметившего, что «Не может быть признаком угрозы конституционно значимым ценностям само по себе иностранное происхождение лиц, капиталов, идей и т.п. Кого-то такое присутствие, разумеется, беспокоит, и с какими-то настроениями трудно его примирить, но в конституционном правопорядке этого рода мотивы не могут быть основанием законодательных решений, особенно с правоограничительным эффектом. Многонациональный народ Российской Федерации принимал свою Конституцию, сознавая себя частью мирового сообщества, как это следует из ее Преамбулы»³⁰². Решение КС РФ о допустимости существующего ограничения (с учетом его законодательной доработки в целях достижения правовой определенности) ещё раз подтверждает преобладание публичных интересов в конституционно-правовом регулировании отношений в современном информационном обществе в России.

Запрет цензуры, выступая гарантией свободы массовой информации, является необходимой предпосылкой для нормального развития политических отношений в демократическом государстве и современном информационном обществе. Можно согласиться с точкой зрения В.С. Красногорова о том, что там, где отсутствует выборность, гласность, ответственность власти перед обществом, где принуждение возводится в догму, и догмы становятся выше закона, где

³⁰¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19¹ Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г.Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 359.

³⁰² См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В.Арановского. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19¹ Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г.Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 359.

правительство опасается общественного мнения и не уверено в поддержке большинства народа, там цензура становится неизбежным элементом политической системы, призванным замазывать недостатки, подавлять недовольство и помогать удерживать власть³⁰³.

В соблюдении конституционного запрета цензуры, на наш взгляд, основным является достижение правовой определённости в понимании этого термина и, соответственно, в единообразном правоприменении. Для более подробного рассмотрения содержания конституционного запрета цензуры необходимо обратиться к методам грамматического и телеологического толкования.

Под цензурой (лат. *censura*) понимается контроль официальных властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием и исполнением (показом) сценических постановок, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки (перлюстрация) с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. При этом цензура по способу осуществления может быть, как предварительной, так и последующей. Предварительная цензура предполагает необходимость получить разрешение на выпуск в свет книги, постановку пьесы и т.д., а последующая (т.н. карательная) заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий и принятии запретительных или ограничительных мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры³⁰⁴. Определение этому понятию дает и М.А. Федотов. Под цензурой он понимает родовое понятие, которое охватывает различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемой в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными

³⁰³ Красногоров В. С. У мысли стоя на часах: Записки об истории отечественной цензуры // URL: http://lit.lib.ru/k/krasnogorow_w_s/tsenzuradoc.shtml (дата обращения: 29.08.2017).

³⁰⁴ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М., 2006. – С. 818.

или вредными. Контроль осуществляется в зависимости от вида средства массовой информации (печать, телевидение, радиовещание, кинематограф)³⁰⁵.

С точки зрения телеологического толкования конституционного запрета цензуры, можно прийти к выводу, что запрет цензуры устанавливается в целях обеспечения свободы массовой информации, ибо в противном случае массовую информацию нельзя будет назвать свободной от какого-либо вмешательства официальных властей. В этом плане справедливо определение цензуры как антонима свободы массовой информации. «Свобода массовой информации является одной из основ развитого общества, она выражает так называемые общечеловеческие ценности, помогает раскрыть потенциал личности, является основой духовной жизни общества и инструментом укрепления идентичности государства» – «антонимом свободы массовой информации, крайним проявлением давления и самой грубой формой влияния на СМИ является цензура», – отмечает А.Г. Рихтер³⁰⁶.

Приведенное толкование позволяет критически осмыслить определение цензуры, которое даёт Закон о СМИ. Согласно ст. 3 под цензурой следует понимать требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей. Приведённое понимание цензуры существенно сужает содержание конституционного запрета цензуры, которое с точки зрения грамматического и телеологического толкования является более широким. Во-первых, данное понятие относится исключительно к цензуре СМИ. Как обращалось

³⁰⁵ Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. – 1989. – № 7. – С. 81.

³⁰⁶ Рихтер А.Г. Запрет цензуры и защита принципа свободы массовой информации на постсоветском пространстве // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 1. – С. 206.

внимание выше, свобода массовой информации касается не только СМИ, но и иных распространителей массовой информации. Во-вторых, в данном определении речь идет лишь о предварительной цензуре, следовательно, оценка уже вышедшего в свет материала не будет, согласно Закону о СМИ, являться цензурой. В-третьих, закон предусматривает лишь одну форму контроля, а именно предварительное согласование. При этом предварительное согласование является далеко не единственной формой контроля и вмешательства со стороны официальных властей. В этой связи можно согласиться с мнением С.А. Куликовой о необходимости уточнения понятия цензуры и поддержать предлагаемый ей вариант этого термина. Под цензурой предлагается понимать «незаконное вмешательство органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных или религиозных объединений, их должностных лиц или работников в сферу (процесс) поиска, получения, передачи, производства и распространения массовой информации, а также свободы выражения мнения»³⁰⁷. При этом, на наш взгляд, конституционный запрет цензуры должен конкретизироваться не в Законе о СМИ, а в более общем для регулирования информационных отношений нормативно-правовом акте – Законе об информации. Запрет цензуры должен входить в число принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации (ст. 3), а понятие цензуры должно быть предусмотрено ст. 2 указанного федерального закона, закрепляющего основные понятия. Внесение соответствующих изменений в базовый для регулирования информационных отношений федеральный закон позволит обеспечить реализацию конституционного запрета цензуры в регулировании не только СМИ, но и отношений по поводу распространения массовой информации лицами, не являющимися СМИ. Данные изменения придадут конституционному запрету

³⁰⁷ Куликова С.А. Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 23.

цензуры общепрофессиональное значение, что обеспечит достижение целей, которые преследовал конституционный законодатель.

Свобода массовой информации и запрет цензуры в политической сфере в современном информационном обществе выступают гарантией и предпосылкой для реализации такой конституционно-правовой основы как принцип политического многообразия и многопартийности. Указанный принцип является структурированным выражением идеологического многообразия, содержание которого мы рассматривали как конституционно-правовую основу информационных отношений. Это структурированное выражение представляет собой различные политические партии, объединяющих граждан в зависимости от их социальной и политической ориентации³⁰⁸. Достижимым благом в данном случае выступают демократические ценности, без которых сложно представить развитое как информационное, так и гражданское общество.

Охранительную функцию в политической сфере информационного общества выполняет принцип государственного суверенитета как гарант существования главного политического института общества – государства. Его безусловно можно рассматривать как конституционно-правовую основу информационного общества в политической сфере потому, что угрозы информационной безопасности в политической сфере, которые информационное общество делает реальностью, способны поставить под вопрос самостоятельность и независимость государства и общества в целом.

Обеспечение информационной безопасности государства как главного политического института является вопросом информационной безопасности в целом и, следовательно, может быть также отнесено к информационной сфере общества. На наш взгляд, содержание государственного суверенитета как политико-правового феномена, а также проблемы его реализации в политической сфере информационного общества не обладают какими-либо специфическими

³⁰⁸ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – С. 146.

особенностями. Указанные содержания и проблемы были рассмотрены в рамках анализа конституционно-правовых основ информационной сферы.

Конституционно-правовые основы социально-экономической сферы информационного общества. Достаточно объёмными по количеству в масштабах конституционно-правового регулирования являются основы информационного общества в социально-экономической сфере. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, конституционно-правовые основы экономических отношений определяют условия для развития информационного общества и информационных технологий, посредством которых достигаются определенные блага. Во-вторых, именно социально-экономическая сфера является наиболее значимой для общества с точки зрения получения определенных благ, и информационные технологии в данном случае являются эффективным средством их достижения. В этом плане образуется своего рода замкнутый круг: «экономика для информационных технологий – информационные технологии для экономики и социальной сферы».

В числе конституционно-правовых основ экономической сферы, которые определяют условия для развития информационных технологий и информационного общества в целом, можно выделить следующие положения Конституции РФ:

- Ч. 1 ст. 8, которая гарантирует в Российской Федерации единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности;
- Ч. 1 ст. 34, которая признаёт за каждым право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;
- Ст. 75¹, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются

защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Определяя содержание принципа единства экономического пространства, целесообразно обратиться к его толкованию КС РФ: суть указанного принципа заключается в том, что на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, а ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей³⁰⁹. Принцип свободы экономического пространства наряду со свободой перемещения товаров, услуг и финансовых средств, наряду с поддержкой конкуренции, свободой экономической деятельности образуют общий вектор для создания благоприятной среды для развития информационных технологий. Следует отметить, что отрасль информационных технологий с каждым годом становится всё более значимой для экономики России. Например, в п. 10 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации 2017 года отмечается, что «информационные и коммуникационные технологии оказывают существенное влияние на развитие традиционных отраслей экономики. Объем реализации товаров и услуг россиянам с использованием сети «Интернет» в 2015 году достиг эквивалента 2,3 процента валового внутреннего продукта и имеет тенденцию к росту»³¹⁰. Естественно, что в условиях гипотетического отсутствия указанных свобод, информационная экономика России развивалась бы не такими быстрыми темпами, как собственно и

³⁰⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1602.

³¹⁰ См. п. 10 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утверждённую Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

экономика в других отраслях. В этом случае было бы невозможно представить полноценное развитие так называемой цифровой экономики в целях «создания условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами»³¹¹. Таким образом, фундаментальное конституционное положение, согласно которому в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, безусловно создает благоприятные условия для развития информационных технологий и информационного общества в целом. Применительно к анализируемому положению Основного Закона интересным представляется вопрос о соотношении свободы экономического пространства с свободой информационного пространства³¹². На наш взгляд, данное соотношение может быть представлено на кругах Эйлера³¹³. При этом свобода экономического пространства будет пересекаться с свободой информационного пространства лишь в определённом сегменте. В этом сегменте как раз и функционирует отрасль информационных технологий.

³¹¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.

³¹² Под информационным пространством в Стратегии развития информационного общества 2017 года понимается совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры.

³¹³ Круги Эйлера – это геометрическая схема, с помощью которой можно изобразить отношения между подмножествами, для наглядного представления. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/128743> (дата обращения: 28.08.2017).

Провозглашая свободу экономической деятельности, ч. 1 ст. 8 Конституции РФ предполагает определённый набор правомочий хозяйствующих субъектов в рамках права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ)³¹⁴. Анализ экономических оснований информационного общества позволяет говорить о том, что информационное общество основывается на знаниях, которые стимулируют развитие информационных технологий. Знания здесь выступают настоящим производственным ресурсом. Именно знания в сочетании с гарантией свободы экономической деятельности способствуют созданию информационных технологий, которые впоследствии используются в различных отраслях экономики.

Большим потенциалом для развития информационного общества и информационных технологий обладает ст. 75¹. Во-первых, как отметил КС РФ данное конституционное положение «направлено на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности»³¹⁵. С учетом данного конституционно-правового смысла

³¹⁴ На конкретный набор данных правомочий указал КС РФ: «Реализуя данное право, закрепленное в статье 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации, граждане вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять соответствующую деятельность в индивидуальном порядке либо совместно с другими лицами путем участия в хозяйственном обществе, товариществе или производственном кооперативе, т.е. путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства, самостоятельно выбирать экономическую стратегию развития бизнеса, использовать свое имущество с учетом установленных Конституцией Российской Федерации гарантий права собственности (статья 35, часть 3) и поддержки государством добросовестной конкуренции (статья 8, часть 1; статья 34, часть 2)». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона "Об акционерных обществах", регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 9. – Ст. 830.

³¹⁵ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З».

появляются надежды на достижение баланса между личными, общественными и государственными интересами в регулировании отношений в информационном обществе. Во-вторых, обеспечение социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности может стать ответом на актуальные проблемы информатизации общественных отношений. В числе данных проблем Н.С. Бондарь отмечает проблему обеспечения конституционного равенства в условиях становления информационно-цифрового пространства и его конституционализации. Причем само по себе цифровое неравенство связано с относительно новыми аспектами этой проблемы; к известным проявлениям экономического, социального, территориального неравенства добавляется, например, технологическое неравенство, заключающееся в неравном доступе к новым технологиям, в том числе в сфере медицины, образования, и, как результат, углубляется социальное расслоение общества³¹⁶. В этом плане положение ст. 75¹ Конституции РФ дополняет конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина, благодаря которому преодолевается цифровой разрыв в нашем государстве³¹⁷. В-третьих, конституционное положение о том, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества может стать фундаментальным основанием для дальнейшего развития принципа достоверности информации в целях создания благоприятных правовых условий для формирования общества знаний. Более того, по мнению ученых, в частности декана экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Аузана, точкой опоры в повышении доверия являются цифровые

Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

³¹⁶ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – СПС «Консультант Плюс».

³¹⁷ См.: Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41–45.

платформы³¹⁸. Таким образом, вектор на повышение уровня доверия между государством и обществом может стать драйвером для дальнейшего развития цифровых решений и их внедрения, в том числе в сферу взаимоотношений граждан и государства.

Положения Конституции РФ, относящиеся к регулированию отношений в различных отраслях социально-экономической сферы, в которых используются современные информационные технологии, также являются конституционно-правовыми основами информационного общества. На данном этапе информатизации различных общественных отношений в их числе можно выделить следующие положения Конституции РФ:

- Ч. 1 ст. 37, предоставляющей каждому право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию;
- Ч. 1 ст. 41, согласно которой каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь;
- Ч. 1 ст. 43, предоставляющей каждому право на образование.

Действительно, в условиях развития информационного общества мы можем наблюдать внедрение информационных технологий в сферу отношений между работником и работодателем (сфера трудовых отношения), в сферу образования и в сферу здравоохранения. Отраслевое законодательство в указанных сферах предусматривает некоторые особенности регулирования общественных отношений с применением информационных технологий. Так, например, глава 49.1. Трудового кодекса Российской Федерации³¹⁹ предусматривает особенности регулирования труда дистанционных работников, а ст. 16 Федерального закона

³¹⁸ См. доклад А.А. Аузана на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 13 ноября 2020 года на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства». URL: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

³¹⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

«Об образовании в Российской Федерации»³²⁰ устанавливает особенности реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Совсем недавно были внесены изменения, направленные на легализацию использования информационных технологий в сфере здравоохранения³²¹. В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³²² появилось понятие телемедицинских технологий, а также были предусмотрены особенности медицинской помощи, оказываемой с их применением.

Перечисленные примеры наглядно демонстрируют внедрение информационных технологий в различные сферы общественной жизни. При этом можно отметить несколько тенденций. Во-первых, законодатель не всегда успевает вовремя легализовать применение информационных технологий в той или иной сфере. Это приводит к тому, что решения и технологии отрасли остаются на какое-то время невостребованными и находящимися вне правового поля. Во-вторых, легализуя применение информационных технологий в различных сферах, федеральный законодатель действует поэтапно, постепенно расширяя сферу применения информационных технологий в конкретных общественных отношениях. Например, внедрение информационных технологий в избирательный процесс происходило поэтапно. Можно предположить, что также произойдет и с использованием информационных технологий в сфере здравоохранения. Сейчас же предполагается использовать информационные технологии в целях оказания медицинской помощи достаточно ограничено. Можно согласиться со следующим мнением А.А. Долганина, прокомментировавшего принятые изменения: «Законодатель пока рассматривает телемедицину только как информационную

³²⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

³²¹ См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4791.

³²² Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

технологию, но не как важную и перспективную сферу и особый рынок, нуждающийся в регулировании...»³²³.

Конституционно-правовые основы духовной сферы информационного общества. Завершающими в рассматриваемых конституционно-правовых основах информационного общества в Российской Федерации являются конституционные основы информационного общества в духовной сфере. Выделение конкретных положений Конституции РФ в данном случае происходит по такому же принципу, как и с конституционно-правовыми основами социально-экономической сферы. Выделяются те положения, которые регулируют сферы, в которых происходят определённые изменения, связанные с развитием информационного общества. Следовательно, в этой группе конституционно-правовых основ информационного общества можно выделить следующие положения Конституции РФ:

- Ст. 28, которая предоставляет каждому право распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними;
- Ч. 1. ст. 44, которой каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания;
- Ч. 2 ст. 44, предоставляющей каждому право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

Не вызывает сомнений то, что реализация данных прав и свобод возможна при помощи информационных технологий. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 24.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³²⁴ допускается распространение информации о вероучении публично, при помощи средств массовой информации,

³²³ Закон видит в телемедицине технологию, но не рынок. URL: <http://www.iksmedia.ru/news/5426170-Zakon-vidit-v-telemedicine-texnolog.html> (25.08.2017).

³²⁴ Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

информационно-телекоммуникационной сети Интернет либо другими законными способами.

С точки зрения анализа содержания и проблем реализации конституционно-правовых основ информационного общества в духовной сфере особый интерес представляет положение ст. 28 Конституции РФ в части гарантии действовать в соответствии с религиозными и иными убеждениями. А.В. Швабауэр отмечает, что с учетом кардинальных изменений правил оказания государственных и муниципальных услуг³²⁵ в части указания на возможность оказания госуслуг исключительно в электронной форме (а не по выбору заявителя и с его согласия) является принуждением граждан к регистрации в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), ведет к присвоению гражданину номера-идентификатора и представляет собой нарушение статей Конституции РФ о свободе совести, праве иметь убеждения и действовать в соответствии с ними³²⁶. Иными словами, если раньше у заявителя был выбор действовать в соответствии со своими религиозными и иными убеждениями, которые исключают присвоение номера-идентификатора и иные атрибуты получения госуслуг в электронной форме, и обращаться за получением госуслуг традиционным способом, то на данный момент в определенных случаях данный выбор отсутствует. С учетом того, что оказание госуслуг исключительно в электронной форме преследует цели рациональной организации деятельности государственных органов и органов местного самоуправления данный случай также иллюстрирует проблему дисбаланса между публичными и частными интересами в пользу публичных интересов.

³²⁵ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 48.

³²⁶ Швабауэр А.В. Кардинальное изменение правил оказания госуслуг и конституционные права граждан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 10. – СПС «Консультант Плюс».

Подводя итог рассмотрению конституционно-правовых основ политической, социально-экономической и духовной сфер общества как основ развития информационного общества в России, можно сделать вывод о том, что конкретное содержание этих норм зависит от положений отраслевого законодательства. Именно посредством текущего законодательства обеспечивается наполнение абстрактных положений Конституции РФ конкретным правовым содержанием. В эпоху информационного общества можно отметить тенденцию расширения содержания рассмотренных положений Конституции РФ за счёт легализации использования информационных технологий в различных сферах общественной жизни.

§ 3. Оценка правовой эффективности и направления совершенствования конституционно-правовых основ информационного общества

Проанализированное содержание и проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества в различных сферах общественной жизни позволяют подойти к оценке их правовой эффективности и обозначению направлений их совершенствования.

Для начала необходимо определиться с тем, что мы понимаем под эффективностью конституционно-правовых основ информационного общества. Поскольку конституционно-правовые основы информационного общества являются конституционно-правовыми нормами, их эффективность можно свести к эффективности конституционно-правовых норм. Можно согласиться со следующим мнением А.В. Семёнова: «Проблема эффективности охватывает не только конституционные нормы, но и процесс их формирования и осуществления. Следовательно, оценка эффективности проводится на основании количественных и качественных параметров. Первые определяют совокупную потребность в создании системы конституционного законодательства, а качественные критерии фиксируют обоснованность и целесообразность конституционно-правового регулирования, его фактическое воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения»³²⁷. С учетом этого, а также с учетом специфики конституционно-правовых основ информационного общества, их эффективность можно констатировать при соблюдении двух условий:

- Во-первых, конституционно-правовые основы информационного общества образуют определённый правовой фундамент, на котором может быть построено результативное отраслевое регулирование общественных

³²⁷ Семенов А.В. Проблема эффективности норм конституционного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 187.

отношений в современном информационном обществе. Иными словами, в рамках федерального законодательства может быть удовлетворена потребность в урегулировании общественных отношений в информационном обществе. При этом, урегулировать данные отношения возможно в рамках действующего Основного Закона, то есть в рамках действующей конституционно-правовой парадигмы;

- Во-вторых, содержание конституционно-правовых основ информационного общества находит отражение и развитие в отраслевом законодательстве, но отраслевое законодательство не искажает это содержание и, соответственно, не дискредитирует те или иные конституционные ценности. Иными словами, конституционно-правовые основы информационного общества могут оказывать надлежащее регулирующее воздействие на общественные отношения.

Приступая к анализу эффективности конституционно-правовых основ информационного общества в России с точки зрения первого условия отметим, что в последнее время всё чаще можно встретить мнение о том, что Конституция РФ не приспособлена к регулированию общественных отношений, складывающихся в современном информационном обществе в России. Так, М.А. Федотов в специальной статье, посвящённой этой проблеме, пишет: «Хотя Конституция Российской Федерации принята сравнительно недавно, быстро меняющиеся реалии информационного общества уже превратили её в Основной Закон прошлого века, ибо в ней крайне скудно представлены основополагающие принципы информационного права как права киберпространства, Cyberspace Law. Достаточно провести элементарный частотный анализ текста Конституции Российской Федерации 1993 г., чтобы убедиться в том, что информационные отношения затрагиваются в конституционных нормах в два раза реже, чем отношения, связанные, например, с природопользованием. Характерно, что интеллектуальная собственность, этот локомотив мирового прогресса в XXI веке, упоминается только в двух статьях – 44, 71 – Конституции РФ, а слово «знание» не

использовано ни разу. И это при том, что сегодня человеческая цивилизация переживает поистине революционные преобразования, связанные с формированием экономики, основанной на знании, т.е. на информации и интеллектуальной собственности»³²⁸. Также он приходит к выводу о том, что, пока Конституция не обретет своего интернет-измерения, всякие попытки правового регулирования деятельности в киберпространстве методами национального законодателя обречены на неудачу³²⁹. Вопросы о целесообразности адаптации Конституции Российской Федерации к условиям современного информационного общества поднимались и иными учеными-конституционалистами³³⁰.

Проведённое исследование конкретных конституционно-правовых основ информационного общества позволяет прийти к выводу о том, что сегодня Конституция РФ может выполнять функцию правового фундамента для отраслевого законодательства, регулирующего отношения в современном информационном обществе России. Как известно, одним из юридических свойств Конституции РФ является то, что она является правовой базой текущего законодательства. В нашем случае правовой базой для законодательства, регулирующего отношения в информационном обществе, являются конституционно-правовые основы информационного общества.

Выявленные характеристики современного информационного общества России позволяют прийти к выводу о том, что с учётом пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе действующая Конституция РФ на данном этапе не нуждается в каких-либо изменениях. Все проблемы правового регулирования, обусловленные вызовами современного информационного общества, могут быть решены посредством модернизации

³²⁸ Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex russica*. – 2016. – № 3. – С. 164.

³²⁹ Там же.

³³⁰ См.: Масловская Т.С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 18–22; Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. – 2018. – № 12. Т. 88. – С. 1075–1082.

отраслевого законодательства. Для того, чтобы продемонстрировать это на конкретных конституционно-правовых основах информационного общества, проанализируем предложения М.А. Федотова по внесению изменений в Конституцию РФ, предложив альтернативные пути решения задач, на которые эти изменения направлены.

1. Было предложено внести изменения в ст. 3 Конституции РФ в целях установления новой формы прямого народного волеизъявления, а именно волеизъявления через сеть Интернет. С этой же целью было предложено дополнить ст. 31 Конституции РФ новой частью следующего содержания: «В случаях и порядке, предусмотренных законом, граждане могут участвовать в управлении делами государства, в том числе в выборах своих представителей, через информационно-телекоммуникационные сети». Эти изменения касаются развития так называемой электронной демократии, механизмы которой уже частично внедрены в избирательное законодательство. На наш взгляд, это исключительно вопросы федерального законодательства, а не Конституции РФ.

2. Было высказано предложение внести изменение в ч. 1 ст. 8 Конституции РФ в целях гарантировать единство не только экономического, но и информационного пространства, свободное перемещение не только товаров, услуг, но и информации. На наш взгляд, задачи, которые преследует данное изменение, вполне решаются в рамках существующих конституционно-правовых основ информационной сферы. Единство информационного пространства и свободное перемещение информации в России обусловлено конституционным правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

3. Было предложено дополнить ч. 3 ст. 15 Конституции РФ положением о том, что законы должны быть доступны каждому, в том числе через информационно-телекоммуникационные сети. Стоит отметить, что Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных

конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»³³¹ предусматривает публикацию законов в сети Интернет. Регулирование доступности законодательства в плане удобства интерфейса информационного ресурса, на котором публикуются законы – также прерогатива федерального законодательства и подзаконных правовых актов, а также вопрос наличия свободных бюджетных средств на создание соответствующей государственной информационной системы.

4. Было предложено внести изменение в ст. 23 Конституции РФ, распространив тайну переписки на информационно-телекоммуникационные сети. Это предложение высказано в целях того, чтобы отношения общения по электронной почте была гарантирована такая же защита конфиденциальности, как и в отношении традиционных средств связи. При рассмотрении этой конституционно-правовой основы информационного общества мы продемонстрировали, что переписка, осуществлённая современными способами по информационно-телекоммуникационным сетям, подпадает под «иные сообщения», на которые Конституция РФ распространяет тайну переписки. При этом, нами были обозначены направления для совершенствования информационного законодательства в целях гарантирования реализации тайны переписки на практике.

5. Было высказано предложение о дополнении ст. 24 Конституции РФ новой частью, прямо запрещающей органам государственной власти и органам местного самоуправления собирать, получать и предоставлять информацию о гражданах, в том числе через информационно-телекоммуникационные сети, за исключением той, которая необходима в демократическом правовом государстве и предусмотрена федеральным законом. На наш взгляд, этот вопрос в достаточной степени может быть урегулирован в рамках законодательства о персональных

³³¹ Федеральный закон от 14 июня 1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 801.

данных. Стоит обратить внимание на то, что ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», определяя понятие оператора, относит к оператору государственные и муниципальные органы. Являясь операторами персональных данных, государственные и муниципальные органы обязаны соблюдать принципы обработки персональных данных, одним из которых является принцип обработки персональных данных исключительно для достижения конкретных, заранее определенных и законных целей. При этом не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных.

6. Было высказано предложение о дополнении ст. 33 Конституции РФ прямым указанием на то, что граждане имеют право обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления через информационно-телекоммуникационные сети. Нами было показано, что в этой части федеральное законодательство предусматривает несколько форм обращения в государственные органы через сеть Интернет. Это касается направления обращений граждан, а также порядка выступления с российской общественной инициативой.

7. Было высказано предложение внести изменение в ст. 123 Конституции РФ в целях фиксации важной гарантии гласности и открытости правосудия, а именно: решение суда во всех случаях оглашается публично и должно быть доступно каждому, в том числе через информационно-телекоммуникационные сети. На наш взгляд, регулирование гласности и открытости правосудия, в том числе использование сети Интернет для этих целей – задача федерального законодательства, с которой он неплохо справляется. Совсем недавно в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» были установлены особенности трансляции судебных заседаний по радио, телевидению и в сети Интернет³³².

³³² Ст. 15¹ была введена Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4772.

8. И, наконец, было предложено закрепить гарантию для каждого на свободный доступ к информационно-телекоммуникационным сетям общего пользования, к Интернету. Это предложение направлено на то, чтобы положить конец многочисленным политическим спекуляциям вокруг вопроса об обязательной регистрации всех пользователей сети, всех сайтов, всех компьютеров и т.д. На наш взгляд, возможность свободного доступа в Интернет вытекает из конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В приведённых примерах наглядно показано то, что для решения актуальных задач и проблем современного информационного общества достаточно внесения изменений в отраслевое законодательство, которое должно идти в одну ногу с развитием информационного общества. Это также относится и к другим проанализированным конституционно-правовым основам информационного общества. Для развития их содержания достаточно внесения изменений в отраслевое законодательство.

Отсутствие необходимости внесения изменений в Конституцию РФ в целях её адаптации к современным условиям информационного общества России подтверждается также и тем, что конституции зарубежных стран, в которых информационное общество является более развитым чем в России, не содержат более подробного регулирования отношений в информационном обществе. По степени абстрактности конституционно-правовые нормы в этих странах сопоставимы с конституционно-правовыми нормами, содержащимися в Конституции РФ. Можно обратиться к конституциям некоторых государств, которые имеют высокое значение Индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index)³³³, определённого Международным союзом электросвязи. Анализ положений конституций Южной

³³³ International Telecommunication Union: The ICT Development Index 2017 // URL: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 28.02.2022).

Кореи³³⁴, Дании³³⁵, Исландии³³⁶, Великобритании³³⁷, Швейцарии³³⁸, Японии³³⁹, Германии³⁴⁰, США³⁴¹ и Сингапура³⁴² показал, что в различных положениях, относящихся к определению основ различных сфер общественной жизни, не делается никакой конкретизации относительно использования сети Интернет или иных информационно-коммуникационных сетей при реализации тех или иных конституционных прав. Особенно в этом плане показательна Союзная конституция Швейцарской Конфедерации, которая достаточно объёмна и подробным образом закрепляет основные конституционные положения для различных сфер общественной жизни.

Разумеется, что с течением времени уровень развития информационного общества будущего потребует внесения изменений в Конституцию РФ. Возможно, что это произойдет на седьмой из семи стадий развития человеческой цивилизации, обусловленных соответствующими типами информационных технологий, которую

³³⁴ Конституция Республики Корея от 12 июля 1948 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – СПС «Консультант Плюс».

³³⁵ Конституция Датского Королевства от 5 июня 1953 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=152> (дата обращения: 17.09.2017).

³³⁶ Конституция Республики Исландия от 17 июня 1944 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=150> (дата обращения: 17.09.2017).

³³⁷ Конституционные акты Великобритании (Акт о правах человека 1998 года, Акт о пэрах 1963 года, Акт о Палате лордов 1999 года) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=162> (дата обращения: 25.02.2022).

³³⁸ Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=135> (дата обращения: 17.09.2017).

³³⁹ Конституция Японии от 03 мая 1947 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁰ Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – СПС «Консультант Плюс».

³⁴¹ Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 года // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – СПС «Консультант Плюс».

³⁴² Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – СПС «Консультант Плюс».

С.А. Дятлов назвал глобальной био-квантово-полевой или компьютерной персонифицированно-сетевой стадией. Она связана с возникновением невещественных (цифровых) квантово-полевых технологий передачи и воспроизводства информации (например, био-квантовых компьютеров, соединенных со своими персонифицированными носителями и объединенных в глобальную био-кванто-полевую сеть)³⁴³. Сегодня же информатизационный потенциал Конституции РФ ещё не исчерпан и вряд ли будет исчерпан в ближайшее время. Следует согласиться с Л.Н. Васильевой и А.В. Григорьевой в том, что в обозримом будущем пока сложно представить необходимость формулирования новых прав человека в цифровой среде, поскольку это, как представляется, связано с качественным скачком в цифровизации³⁴⁴. Более того, необходимо не забывать о том, что сама Конституция РФ не стоит на месте (хоть в неё и не вносятся изменения), так как смысл конституционных норм определяется с учётом конкретно-исторических условий общественного развития, в том числе при помощи так называемого эволюционного толкования Конституции РФ, который иногда встречается в решениях КС РФ. «Заложенный в Конституции глубокий смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям» –справедливо подчеркнул В.Д. Зорькин³⁴⁵. В этом заключается смысл концепции «живой конституции», которая помогает Конституции РФ сохранять свою актуальность в эпоху развивающегося информационного общества. По этой причине для решения проблемы потенциально устаревающей Конституции РФ в эпоху информационного общества вовсе необязательно вносить изменения в текст самого Основного Закона. Вместе с тем, нельзя обойти стороной вопрос о том, когда же всё-таки потребуются те или иные изменения в Конституцию РФ, обусловленные развитием информационного общества в России.

³⁴³ Дятлов С.А. Принципы информационного общества. // Информационное общество. – 2000. Вып.2. – С. 77–85.

³⁴⁴ Васильева Л.Н., Григорьев А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁵ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. // URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 10.02.2019).

На наш взгляд, для реальной необходимости в изменении Конституции РФ в целях приведения её в соответствие существующему информационному обществу необходима констатация того, что существование и жизнедеятельность информационного общества основывается на новых принципах, что произошли качественные изменения в самих основах существования и жизнедеятельности общества нового типа. Эти новые основы и нужно будет закрепить на конституционном уровне в будущем также, как сейчас в Конституции РФ закреплены существующие основы российского общества. Этот подход укладывается в представление о пределах конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе. Таким образом, индикатором необходимости внесения изменений в Конституцию РФ является смена принципов, основ существования и жизнедеятельности информационного общества, обусловленная его эволюционным развитием. При этом можно выделить объективные критерии изменения этих принципов, например, изменение принципов информационного общества в международных документах.

Помимо потребности внесения изменений в Конституцию РФ в целях её адаптации к условиям существующего информационного общества (в отсутствии данной потребности мы убедились выше), можно также говорить о необходимости внесения изменений в Конституцию РФ в целях установления так называемых программных норм. Действительно, нередко на уровне Основного Закона страны устанавливается некая цель, представляющая собой для народа определённую ценность, достижение которой возможно в будущем. Справедливо утверждение о том, что, закрепляя уже сложившиеся отношения, конституция тем не менее смотрит не в прошлое, а становится основой их последующего развития. Это не консервация отношений, а их стимулирование на будущее³⁴⁶. В предыдущем параграфе диссертации было показано перспективное значение некоторых новых положений Конституции РФ, принятых в рамках конституционной реформы в 2020

³⁴⁶ Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – С. 18.

году и имеющих значение для регулирования отношений в информационном обществе России. На наш взгляд, внесение изменений в Конституцию РФ в целях установления программных норм для развития информационного общества будущего возможно в рамках последующих конституционных реформ. Очевидно, что когда-нибудь это произойдет. В рамках конституционной реформы в будущем целесообразно закрепить, например, конституционные предпосылки для формирования общества знаний как наивысшей формы развития информационного общества, конституционные основы информационной безопасности государства в глобальном информационном обществе, урегулировать вопросы информационно-цифрового статуса человека и гражданина, возможно и вопросы правового статуса новых субъектов правоотношений в цифровом мире (в случае их признания): цифровой личности, искусственного интеллекта и т.д. Однако ещё раз подчеркнём: на данный момент острая практическая необходимость в данных изменениях отсутствует.

Таким образом, с точки зрения первого условия эффективности конституционно-правовых основ информационного общества в России, они эффективны: в их рамках может быть построено результативное отраслевое регулирование общественных отношений в информационном обществе.

Напомним, что другое условие эффективности предполагает то, что содержание конституционно-правовых основ информационного общества находит отражение и развитие в отраслевом законодательстве, но отраслевое законодательство не искажает это содержание и, соответственно, не дискредитирует те или иные конституционные ценности. Конституционно-правовые основы информационного общества должны оказывать надлежащее регулирующее воздействие на общественные отношения и предопределять содержание отраслевого, в том числе информационного законодательства, но не в коем случае не наоборот. Справедливо следующее утверждение В.М. Шафирова: «Конституционное понимание права должно лейтмотивом проходить через систему права, отраслевое (межотраслевое) законодательство, все иные источники

(формы) права, юридическую практику, профессиональное и гражданское правовое образование. Именно в Конституции заложена мощная первичная правовая энергия, необходимая для развития человеческого капитала, инновационной модернизации всех систем российского общества. Углубленное изучение фундаментальных и прикладных свойств российской Конституции на основе конституционного правопонимания – стратегическая задача, решение которой возможно только в рамках правоведения в целом: общей теории права и государства и всех отраслевых и иных юридических наук»³⁴⁷.

С точки зрения этого условия, конституционно-правовые основы информационного общества в России нельзя считать достаточно эффективными. Выявленные проблемы реализации конституционно-правовых основ информационного общества лишь подтверждают это. Отраслевое законодательство, регулирующее общественные отношения в современном информационном обществе, нуждается в изменениях, направленных на придание им конституционно-правового смысла, то есть нуждается в так называемой конституционализации³⁴⁸. Достаточно точно суть конституционализации отраслевого законодательства описал Н.С. Бондарь: «Обеспечение соответствия отраслевого правового регулирования Конституции РФ, преодоление законодательных противоречий и конфликтов очевидно предполагает при наличии объективной к тому возможности выявление в потенциально дефектной норме или нормативном комплексе адекватного действующей Конституции РФ нормативного

³⁴⁷ Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2–5.

³⁴⁸ Термин «конституционализация» обычно рассматривают в трёх значениях: во-первых, когда наиболее значимые отраслевые отношения имеют прямое закрепление в Конституции Российской Федерации и регулируются посредством прямого действия норм Основного Закона; во-вторых, когда отраслевое законодательство регулирует соответствующий круг общественных отношений в строгом соответствии с положениями Конституции Российской Федерации и под судебным конституционным контролем; в-третьих, конституционализация является способом преодоления конкуренции правовых норм и разрешения юридических конфликтов. См.: Крохина Ю.А. Конституционализация финансового законодательства: объективная закономерность и фактор оптимизации // Конституция и законодательство: Сб. статей по матер. науч.-практ. конф. (Москва, 29 октября 2003 г.). – М., 2003. – С. 112–124.

содержания и сообразно с ним конституционное истолкование тех или иных законоположений, в результате чего их собственная нормативная масса уплотнится (утяжелится) за счет ее наращивания конституционными предписаниями, выведенными КС РФ из содержания и смысла Основного Закона для данной конкретной конфликтной (противоречивой) правовой ситуации; тем самым им (законоположениям) будет придано реальное конституционное значение, т.е. произведена их конституционализация»³⁴⁹. При этом, как отмечает Н.С. Бондарь, конституционализация реализуется не только посредством функционирования органов конституционного контроля, но и обеспечивается в результате системного взаимодействия и совместной деятельности всех органов публичной власти, направленных на неукоснительное соблюдение норм Конституции РФ и их адекватное, точное отражение в правотворческой и правоприменительной практике³⁵⁰.

На наш взгляд, конституционализация законодательства, регулирующего отношения в информационном обществе, должна происходить не только и не столько посредством конституционного правосудия, сколько посредством деятельности законодательной власти, которой не стоит пренебрегать верховенством Основного Закона. В рамках правотворческой деятельности стоит уделять больше внимания оценке проекта того или иного нормативного правового акта на предмет его соответствия Конституции РФ. Особенно это актуально для правотворческой деятельности, направленной на урегулирование отношений в информационном обществе. Нередко, законодательные акты в этой сфере принимаются достаточно поспешно под сильным воздействием того или иного лобби. При этом качественная и независимая от этого лобби правовая экспертиза проекта законодательного акта отсутствует.

³⁴⁹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 271.

³⁵⁰ Там же. – С. 272.

В этой связи, в качестве самостоятельного направления совершенствования конституционно-правовых основ информационного общества в России можно выделить имплементацию их содержания в отраслевое законодательство. С учётом выявленных проблем в реализации конкретных конституционно-правовых основ информационного общества, эта имплементация или конституционализация должна преследовать цели создания оптимального баланса между публичными и частными интересами, различными конституционными правами в информационной сфере, установления конституционных, то есть допускаемых Конституцией РФ, ограничений прав и свобод человека и гражданина (включая соблюдение принципа правовой определенности), а также цель усиления законодательных гарантий реализации конституционно-правовых основ информационного общества России.

Анализ содержания и проблем реализации конституционно-правовых основ информационного общества, а также оценка их эффективности позволяют прийти к общему выводу о том, что на данный момент действующая Конституция РФ не нуждается в каких-либо изменениях. Вместе с тем, в изменениях нуждается отраслевое законодательство, регулирующее отношения в современном информационном обществе в Российской Федерации. Подробные выводы по этому поводу и по диссертационному исследованию в целом представлены в заключении.

Заключение

Одним из вопросов, послуживших мотивацией к выполнению настоящего диссертационного исследования, являлся вопрос об актуальности Конституции РФ в XXI веке – веке информационного общества. Изначально автор предполагал, что современные информационные технологии настолько существенно преобразовали основные сферы общественной жизни, что без модернизации Конституции РФ невозможно дальнейшее развитие информационного общества в России, а также то, что Основной Закон оказывает консервирующее воздействие, сдерживающее развитие информационных технологий и информационного общества в целом. Иными словами, приступая к настоящему диссертационному исследованию, автор считал, что в эпоху информационного общества российскому праву необходима конституционализация «снизу вверх», то есть внесение определённых изменений в Конституцию РФ, получивших развитие в рамках отраслевого законодательства.

Интересным в этой связи представлялось следующее наблюдение А.А. Джагаряна: «Уже существует уникальный опыт конституционализации этих процессов в Греции, где в 2001 году перечень основных прав дополнен правом каждого на участие в информационном обществе и сопутствующими позитивными обязательствами государства (ч. 2 ст. 5А Конституции Греции)»³⁵¹.

Проведённое исследование позволило прийти к противоположному выводу, что развитие информационного общества в России действительно нуждается в конституционализации, однако в конституционализации иного вида: не «снизу вверх», а «сверху вниз». На данном этапе развития информационного общества в России с учётом степени информатизации различных сфер российского общества

³⁵¹ Джагарян А.А. Электронная демократия на местном уровне в России: конституционно-правовые проблемы // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. – С. 608.

говорить о сегодняшней необходимости внесения изменений в Конституцию РФ в целях её «информатизации и цифровизации» преждевременно.

К данному выводу автору диссертационного исследования удалось прийти в результате анализа понятия и сущности информационного общества для целей конституционно-правового регулирования, определения пределов конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе, характеристики конституционно-правовых основ информационного общества, определения содержания конституционно-правовых основ информационного общества России в различных сферах посредством определения конституционно-правового смысла конкретных положений Конституции РФ, а также в результате оценки эффективности конституционно-правовых основ информационного общества в России. На авторскую позицию об отсутствии необходимости внесения изменений в Конституцию РФ на данном этапе развития информационного общества в России повлияли следующие выводы по указанным направлениям исследования.

1. Для целей конституционно-правового регулирования под информационным обществом можно понимать:

- во-первых, реально существующее и постоянно эволюционирующее, развивающееся общество, в котором значимую роль в основных сферах общественной жизни играют информационные технологии. При этом процессу развития этого общества присуща тенденция усиления роли информационных технологий в общественной жизнедеятельности, то есть усиления процесса информатизации различных общественных отношений. Именно информатизированность общественных отношений является их специфической особенностью в информационном обществе;
- во-вторых, общество, в котором процесс информатизации различных общественных отношений привёл к существенному усилению значимости информации и знаний, которые претендуют на роль основы общества в

социально-экономическом плане. Усиление значимости информации и знаний в информационном обществе приводит к количественным и качественным преобразованиям в различных сферах общественной жизнедеятельности;

- в-третьих, общество, в котором информационные технологии, информация и знания используются преимущественно в целях достижения определённых благ, удовлетворения личных и социальных потребностей;
- в-четвертых, общество, которое так или иначе стремится к экстерриториальности. В информационном обществе процесс обмена информацией перестает иметь территориальные, пространственные и даже временные границы.

2. Информационное общество в приведённом понимании подлежит конституционно-правовому регулированию в определённых пределах. Конституционное право России как отрасль определяет *основы* существования и развития всех сфер информационного общества, а также *детально* регулирует отношения в информационном обществе, складывающиеся в областях, составляющих основные элементы государства.

3. Обозначенные пределы конституционно-правового регулирования общественных отношений в информационном обществе России предопределяют определённый информатизационный потенциал Конституции РФ, которая содержит достаточно абстрактные конституционно-правовые нормы. Указанные конституционно-правовые нормы наполняются содержанием в рамках отраслевого законодательства.

4. В рамках отраслевого законодательства можно урегулировать любые вопросы, регулирование которых отвечает требованиям современного информационного общества России. Каких-либо изменений в Конституцию РФ вносить для этого не требуется. Иными словами, на данном этапе развития информационного общества Конституция РФ может являться базой для развития

эффективного и результативного отраслевого правового регулирования. На сегодняшний день Конституция РФ не утратила своё главное юридическое свойство: она является базой для текущего законодательства. В этом плане конституционно-правовые основы информационного общества в России достаточно эффективны.

5. Эффективность конституционно-правовых основ развития информационного общества России подтверждается также и тем, что конституции зарубежных стран, в которых информационное общество является более развитым, чем в России, не содержат более подробного регулирования отношений в информационном обществе. По степени абстрактности конституционно-правовые нормы конституций некоторых из этих стран (США, Швейцария, Южная Корея, Япония, Сингапур) сопоставимы с конституционно-правовыми нормами, содержащимися в Конституции РФ. Одно положение Конституции Греции, в котором упоминается об информационном обществе, а также иные подобные примеры являются скорее исключением, лишь подтверждающим общее правило.

Приведенная выше логика позволила сделать однозначный вывод о том, что в конституционализации «снизу вверх» на данном этапе развития информационного общества в России нет необходимости. Более того, она может быть опасной для развития информационного общества. На наш взгляд, говорить о закреплении неких ключевых правил, относящихся к регулированию информационного общества, было бы возможно, если бы указанные правила сами соответствовали ценностным ориентирам информационного общества, если бы они могли предложить для Конституции РФ «хорошие практики». На сегодняшний день происходит наоборот.

Положения отраслевого законодательства сами нуждаются в уточнениях, обусловленных тем, что они не в полной мере отвечают конституционным ориентирам для регулирования различных общественных отношений, в том числе отношений в информационном обществе. В этой связи необходима так называемая

конституционализация «сверху вниз». К данному умозаключению диссертанту удалось прийти исходя из следующих соображений и наблюдений.

1. Положения Конституции РФ, образующие конституционно-правовые основы информационного общества России, имеют собственный конституционно-правовой смысл хотя и учитывающий положения отраслевого законодательства, но не зависящий от него в полной мере. Иное исключало бы возможность признания тех или иных положений отраслевого законодательства не соответствующими Конституции РФ. Конечно, это не относится к прямым противоречиям. В данном случае речь идет о противоречиях Конституции РФ положений законодательства в определенном смысле, приданном им в правоприменительной практике.

2. В результате анализа положений отраслевого законодательства, развивающего конституционно-правовые основы, автору удалось установить, что в некоторых положениях отраслевого законодательства смысл конституционно-правовых основ информационного общества в России искажается. Это приводит или может привести к нарушению положений Конституции РФ на практике даже несмотря на то, что она обладает прямым действием. В данном случае срабатывает эффект «сломанного телефона»: изначальный смысл конституционно-правовых норм сначала подлежит конкретизации в федеральном законодательстве, потом в подзаконных нормативных правовых актах, потом, наконец, в конкретной ситуации, к которой применяются нормы права. Смысл конституционно-правовых норм не всегда преодолевает этот длинный путь в неизменном виде.

3. Анализ и обобщение существующих и возможных конкретных ситуаций, в которых необходимо применение отраслевого законодательства, конкретизирующего конституционно-правовые нормы, позволили выделить проблемы, связанные с реализацией конституционно-правовых основ информационного общества в России. Это проблема дисбаланса между публичными и частными интересами в пользу публичных интересов, проблема конкуренции между различными информационными правами и свободами

человека и гражданина, а также проблема неконституционности ограничений информационных прав и свобод различными положениями отраслевого законодательства.

Развитие информационного общества, как и информационного законодательства, должно быть основано на безусловном соблюдении требований Конституции РФ, обеспечивающим постоянную трансляцию конституционно-правового смысла положений Основного Закона в текущее законодательство, а также в правоприменительную практику. С учётом изложенного, диссертантом были предложены некоторые изменения в отраслевое законодательство, из которых понятна суть выявленных проблем реализации конституционно-правовых основ информационного общества в России. Ещё раз обозначим эти предложения:

- предложено конкретизировать понятие персональных данных в целях недопущения ограничений в свободном распространении информации;
- в целях недопущения цензуры на практике предложено предусмотреть понятие запрета цензуры не только в отношении средств массовой информации, а также и в отношении иных субъектов, распространяющих массовую информацию, расширив при этом понятие запрета цензуры;
- в целях соблюдения баланса между правом на свободный поиск информации и правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну предложено расширить перечень ограничений «права быть забытым»;
- в целях недопущения нарушения права на неприкосновенность частной жизни предложено уточнить и максимально конкретизировать законодательные основания, позволяющие осуществлять сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина без его согласия;
- в целях недопущения необоснованного ограничения конституционного права на свободное распространение информации предложено законодательно определить содержание понятия общественно значимых

сведений (информации), фальсификация или распространение недостоверной информации о которых запрещены;

- в целях реализации принципа пропорциональности при ограничении конституционных прав и свобод предложено изменить меру ответственности организаторов распространения информации в сети Интернет, заменив *ограничение доступа* к информационному ресурсу на *запрет осуществления деятельности* по организации распространения информации.

До тех пор, пока информационное законодательство не развивается в строгом соответствии с Конституцией РФ и информатизационный потенциал её норм не исчерпан, можно говорить лишь о перспективах решения локальных, а не глобальных задач, то есть об изменениях отраслевого законодательства, а не Конституции РФ.

Изложенное не означает, что диссертант занимает консервативную позицию и отрицает возможность каких-либо изменений в Конституцию РФ. Напротив, в диссертационном исследовании такая возможность не исключается. Безусловно, с течением времени потребуются определённые изменения в Конституцию РФ. Это произойдет тогда, когда её информатизационный потенциал будет исчерпан. В диссертационном исследовании был выработан подход, который позволяет определить необходимость внесения изменений в Конституцию РФ в связи с развитием информационного общества в будущем. Индикатором данной необходимости являются изменения в основах существования информационного общества, обусловленные его эволюционным развитием.

С каждым годом информационное общество России продолжает развиваться, информатизационный потенциал Конституции РФ – уменьшаться. Поэтому интересным представляется вопрос о возможности внесения изменений в Конституцию РФ в целях установления программных норм для развития информационного общества будущего. На наш взгляд, это возможно в рамках эволюционного развития российского конституционного законодательства, в том

числе, при принятии новой Конституции РФ или последующих изменений в действующую Конституцию РФ.

В этой связи заслуживают внимания вопросы, которые могли бы быть урегулированы Конституцией РФ будущего. Возможно целесообразно закрепить предпосылки для формирования общества знаний как наивысшей формы развития информационного общества, возможно целесообразно закрепить право каждого на бесплатный доступ в глобальную сеть Интернет, возможно необходимо на конституционном уровне решить вопросы с информационной безопасностью государства в глобальном информационном обществе, урегулировать вопросы информационно-цифрового статуса человека и гражданина, возможно решить и вопросы правового статуса новых субъектов правоотношений в цифровом мире (в случае их признания): цифровой личности, искусственного интеллекта и т.д. Эти и другие вопросы могут быть положены в основу последующих комплексных исследований, связанных с анализом конституционно-правового регулирования отношений в информационном обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

3. Федеральный закон от 09 марта 2021 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 11. – Ст. 1704.

4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 69.

5. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 48.

6. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 58.

7. Федеральный закон от 23 мая 2020 года № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 21. – Ст. 3231.

8. Федеральный закон от 01 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2214.

9. Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1218.

10. Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8445.

11. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4772.

12. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10¹ и 15⁴ Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4790.

13. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4791.

14. Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления

дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4558.

15. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4390.

16. Федеральный закон от 05 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2302.

17. Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3434.

18. Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3479.

19. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

20. Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. СЗ РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4328.

21. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
22. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.
23. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – т. 6217.
24. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
25. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
26. Федеральный закон от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
27. Федеральный закон от 10 января 2003 года № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 172.
28. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
29. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
30. Федеральный закон от 19 июля 1998 года № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 30. – Ст. 3609.

31. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
32. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
33. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
34. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
35. Федеральный закон от 14 июня 1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 801.
36. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 41. – Стр. 8220-8235.
37. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32.
38. Закон г. Москвы от 24 октября 2001 года № 52 «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. – 2001. – № 44.
39. Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 года № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 16 (Часть I). – Ст. 2746.
40. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

41. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

42. Указ Президента Российской Федерации от 04 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.

43. Указ Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1202 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4777.

44. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 07 февраля 2008 года № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – № 34.

45. Указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 года № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.

46. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года // Документ опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

47. Распоряжение Президента РФ от 15 января 2020 года № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 3. – Ст. 251.

48. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 322 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Воспроизводство и использование природных ресурсов"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2168.

49. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159.

50. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 305 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие фармацевтической и медицинской промышленности"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть I). – Ст. 2152.

51. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие энергетики"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть III). – Ст. 2167.

52. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.

53. Приказ Роскомнадзора от 05 декабря 2016 года № 308 «Об утверждении формы и порядка направления уполномоченными государственными органами требования о принятии мер по прекращению распространения новостным агрегатором фальсифицированных общественно значимых сведений, недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений, новостной информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – № 24.

54. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"» (законопроект № 1057337-7) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057337-7> (дата обращения: 25.02.2022).

55. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской

Федерации» (законопроект № № 804132-6) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/804132-6> (дата обращения: 25.02.2022).

56. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (законопроект № 608767-7) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/608767-7> (дата обращения: 25.02.2022).

II. Международные правовые акты

57. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. – 1995. – № 67.

58. Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

59. Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» (принята в г. Люксембурге 24 октября 1995 года) // Текст перевода официально опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

60. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04 ноября 1950 года) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

61. Международный Пакт от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

62. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 года // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8.

63. План действий. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R от 12 декабря 2003 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

64. Резолюция A/RES/59 (I) «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации» (принята 14 декабря 1946 года на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/035/16/IMG/NR003516.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.04.2017).

65. Тунисская программа для информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R от 15 ноября 2005 года // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

66. Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) (принята в г. Страсбурге 12 декабря 2007 года) // Текст перевода официально опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

III. Нормативные правовые акты зарубежных стран

67. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года // URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=135> (дата обращения: 17.09.2017).

68. Конституционные акты Великобритании (Акт о правах человека 1998 года, Акт о пэрах 1963 года, Акт о Палате лордов 1999 года) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=162> (дата обращения: 25.02.2022).

69. Конституция Республики Сингапур от 03 июня 1959 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 675 – 782. СПС «Консультант Плюс».

70. Конституция Датского Королевства от 5 июня 1953 года // URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=152> (дата обращения: 17.09.2017).

71. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 164 – 245. СПС «Консультант Плюс».

72. Конституция Республики Корея от 12 июля 1948 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – СПС «Консультант Плюс».

73. Конституция Японии от 03 мая 1947 года // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – СПС «Консультант Плюс».

74. Конституция Республики Исландия от 17 июня 1944 года // URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=150> (дата обращения: 17.09.2017).

75. Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 года // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 549 – 562. СПС «Консультант Плюс».

76. Data Protection Act 1998. Section 1 (1) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/29/section/1> (дата обращения: 28.08.2017).

IV. Монографии, учебные пособия

77. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации: Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI в.: учебное пособие / Р.Ф. Абдеев. – М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1994. – 334 с.

78. Абдрахманов, Д.В. Понятие персональных данных как фактор, влияющий на защиту конституционных прав человека и гражданина: материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Д.В. Абдрахманов; Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM)
79. Авакьян, С.А. Конституционное право России: Учебный курс в 2 Т. / С.А. Авакьян. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 864 с.
80. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – 528 с.
81. Авакьян, С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: монография / С.А. Авакьян. – М.: Рос. юрид.изд. Дом, 1996. – 359 с.
82. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
83. Алексеева, И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ / И.Ю. Алексеева. – М.: ИФ РАН, 1993. – 218 с.
84. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 784 с.
85. Бачило, И.Л. Информационное право РФ: учебник для вузов / И.Л. Бачило. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 723 с.
86. Бачило, И.Л., Лопатин, В.Н., Федотов, М.А. Информационное право: учебник / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов; Под ред. академика РАН Б.Н. Топорнина. – СПб.: Юридический центр Пресс., 2001. – 789 с.
87. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
88. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 544 с.

89. Бредихин, А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография / А.Л. Бредихин. – М.: Инфра-М., 2012. – 127 с.
90. Вершинская, О.Н. Человек электронном мире / О.Н. Вершинская. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – 280 с.
91. Джагарян, А.А. Электронная демократия на местном уровне в России: конституционно-правовые проблемы: сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / А.А. Джагарян; Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист., 2012. – 799 с.
92. Дмитриев, Ю.А., Златопольский, А.А. Гражданин и власть / Ю.А. Дмитриев, А.А. Златопольский. – М.: Манускрипт, 1994. – 161 с.
93. Ершова, Т.В. Информационное общество – это мы! / Т. В. Ершова. – М.: Институт развития информационного общества, 2008. – 512 с.
94. Индекс готовности регионов России к информационному обществу. 2004-2005 / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. – М.: Институт развития информационного общества, 2005. – 224 с.
95. Информационное право: учебник для бакалавров / Отв. ред. И.М. Рассолов. – М.: Проспект, 2013. – 350 с.
96. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ., 2000. – 608 с.
97. Козлова, Е.И., Кутафин, О.Е. Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 1998. – 519 с.
98. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.
99. Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юристы, 2007. – 543 с.
100. Конституционное право Российской Федерации: Учебник / Под ред. М.И. Кукушкина, В.Д. Первалова. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. – 368 с.

101. Конституционное право: университетский курс. / А.И. Казанник, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – 528 с.
102. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
103. Лейст, Э.О. История политических и правовых учений: Учебник / Э.О. Лейст. – М.: Зерцало, 2000. – 688 с.
104. Лучин, В.О. Конституционные нормы и правоотношения / В.О. Лучин. – М.: Закон и право, 1997. – 159 с.
105. Манфред, А.З. Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1973. – 724 с.
106. Мелюхин, И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1999. – 308 с.
107. Мелюхин, И.С. Информационные технологии и бизнес / И.С. Мелюхин. – М.: Гарант-парк, 1997. – 196 с.
108. Минбалеев, А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества: монография / А.В. Минбалеев. – Челябинск: Цицеро, 2012. – 373 с.
109. Нисневич, Ю.А. Информация и власть / Ю.А. Нисневич. – М.: Мысль, 2000. – 175 с.
110. Общая теория государства и права: академический курс в 3 Т., / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 518 с.
111. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. – 921 с.
112. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987. – 448 с.
113. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2003. – 656 с.

114. Райков, А.Н. Интеллектуальные информационные технологии: Учеб. пособие. / А.Н. Райков. – М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000. – 95 с.
115. Ракитов, А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях / А.И. Ракитов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 104 с.
116. Ракитов, А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1991. – 288 с.
117. Романовский, Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г.Б. Романовский. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 309 с.
118. Смолян, Г.Л. Человек и компьютер: социально-философские аспекты автоматизации управления и обработки информации / Г.Л. Смолян. – М.: Политиздат, 1981. – 192 с.
119. Стрельцов, А.А. Государственная система правового регулирования в области информационной безопасности личности, общества, государства и современных автоматизированных и телекоммуникационных систем / А.А. Стрельцов. – М.: Лаборатория Книги, 2008. – 87 с.
120. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 400 с.
121. Урсул, А.Д. Информатизация общества: введ. в социал. информатику: Учебное пособие / А.Д. Урсул. – М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1990. – 191 с.
122. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыгина; Под. ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 398 с.
123. Федотов, М.А. Право массовой информации в Российской Федерации / М.А. Федотов. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 622 с.
124. Цыгичко, В.Н. Новые информационные технологии в прогнозировании развития социально-экономических объектов / В.Н. Цыгичко. – М.: ВНИИСИ, 1990. – 42 с.

125. Шапошник, С.Б. Готовность России к информационному обществу: оценка ключевых направлений и факторов электронного развития: аналит. доклад / С.Б. Шапошник. – М.: Институт развития информационного общества, 2004. – 251 с.
126. Швецов, А.Н. «Информационное общество»: теория и практика становления в мире и в России / А.Н. Швецов. – М.: КРАСАНД, 2012. – 280 с.
127. Шебанов, А.Ф. Нормы советского социалистического права / А.Ф. Шебанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 44 с.
128. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910-1912. – 833 с.
129. Щетинин, Б.В. Проблемы теории советского государственного права / Б.В. Щетинин. – М.: Юрид. лит., 1974. – 288 с.

V. Научные статьи

130. Абдрахманов, Д.В. Общество знаний в Российской Федерации: информационно-правовой аспект / Д.В. Абдрахманов // Информационное право. – 2019. – № 3 (61). С. 9–12.
131. Авакьян, С.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 4–7.
132. Авакьян, С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 3–7.
133. Авакьян, С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2012. – № 6. – С.3–21.

134. Агеев, А.С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда РФ / А.С. Агеев // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 34–37.

135. Агеев, А.С. Свобода информации и презумпция открытости информации: их соотношение и воплощение в нормах российского конституционного права / А.С. Агеев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 30–33.

136. Александров, Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1958. – № 5. – С. 117–123.

137. Алексеева, И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества / И.Ю. Алексеева // Информационное общество. – 1999. – Вып. 1. – С. 30–35.

138. Антонов, Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение / Я.В. Антонов // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 101–113.

139. Арешев А.Г. Тенденции современной глобализации и актуальные задачи информационного права / А.Г. Арешев // Труды института государства и права российской академии наук. Проблемы информационного права. – 2009. – № 5. – С. 24–53.

140. Артемова, С.Т., Жильцов, Н.А., Чердаков, О.И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства / С.Т. Артемова, Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41–45.

141. Бабурин, С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации / С.Н. Бабурин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 3–6.

142. Барциц, И.Н. Информационное право информационного общества / И.Н. Барциц // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 119–122.

143. Бачило, И.Л., Антопольский, А.А., Белов, Г.В. и др. Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации / И.Л. Бачило, А.А. Антопольский, Г.В. Белов // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 47–61.

144. Бачило, И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права / И.Л. Бачило // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 95–108.

145. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – 1986. – С. 330–342.

146. Богданова, Н.А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права / Н.А. Богданова // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 3. – С. 64–65.

147. Бондарь, Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

148. Бурла, В.М. Цифровизация как фактор влияния на развитие конституционной аксиологии / В.М. Бурла // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 84–91.

149. Бурмистров, А.С. Контрольная власть в России / А.С. Бурмистров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 10. – С. 7–10.

150. Вартанова, Е.Л. Информационное общество в стратегии Европейского союза / Е.Л. Вартанова // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1998. – № 3 (43).

151. Васильева, Л.Н., Григорьев, А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития / Л.Н. Васильева, А.В. Григорьев // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 40–58.

152. Васькова, М.Г. Проблемы становления и реализации электронной демократии в электронном государстве / М.Г. Васькова // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С.47–50.

153. Велиева, Г.М. Защита свободы информации в практике Европейского суда по правам человека / Г.М. Велиева // Современное право. – 2014. – № 4. – С. 159–164.

154. Гвишиани, Д.М., Михалевич, В.С., Ракитов, А.И., Семенихин, В.С. Стратегия прорыва. Информатизация – назревшая необходимость / Д.М. Гвишиани, В.С. Михалевич, А.И. Ракитов, В.С. Семенихин // Правда. – 1988. – № 173.

155. Головин, С.Н. Конституционная реальность «электронной демократии» в России / С.Н. Головин // Современное право. – 2004. – № 3. – С. 24–31.

156. Горностаева, Е.О. Зарубежный опыт электронного голосования на выборах / Е.О. Горностаева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 21. – С. 39–40.

157. Гриб, В.В. Право на получение информации и проблемы его реализации субъектами общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом / В.В. Гриб // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 16–19.

158. Гриценко, Е.В., Бабелюк, Е.Г., Проскурякова М.И. Развитие права на доступ к информации в сфере публичного управления в российском и германском конституционном праве / Е.В. Гриценко, Е.Г. Бабелюк // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5. – С. 10–27.

159. Должиков, А.В. Толкование конституционных прав / А.В. Должников // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 125–151.

160. Дятлов, С.А. Принципы информационного общества / С.А. Дятлов // Информационное общество. – 2000. – Вып.2. – С. 77–85.

161. Евстифеев, Д.М. Метод конституционно-правового регулирования общественных отношений / Д.М. Евстифеев // Российский юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 15–25.

162. Ким, А.И. Ещё раз о государственном праве как отрасли советского права / А.И. Ким // Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, – 1978. – С. 3–8.

163. Коновалов, С.Г. Негласные следственные действия в уголовном процессе Германии: проблемы концептуализации / С.Г. Коновалов // Уголовное судопроизводство. – 2018. – № 1. – С. 41–48.

164. Кононов, К.А. Институциональная природа идеологического многообразия / К.А. Кононов // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 22. – С. 2–7.

165. Костюков, А.Н. Реализация прав человека и гражданина в конституционном праве России: год 2017-й / А.Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 17–23.

166. Коток, В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 3–93

167. Кравец, И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 9–15.

168. Кравчук, С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве / С.С. Кравчук // Советское государство и право. – 1956. – № 10. – С. 95–105.

169. Красинский, В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы / В.В. Красинский // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 5–10.

170. Красногоров, В. С. У мысли стоя на часах: Записки об истории отечественной цензуры // URL: http://lit.lib.ru/k/krasnogorow_w_s/tsenzuradoc.shtml (дата обращения: 29.08.2017).

171. Кротов, А.В. Право на забвение в России / А.В. Кротов // Адвокат. – 2015. – № 11. – С. 26–32.

172. Крохина, Ю.А. Конституционализация финансового законодательства: объективная закономерность и фактор оптимизации / Ю.А. Крохина // Конституция и законодательство: Сб. статей по матер. науч.-практ. конф. – М., 2003. С 112–124.

173. Кузнецов, П.У. Научно-образовательные проблемы информационного права / П.У. Кузнецов // Информационное право. – 2013. – № 3. – С. 3–6.

174. Куликова, С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве / С.А. Куликова // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 22–29.

175. Куликова, С.А. Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры / С.А. Куликова // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 20–23.

176. Лебедев, В.А. Концепция прав и свобод человека и гражданина как элемент отечественного конституционализма / В.А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 3–8.

177. Липчанская, М.А., Заметина, Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России / М.А. Липчанская, Т.В. Заметина // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 78–96.

178. Лунгу, Е.В. Тенденции развития конституционных правоотношений в свете перехода к Digital State / Е.В. Лунгу // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 61–63.

179. Мамонтов, В.А. Проблема использования категории публичного интереса в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность / В.А. Мамонтов // Юридический мир. – 2011. – № 1. – С. 39–44.

180. Масловская, Т.С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия / Т.С. Масловская // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 18–22.

181. Моисеев, Н.Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н.Н. Моисеев // Информационное общество. Сборник. Сб. М.: АСТ – 2004. – 507 с.

182. Наумов, В.Б., Архипов, В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий / В.Б. Наумов, В.В. Архипов // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 186–196.

183. Нерсисянц, В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология / В.С. Нерсисянц // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 199 с.

184. Оспанов, Т.А., Абдрахманов, Д.В. Графа «Против всех» в контексте политической конкуренции / Т.А. Оспанов, Д.В. Абдрахманов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 29–33.

185. Пашнина, Т.В., Минбалеев, А.В. Развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации / Т.В. Пашнина, А.В. Минбалеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 88–92.

186. Полякова, Т.А., Жарова, А.К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» / Т.А. Полякова, А.К. Жарова // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – №1 (59). – С. 172 – 188.

187. Равин, С.М. Основные особенности советского государственного права / С.М. Равин // Правоведение. – 1961. – № 1. – С. 3–14.

188. Ракилов, А.И. Глобальная информатизация и информатизация советского общества / А.И. Ракилов // Социальная информатика. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. – С. 12–18.

189. Ракилов, А.И. Наш путь к информационному обществу / А.И. Ракилов // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 1989. – № 1. – С. 31–52.

190. Рассолов, И.М. Защита частной жизни в сетях международного информационного обмена / И.М. Рассолов // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 48–53.

191. Рихтер, А.Г. Запрет цензуры и защита принципа свободы массовой информации на постсоветском пространстве / А.Г. Рихтер // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 1. – С. 206–217.

192. Савельев, А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях / А.И. Савельев // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144.

193. Семенов, А.В. Проблема эффективности норм конституционного права / А.В. Семенов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 186–188.

194. Симонова, С.В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика / С.В. Симонова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11. – С. 172–179.

195. Смолян, Г.Л., Черешкин, Д.С. О формировании информационного общества в России / Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкин // Информационное общество. – 1998. – № 6. – С. 8–13.

196. Снежко, О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве / О.А. Снежко // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 38–43.

197. Талапина, Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 18–32.
198. Тарасов, А.М. Киберугрозы, прогнозы, предложения / А.М. Тарасов // Информационное право. – 2014. – № 3. – С. 11–15.
199. Титов, А.С. Проверочные мероприятия в отношении аудиторских организаций и аудиторская тайна / А.С. Титов // Банковское право. – 2005. – № 4. – С. 43–46.
200. Тихомиров, Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации / Ю.А. Тихомиров // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: сборник статей и материалов; Сост. С. Е. Заславский. – М.: ИИК «Российская газета». – 2007. – 190 с.
201. Травников, Н.О. Соотношение права на информацию со смежными конституционными правами / Н.О. Травников // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 58–62.
202. Трайнин, И.П. О содержании и системе государственного права / И.П. Трайнин // Сов. государство и право. – 1939. – № 3. – С. 36–45.
203. Урсул, А.Д. Информатизация общества и безопасность развития цивилизации / А.Д. Урсул // Социально-политические науки. – 1990. – № 10. – С. 28–38.
204. Урсул, А.Д. Информационная глобалистика как основание глобального мировоззрения / А.Д. Урсул // Информация и научное мировоззрение: сборник статей. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация. – 2013. – С. 177–203.
205. Федотов, М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования / М.А. Федотов // Советское государство и право. – 1989. – № 7. – С. 80–89.
206. Федотов, М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М.А. Федотов // Lex russica. – 2016. – № 3. – С. 164–182.

207. Федотова, Ю.Г. Электронная демократия как средство обеспечения информационной безопасности государства / Ю.Г. Федотова // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 17–24.

208. Филипова, И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании / И.А. Филипова // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 9. – С. 119–130.

209. Финк, Е.А. К вопросу о структуре информационной сферы общества / Е.А. Финк // Омский научный вестник. – 2010. – № 6 (92). – С. 85–87.

210. Чеботарева, А.А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод / А.А. Чеботарева // Юридический мир. – 2015. – № 1. – С. 49–53.

211. Черешкин, Д.С. Нелегкая судьба российской информатизации / Д.С. Черешкин // Информационное общество. – 2008. – № 1. – С. 47–71.

212. Черешкин, Д.С. Смолян, Г.Л. Сетевая информационная революция / Д.С. Черешкин, Г.Л. Смолян // Информационные ресурсы России. – 1997. – № 4. – С. 15–18.

213. Чуров, В.Е., Эбзеев, Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель / В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 5–20.

214. Шарнина, Л.А. Место усмотрения в механизме конституционного правового регулирования / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 5. – С. 8–15.

215. Шафиров, В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение / В.М. Шафиров // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2–5.

216. Шахрай, С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе / С.М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – № 12. – Т. 88. – С. 1075–1082.

217. Швабауэр, А.В. Кардинальное изменение правил оказания госуслуг и конституционные права граждан / А.В. Швабауэр // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 10. – С. 3–7.

218. Югов, А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 8–13.

VI. Диссертации и авторефераты диссертации

219. Алхутова, Г.А. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алхутова Галина Алексеевна. – Москва, 2002. – 151 с.

220. Антонов, Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – 203 с.

221. Антонов, Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – 26 с.

222. Артищев, А.И. Право на распространение информации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Артищев Алексей Ильич. – Москва, 2008. – 197 с.

223. Бутенко, Е.В. Эволюция теорий информационного общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Бутенко Елена Владимировна. – Томск, 2004. – 145 с.

224. Вахрамеев, Р.Г. Право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Вахрамеев Роман Геннадьевич. – Екатеринбург, 2016. – 26 с.

225. Вершинская, О.Н. Социально-экономические предпосылки и последствия информатизации: дис. ... док. соц. наук: 05.13.10 / Вершинская Ольга Николаевна. – Москва, 1994. – 70 с.

226. Гаджиева, З.Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Гаджиева Зельфира Рамазановна. – Москва, 2013. – 23 с.

227. Гукетлова, Д.М. Государственно-правовое регулирование функционирования средств массовой информации в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Гукетлова Даханаго Магомедовна. – Волгоград, 2005. – 191 с.

228. Давыдов, А.Н. Конституционно-правовые основы реализации права на массовую информацию в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Давыдов Алексей Николаевич. – Москва, 2008. – 210 с.

229. Жаров, А.С. Конституционно-правовое регулирование информационной безопасности личности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Жаров Анатолий Сергеевич. – Москва, 2006. – 215 с.

230. Жиронкина, Ю.Е. Соотношение права на информацию и права на охрану личной жизни по Конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Жиронкина Юлия Евгеньевна. – Москва, 2013. – 24 с.

231. Иззатов, Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Иззатов Теймур Шамсали оглы. – Москва, 2002. – 159 с.

232. Кичигина, Т.Л. Право на информацию и свобода печати: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кичигина Татьяна Леонидовна. – Москва, 1992. – 26 с.

233. Корченкова, Н.Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Корченкова Наталья Юрьевна. – Н. Новгород, 2000. – 197 с.

234. Кудряшова, О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кудряшова Ольга Александровна. – Санкт-Петербург, 2013. – 143 с.

235. Лапо, Л.Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лапо Лариса Геннадьевна. – Москва, 2013. – 23 с.

236. Липатова, С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Липатова Светлана Львовна – Москва, 2006. – 230 с.

237. Лисицына, Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лисицына Елена Сергеевна. – Москва, 2013. – 214 с.

238. Лисицына, Е.С. Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лисицына Елена Сергеевна. – Москва, 2013. – 32 с.

239. Локинская, С.А. Свобода массовой информации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Локинская Светлана Александровна. – Челябинск, 2004. – 180 с.

240. Матрёнина, К.Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Матрёнина Ксения Юрьевна. – Тюмень, 2017. – 224 с.

241. Морозов, А.В. Методологические и организационные основы развития системы правовой информации Минюста России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13 / Морозов Андрей Витальевич. – Москва, 2000. – 470 с.

242. Одринский, А.А. Конституционно-правовые основы реализации права каждого на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Одринский Александр Андреевич – Москва, 2005. – 217 с.

243. Полякова, Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Полякова Татьяна Анатольевна. – Москва, 2008. – 438 с.

244. Преснякова, А.В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Преснякова Анна Викторовна – Москва, 2010. – 196 с.

245. Преснякова, А.В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Преснякова Анна Викторовна – Москва, 2010. – 27 с.

246. Савинцева, М.И. Конституционно-правовые проблемы регулирования информационных отношений в Японии: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Савинцева Марина Игоревна – Москва, 2007. – 209 с.

247. Саидов, А.Г. Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Саидов Абдулмуталиб Гасанович. – Махачкала, 2004. – 153 с.

248. Тамаев, А.М. Открытое правительство в России: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Тамаев Алан Майранович. – Владикавказ, 2017 – 200 с.

249. Тульнев, М.А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Тульнев Михаил Анатольевич. – Белгород, 2021. – 23 с.

250. Федотов, М.А. Средства массовой информации как институт социалистической демократии: государственно-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Федотов Михаил Александрович. – Москва, 1989. – 464 с.

251. Химченко, А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Химченко Алексей Игоревич. – Москва, 2014. – 174 с.

252. Шайхиев, Р.И. Конституционно-правовые средства информационного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шайхиев Ришат Исламович. – Казань, 2020. – 31 с.

253. Шевердяев, С.Н. Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шевердяев Станислав Николаевич. – Москва, 2002. – 210 с.

VII. Правоприменительная практика

254. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

255. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 191 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 4. – Ст. 359.

256. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 29. – Ст. 4019.

257. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 29. – Ст. 3983.

258. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 года № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3552.

259. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03 февраля 2010 года № 3-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим - гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей» и пункта 1 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей в связи с жалобой гражданина С.В. Глушкова» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 7. – Ст. 774.

260. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО "Нижнекамскнефтехим"» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 28. – Ст. 3581.

261. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 9. – Ст. 830.

262. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

263. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2728.

264. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 года № 4-П «По делу о проверке конституционности положения

части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 10. – Ст. 1254.

265. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 года № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3002.

266. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1602.

267. Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 года № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

268. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 года № 1421-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шаловой Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

269. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 года № 568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных

прав частью третьей статьи 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

270. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 года № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (часть II). – Ст. 4397.

271. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2011 года № 1624-О-О «По жалобе граждан Андреевой Татьяны Алексеевны, Морозова Филиппа Владиславовича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

272. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 года № 628-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 8, частями первой, второй и четвертой статьи 9 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

273. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2006 года № 63-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 89, 121, 123, 125 и 131 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

274. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июня 2005 года № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан

Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

275. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 года № 10-О «По жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк "Эра"» на нарушение конституционных прав и свобод частями второй и четвертой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 3.

276. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Акционерный коммерческий банк "Энергобанк"» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 3 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации», пунктом 2 статьи 86 и пунктом 1 статьи 135.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 3.

277. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02 октября 2003 года № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года "О связи"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.

278. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 мая 1985 года (жалобы №№ 9214/80, 9473/81, 9474/81) по делу «Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» // URL: <https://base.garant.ru/167312/> (дата обращения 25.02.2022).

279. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской

Федерации "О средствах массовой информации"» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

280. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

281. Решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г. по делу № 2-1779/2018. Опубликовано на официальном сайте Международной правозащитной группы Агора. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2cc72aea-39e7-4f8e-adc9-37d170966efa> (дата обращения: 25.02.2022).

282. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2016 года по делу № 33-31796/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

283. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 октября 2016 года по делу № 33-39736/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

284. Апелляционное определение Московского городского суда от 02 сентября 2016 года по делу № 33-34172/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

285. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 25 мая 2016 года по делу № 33-1592/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

286. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2016 года по делу № 33-11169/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

287. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 декабря 2015 года № Ф08-8505/2015 по делу № А32-14510/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

288. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2015 года по делу № 33-30344/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

289. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 августа 2015 года по делу № 33-27429/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

290. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 06 августа 2015 года № 33-6970/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

291. Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 29 мая 2015 года № 44-г-39 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

292. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 11 апреля 2016 года по делу № 33-6482/2016 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

293. Постановление Курганского областного суда от 18 сентября 2015 года № 4А-254/2015 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

294. Апелляционное определение Московского городского суда от 02 апреля 2015 года по делу № 33-8534/15 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

295. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 ноября 2014 года по делу № 33-43870 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

296. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25 августа 2014 года по делу № А79-9290/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

297. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 мая 2014 года № 09АП-8322/2014 по делу № А40-153867/13 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

298. Определение Калужского областного суда от 25 ноября 2013 года по делу № 33-3099/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

299. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2013 года № 09АП-29641/2013 по делу № А40-56844/2013 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

300. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2013 года № 05АП-5116/2013 по делу № А24-5453/2012 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

301. Определение Нижегородского областного суда от 24 января 2012 года по делу № 33-507 // Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

VIII. Информационные, аналитические, статистические и иные материалы, материалы на иностранном языке, электронные ресурсы

302. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting / Daniel Bell. // New York: Basic books, Cop. – 1973. – XIII. – 507p.

303. Bell D. The Social Framework of the Information Society // Oxford: Mit Press. – 1980. – 163 – 211 pp.

304. Castells M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume II / Manuel Castells // Cambridge: Blackwell. – 1997. – 538 p.

305. Castells M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume III / Manuel Castells // Cambridge: Blackwell. – 1998. – 456 p.

306. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I / Manuel Castells // Cambridge: Blackwell. – 1996. – 556 p.

307. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / Anthony Giddens // Stanford, Calif.: Stanford University Press. – 1991. – 256 p.

308. Giddens A. *Social Theory and Modern Sociology* / Anthony Giddens // Stanford, Calif.: Stanford University Press. – 1991. – 310 p.
309. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse: Mit einem neuen Nachw.* / Jürgen Habermas // Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1968. – 354 p.
310. Habermas, J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft* / Jürgen Habermas // Neuwied, Berlin: Luchterhand. – 1962. – 291p.
311. Harvey, D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change* / David Harvey // Cambridge: Blackwell. – 1990. – 379 p.
312. Nora S., Minc A. *The Computerization of Society. A Report to the President of France* / Simon Nora, Alain Minc // Cambridge, Mass.: MIT Press. – 1980. – 208 p.
313. Piore, M. J. *The Second Industrial Divide: possibilities for prosperity* / Michael J. Piore, Charles F. Sabel // New York: Basic Books. – 1984. – 343 p.
314. Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context* / Mark Poster // Cambridge: Polity Press. – 1990. – 188 p.
315. Schiller H. *Critical Research in the Information Age* / Herbert Schiller // *Journal of Communication*. – 1983. – Vol. 33. – Is. 3. – 249 – 257 pp.
316. Schiller H. *The World Crisis and the New Information Technologies* / Herbert Schiller // *Columbia Journal of World Business*. – 1983. 86 – 90 pp.
317. Schiller H. *The Communication Revolution: Who Benefits?* / Herbert Schiller // *Media Development*. – 1983. – 3 (4). – 18 – 20 pp.
318. Toffler A. *The Third Wave* / Alvin Toffler // New York: Morrow. – 1980. – 544 p.
319. International Telecommunication Union: *The ICT Development Index 2017* // URL: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 28.02.2022).
320. В СПЧ предложили Роскомнадзору узнать у суда способ блокировки Telegram // URL:

https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/04/2018/5ad8d0bc9a7947f02a7c0c1b?utm_source=fb_rbc (дата обращения: 20.04.2017).

321. Группа в социальной сети Facebook «Объединение жителей района Хамовники» // URL: <https://ru-ru.facebook.com/groups/Намовники/> (дата обращения: 20.08.2017).

322. Доклад А.А. Аузана на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 13 ноября 2020 года на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства» // URL: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

323. Дурдом: блокировка Telegram и ее последствия // URL: <http://www.banki.ru/news/columnists/?id=10405775> (дата обращения: 20.04.2017).

324. Забил я цифрой пушку туго. Интервью И.С. Ашманова. // Российская газета // URL: <https://rg.ru/2013/05/23/ashmanov.html> (дата обращения: 25.05.2017).

325. Закон видит в телемедицине технологию, но не рынок // URL: <http://www.iksmedia.ru/news/5426170-Zakon-vidit-v-telemedicine-texnolog.html> (25.08.2017).

326. Зорькин, В.Д. Буква и дух Конституции // URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 10.02.2019).

327. Интернет: прецедентная практика Европейского суда по правам человека. Совет Европы. Европейский суд по правам человека, 2011 // URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf (дата обращения: 30.04.2017).

328. Интернет-портал для дистанционного электронного голосования в Великобритании // URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/i-am-a/voter> (дата обращения: 28.07.2017).

329. Интернет-портал для дистанционного электронного голосования в Норвегии // URL: <https://www.regjeringen.no/en/historical-archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Local-Government-and-Regiona/tema-og-redaksjonelt-innhold/kampanjesider/e-vote-trial/id597658/> (дата обращения: 28.07.2017).

330. Интернет-портал для дистанционного электронного голосования в Швейцарии // URL: <http://ge.ch/vote-electronique/> (дата обращения: 28.07.2017).

331. Интернет-портал для дистанционного электронного голосования в Эстонии // URL: <http://www.vvk.ee/e-haaletamine/yld/> (дата обращения: 28.07.2017).
Статистика электронного голосования. URL: <http://www.vvk.ee/arhiiv/e-statistika/> (дата обращения: 28.07.2017).

332. Инфографика: кто пал в битве за Telegram // URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10406025> (дата обращения: 20.04.2017).

333. Круги Эйлера это. Словари и энциклопедии на Академике // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/128743> (дата обращения: 28.08.2017).

334. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: duma.gov.ru.

335. Поправки к Конституции: ИТ теперь находятся «в ведении Российской Федерации». Интервью Н.И. Касперской // CRN/Russian Edition (RE). ИТ-бизнес. // URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=146592> (дата обращения: 20.02.2022).

336. Советник президента Клименко предложил ограничить в России интернет // URL: <http://www.interfax.ru/russia/547163> (дата обращения: 22.08.2017).

337. СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

338. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. // URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=30221>